

СЕРГЕЙ
АЛЕКСЕЕВ

5

Сергей Алексеев

**Собрание сочинений. Том
5. Богатырские фамилии**

Издательство «Детская литература»

1958-1996

УДК 821.161.1-081
ББК 84(2Рос=Рус)6-я44

Алексеев С. П.

Собрание сочинений. Том 5. Богатырские фамилии /
С. П. Алексеев — Издательство «Детская литература», 1958-1996

ISBN 978-5-08-005284-2

В пятый том пятитомного Собрания сочинений известного детского писателя Сергея Петровича Алексеева (1922–2008) вошел цикл рассказов о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., посвященный великому подвигу советского народа в борьбе с фашизмом. В книге рассказывается о знаменитых сражениях: Московской битве, Сталинградском сражении, битве за Кавказ, танковой битве на Курской дуге, обороне Севастополя, блокаде Ленинграда, освобождении Европы от фашистских войск и взятии Берлина. Завершает том повествование вдовы и внука писателя о жизни С. П. Алексеева. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-081
ББК 84(2Рос=Рус)6-я44

ISBN 978-5-08-005284-2

© Алексеев С. П., 1958-1996
© Издательство «Детская
литература», 1958-1996

Содержание

Богатырские фамилии	7
Рассказы о великой Московской битве	8
Холм Жирковский	8
Сила	10
Мценск	11
Вязьма	12
Генерал Жуков	13
Московское небо	14
Талалихин	15
Арифметика	16
«Тульские пряники»	17
Красная площадь	18
Генерал Панфилов	21
Подвиг у Дубосекова	22
«Знай наших!»	23
Орлович-Воронович	24
Лишних нет	24
Экзамен	25
Дедушка	27
Лопата	28
Три приятеля с Волхонки	29
Зоя	30
Отдельный танковый батальон	31
Аэростатчик	32
«Айн, цвай, драй!»	33
Ударная	34
Ближе других	35
Пушка	36
Кашира	37
Броня	38
«Напишу из Москвы»	39
Переломилось	40
Ходики	41
Прибыл	42
Дом	43
«Француженка»	44
Сержант-лейтенант	45
Доватор	46
Казаки	47
Наташка	48
Тулупин	49
Скачков	51
Трое	52
Папка	53
Активный отдых	54
Али-Баба	55

Пасть	56
«Какой род войск сражается?»	57
Рассказы о великом сражении на берегах Волги	59
«Ни шагу назад!»	59
Тридцать три богатыря	60
Наш Ибаррури	61
«Гвоздильный завод»	63
Ранен в бою солдат	64
Буль-буль!	64
Мамаев курган	65
Волга, Волга	67
Злая фамилия	67
Данко	69
Комсомолыцы	69
Добрый знакомый	70
Знаменитый дом	71
Сталинградская оборона	72
Геннадий Сталинградович	73
Майор Устинов	74
Редут Таракуля	75
Госпиталь	79
Берлинская знаменитость	80
Вода из Волги	81
Остров Людникова	82
Титаев	84
Крепость	85
19 ноября 1942 года	85
Заждались	87
Коммунисты	87
«Братцы, пустите!»	89
Если хочешь писать о героях...	90
Художник-баталист	91
«Хендехохнули!»	92
23 ноября 1942 года	94
Очень даже заслужил	94
«„Черчилля“ подковал!»	95
«Зимняя гроза»	96
Белый и Черный	97
Добавили	98
Воздушный мост	99
Стальной-Соломенный	100
Минное поле	101
«Чтит и помнит»	102
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Сергей Алексеев

Собрание сочинений. Том

5. Богатырские фамилии

- © Алексеев С. П., наследники, 2014
- © Алексеева В. А., 2014
- © Алексеева В. А., составление, 2014
- © Непомнящий Л. М., иллюстрации, 1982
- © Поляков Д. В., иллюстрации, 2014
- © Лурье А. А., наследники, иллюстрации, 2005
- © Григоренко М. В., 2014

Богатырские фамилии

Рассказы из истории Великой Отечественной войны

22 июня 1941 года на рассвете войска фашистской Германии вероломно, без предупреждения напали на нашу Родину. Фашисты пытались лишить нас свободы, захватить наши земли и города.

Началась Великая Отечественная война советского народа против фашистских поработителей.

У фашистов на главных направлениях было больше пушек, самолетов, танков, хорошо обученных солдат. Перед тем как напасть на Советский Союз, фашистская Германия захватила Австрию, Чехословакию, Польшу, Францию, ряд других государств Европы. Промышленность этих стран стала работать на фашистов.

Враги рассчитывали расправиться с нами быстрым, стремительным ударом. Они даже придумали выражение «блицкриг», то есть молниеносная война. Но фашисты глубоко просчитались. Как один, поднялись советские люди на защиту своей Родины и свободы.

На Украине, в Белоруссии, в Прибалтике, на подступах к Москве, под Ленинградом, у стен Сталинграда развернулись огромные битвы с фашистами.

Враг был остановлен, в тяжелых боях разбит. Под ударами Советской Армии фашисты начали отступать.

О главных битвах Великой Отечественной войны, о ее бессмертных героях, о нашей великой Победе над фашистами и написаны эти рассказы.

Рассказы о великой Московской битве

Холм Жирковский

Осень коснулась полей Подмосковья. Падает первый лист.

30 сентября 1941 года фашистские генералы отдали приказ о наступлении на Москву.

«Тайфун» – так называли фашисты план своего наступления. Тайфун – это сильный ветер, стремительный ураган. Ураганом стремились ворваться в Москву фашисты.

Обойти Москву с севера, с юга. Взять советские армии в огромные клещи. Сжать. Раздавить. Уничтожить. Таков у фашистов был план.

Верят фашисты в быстрый успех, в победу. Более миллиона солдат бросили они на Москву. Тысячу семьсот танков, почти тысячу самолетов, много пушек, много другого оружия. Двести фашистских генералов ведут войска. Возглавляют поход два генерал-фельдмаршала.

Началось наступление.

На одном из главных участков фронта немецкие танки двигались на населенный пункт Холм Жирковский.

Подошли к поселку фашисты. Смотрят. Что он танкам – какой-то там Холм Жирковский. Как льву на зубок горошина.

– Форвертс! Вперед! – прокричал офицер. Достал часы. Посмотрел на время: – Десять минут на штурм.

Пошли на Жирковский танки.

Защищали Холм Жирковский 101-я мотострелковая дивизия и 128-я танковая бригада.

Засели в окопах солдаты. Вместе со всеми сидит Унечин. Не лучше других, не хуже. Солдат как солдат. Пилотка. Винтовка. Противогаз. На ногах сапоги кирзовые.

Ползут на окопы танки. Один прямо идет на Унечина. Взял Унечин гранату в руку. Зорко следит за танком. Ближе, ближе фашистский танк.

– Бросай, бросай, – шепчет сосед по окопу.

Выжидает Унечин.

– Бросай же, леший тебя возьми! – уже не шепчет – кричит сосед.

Не бросает Унечин. Выждал еще минуту. Вот и рядом фашистский танк. Сосед уже было глаза зажмурил. Приготовился к верной смерти. Однако видит: поднялся Унечин, швырнул гранату.

Споткнулся фашистский танк. Мотором взревел и замер.

Схватил Унечин бутылку с горючей жидкостью. Вновь размахнулся. Опять швырнул. Вспыхнул танк от горючей смеси. Улыбнулся Унечин, повернулся к соседу, пилотку на лбу поправил.

Кто-то сказал:

– Вот это да, браток! Выходит, дал прикурить фашистам.

Рассмеялись солдаты и снова в бой.

Слева и справа идет сражение. Не пропускают герои танки.

Новую вынул солдат гранату. Бутылку достал со смесью. Рядом поставил гранату и жидкость. Ждет.

Новый танк громыхнул металлом. И этот идет на Унечина. Кто-то опять сказал:

– «Зверь на ловца бежит».

Выждал Унечин минуту, вторую, третью...

«Бросай же, бросай!» – снова крикнуть хотел сосед. Однако губы зажал, сдержался.

Еще минута – и вновь граната кошкой под танк метнулась. А следом бутылка с горючей смесью. Вспыхнул и этот танк.

Улыбнулся Унечин. Пилотку на лбу поправил. Третью достал гранату. Вынул бутылку с горючей смесью. Рядом ее поставил.

Слева и справа грохочет бой. Не пропускают герои танки.

Десять минут прошло... Тридцать минут прошло... Час продолжается бой, два – не стихает схватка. Смотрят с тревогой на часы фашистские офицеры. Давно уже нужно пройти Жирковский. Застряли они в Жирковском.

Более суток держались советские бойцы под Холмом Жирковским. Подбили и подожгли 59 фашистских танков. Четыре из них уничтожил солдат Унечин.

К исходу суток пришел приказ на новый рубеж отойти солдатам. Меняют бойцы позиции. Вместе со всеми идет Унечин. Солдат как солдат. Не лучше других, не хуже. Пилотка. Винтовка. Противогаз. На ногах сапоги кирзовые.

Идут солдаты. Поднялись на бугор, на высокое место. Как на ладони перед ними лежит Холм Жирковский. Смотрят солдаты – батюшки светы! – все поле в подбитых танках, земли и металла сплошное месиво.

Кто-то сказал:

– Жарко врагам досталось. Жарко. Попомнят фашисты наш Холм Жирковский.

– Не Жирковский, считай, Жарковский, – кто-то другой поправил.

Посмотрели солдаты опять на поле:

– Конечно же Холм Жарковский!

Слева, справа идут бои. Всюду для фашистов Холмы Жарковские.

Сила

Наступают фашисты. С юга идут на Брянск, на Орел. С севера движутся к Калинин (ныне г. Тверь). Идут на Вязьму, Калугу, Юхнов.

Город Юхнов. Река Угра. Здесь, на Угре, под Юхновом, обороняли солдаты мост. Вышли к мосту фашисты. Танки столпились. Сгрудилась артиллерия. Пехота забила весь правый берег. Необходима для войск переправа. Нужен фашистам мост.

Смотрят солдаты на фашистские пушки, на танки, на правый берег:

– Братцы, сила смотри какая!

Глянешь на эту силу – и вправду, как молот, сила. Мало здесь наших войск. Обороняет мост совсем небольшой отряд, немногим больше стрелковой роты. Защищает мост и солдат Гаркуша.

Молод совсем Гаркуша. Первый бой впереди у солдата. Расположились бойцы в окопах. Обещали солдатам помощь. Ждут защитники свежей силы.

Пошли фашисты на штурм моста. Открыли пулеметный огонь по нашим. Изрешетили весь левый берег. Несутся теперь в атаку. Вот-вот и захватят мост.

Бьются солдаты отважно. Не подпускают к мосту фашистов. И все же понимает Гаркуша: не устоять им без свежей силы. Ожидают бойцы подкрепления.

– Где же помощь? – тревожиться стал Гаркуша. – Не удержим мы левый берег.

И вдруг смотрит солдат – отходят назад фашисты.

Доволен Гаркуша.

– Ура!

Видимо, помощь прибыла.

Только «ура!» прокричал солдат, как открыли фашисты минометный огонь по нашим. Минным градом штурмуют берег. Снова идут в атаку. Вот-вот и захватят мост. Вместе со всеми в бою Гаркуша. Присмотрелся к другим молодой солдат. Грозен в бою Гаркуша.

– А ну, подходи! А ну, подходи! – это фашистам кричит Гаркуша. Винтовка в руках у Гаркуши, как пулемет, стреляет.

Стойко дрались солдаты. Смотрит Гаркуша – отходят фашисты.

Доволен Гаркуша: значит, добавилась к нашим сила, значит, помощь и вправду прибыла.

Ударила по нашему берегу фашистская артиллерия. Вскорынули, как плуги, снаряды землю. Вспахали металлом берег.

Снова фашисты в атаку идут на мост. Не сдается упрямый мост. Не пропускают солдаты вперед фашистов. Оживился совсем Гаркуша:

– Ура! Братцы, не трус! Братцы, вперед!

На атаку врагов ответили наши солдаты своей атакой. Вместе с другими бежит Гаркуша. Кончик штыка, как алмаз, сверкает.

Смотрит Гаркуша – отходят фашисты.

Доволен солдат Гаркуша: значит, снова добавилась к нашим сила, значит, вовремя помощь прибыла.

Повернулся Гаркуша назад – посмотреть на героев, на тех, кто прибыл. За спиной у солдата пустое поле. Глянул налево, глянул направо. Не видно нигде пополнения. Все те же кругом бойцы – друзья по героической роте.

– Где же сила? Была же сила! – смотрит солдат на соседа. – Где же оно, пополнение?

Пожимает сосед плечами: о чем, мол, солдат толкует?

Смутился Гаркуша, стоит в удивлении.

Где она, сила? Была же сила! Клянется солдат – была!

Три дня бойцы у Угры держались. Не пропускали вперед фашистов.

Мценск

Отступают наши войска. Отходят. Сильнее враг.

С юга дорогу на Москву пробивает танковая армия под командованием генерала Гейнца Гудериана.

Рвутся, рвутся вперед фашисты. Прорвали фашистские танки советский фронт. Мчатся вперед машины.

Дорога к Москве открыта! Дорога к Москве открыта!

С ходу ворвались фашисты в Орел. Мчатся дальше, спешат на Тулу. Между Орлом и Тулой – Мценск.

К Мценску подходят фашистские танки. Утро. Встал Гейнец Гудериан. Помылся. Побрился. Сел генерал за завтрак.

Гейнец Гудериан генерал заслуженный. В особом почете среди фашистов. Ценят его в Берлине.

«Кто самый примерный у нас генерал?»

«Гейнец Гудериан».

«Кто самый у нас решительный?»

«Гейнец Гудериан».

«Кто знает одни победы?»

«Гейнец Гудериан. Гейнец Гудериан. Гейнец Гудериан!»

Льются к Гудериану рекой награды. Привык генерал к победам, к успехам, к наградам, к почестям. «Быстроногий Гейнец» – называют его в Германии.

Завтракает Гудериан, сидит за столом, рассуждает:

– Сегодня мы будем в Мценске. Завтра мы будем в Плавске. В Плавске, в Плавске... – стал напевать генерал.

Рад генерал успехам.

– Завтра мы будем в Плавске, послезавтра мы будем в Туле. В Туле, в Туле, – сказал Гудериан.

Задумался, что-то в уме прикинул:

– Послезавтра мы будем в Туле. Еще день, еще два...

Позавтракал, собрался, отправился в штаб генерал. Углубился в штабные карты. Смотрит на стрелки, смотрит на даты:

– Еще день, еще два...

И вот уже видит Москву Гудериан.

– Москва, Москва... – стал напевать генерал.

Вдруг вбегает к нему адъютант:

– Танки! Танки, мой генерал!

Не понимает Гейнец Гудериан, почему так кричит адъютант и какие танки.

– Русские танки! – кричит адъютант.

Под городом Мценском дорогу фашистам преградили советские танки.

Мало танков советских было. Однако силен удар. Умно поступали танкисты: применяли засады, заслоны, били прямой наводкой, атаковали фашистов в борт – там, где на танках броня слабее. 133 танка потеряли фашисты в боях под Мценском.

Задержались и здесь фашисты. Приводят себя в порядок. Даже комиссия специальная была создана. Изучает комиссия – как это так, почему, чудом каким подбито здесь столько фашистских танков?

Не напевает уже генерал Гудериан. Не поется ему. Нет желания. Нет настроения.

Вязьма

Привольны поля под Вязьмой. К небу бегут холмы.

Слова из были не выкинешь. Под городом Вязьмой большая группа советских войск попала к врагу в окружение. Довольны фашисты. Сам Гитлер, предводитель фашистов, звонит на фронт:

– Окружены?

– Так точно, наш фюрер, – рапортуют фашистские генералы.

– Сложили оружие?

Молчат генералы.

– Сложили оружие?

Вот смелый один нашелся.

– Нет. Осмелюсь доложить, мой фюрер... – Генерал что-то хотел сказать.

Однако Гитлер отвлекся чем-то. На полуслове прервалась речь.

Вот уже несколько дней, находясь в окружении, советские солдаты ведут упорные бои. Сковали они фашистов. Срывается фашистское наступление. Застряли враги под Вязьмой.

Снова Гитлер звонит из Берлина:

– Окружены?

– Так точно, наш фюрер, – докладывают фашистские генералы.

– Сложили оружие?

Молчат генералы.

– Сложили оружие?

– Нет.

Страшная брань понеслась из трубки.

– Осмелюсь доложить, мой фюрер, – пытается что-то сказать тот, смелый. – Наш Фридрих Великий еще сказал...

Однако не слушает дальше фюрер. Бросил с досадой трубку.

Снова проходят дни. Не утихают бои под Вязьмой. Застряли, завязли враги под Вязьмой.

Вяжет их Вязьма, вяжет. За горло рукой взяла!

В гневе великом фюрер. Снова звонок из Берлина.

– Сложили оружие?

Молчат генералы.

– Сложили оружие?!

– Нет, – за всех отвечает смелый.

Снова брызнул поток нехороших слов. Заплясала мембрана в трубке.

Притих генерал. Переждал. Уловил минутку:

– Осмелюсь доложить, мой фюрер, наш великий, наш мудрый король Фридрих еще сказал...

Слушает Гитлер:

– Ну, ну, так что же сказал наш Фридрих?

– Фридрих Великий сказал, – повторил генерал, – русских нужно дважды застрелить. А потом еще и толкнуть, мой фюрер, чтобы они упали.

Буркнул что-то невнятное в трубку фюрер. Отсоединился берлинский провод.

Целую неделю под Вязьмой не утихали бои. Неоценимой была для Москвы неделя. За эти дни защитники Москвы успели собраться с силами и подготовили для обороны удобные рубежи.

Привольны поля под Вязьмой. К небу бегут холмы. Здесь, на полях, на холмах под Вязьмой, сотни лежат героев. Здесь, защищая Москву, совершили советские люди ратный великий подвиг.

Знай!

Запомни!

Светлую память о них храни!

Генерал Жуков

Командующим Западным фронтом – фронтом, в состав которого входило большинство войск, защищавших Москву, был назначен генерал армии Георгий Константинович Жуков.

Прибыл Жуков на Западный фронт. Докладывают ему штабные офицеры боевую обстановку.

Бои идут у города Юхнова, у Медыни, возле Калуги.

Находят офицеры на карте Юхнов.

– Вот тут, – докладывают, – у Юхнова, западнее города... – и сообщают, где и как расположены фашистские войска у города Юхнова.

– Нет, нет, не здесь они, а вот тут, – поправляет офицеров Жуков и сам указывает места, где находятся в это время фашисты.

Переглянулись офицеры. Удивленно на Жукова смотрят.

– Здесь, здесь, вот именно в этом месте. Не сомневайтесь, – говорит Жуков.

Продолжают офицеры докладывать обстановку.

– Вот тут, – находят на карте город Медынь, – на северо-запад от города, сосредоточил противник большие силы, – и перечисляют, какие силы: танки, артиллерию, механизированные дивизии...

– Так, так, правильно, – говорит Жуков. – Только силы не вот здесь, а вот тут, – уточняет по карте Жуков.

Опять офицеры удивленно на Жукова смотрят. Забыли они про дальнейший доклад, про карту.

– Слушаю дальше, – сказал командующий.

Вновь склонились над картой штабные офицеры. Докладывают Жукову, какая боевая обстановка у города Калуги.

– Вот сюда, – говорят офицеры, – к югу от Калуги, подтянул противник мотомехчасти. Вот тут в эту минуту они стоят.

– Нет, – возражает Жуков. – Не в этом месте они сейчас. Вот куда передвинуты части, – и показывает новое место на карте.

Удивились штабные офицеры. С нескрываемым удивлением на нового командующего смотрят. Уловил Жуков недоверие в глазах офицеров. Усмехнулся.

– Не сомневайтесь. Всё именно так. Вы молодцы – обстановку знаете, – похвалил Жуков штабных офицеров. – Но у меня точнее.

Оказывается, побывал уже генерал Жуков и под Юхновом, и под Медынью, и под Калугой. Прежде чем в штаб, поехал прямо на поле боя. Вот откуда точные сведения.

Во многих битвах принимал участие генерал, а затем Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков – выдающийся советский полководец, герой Великой Отечественной войны. Это под его руководством и под руководством других генералов советские войска отстояли Москву от врагов. А затем в упорных сражениях и разбили фашистов в великой Московской битве.

Московское небо

Было это еще до начала Московской битвы.

Размечтался в Берлине Гитлер. Гадает: как поступить с Москвой? Мучается – что бы сделать такое необычное, оригинальное? Думал, думал...

Придумал такое Гитлер. Решил Москву затопить водой. Построить огромные плотины вокруг Москвы. Залить водой и город, и всё живое.

– Сразу погибнет всё: люди, дома и Московский Кремль!

Прикрыл он глаза. Видит: на месте Москвы бездонное плещется море!

– Будут помнить меня потомки!

Потом подумал: «Э-э, пока набежит вода...»

– Ждать?!

Нет, не согласен он долго ждать.

– Уничтожить сейчас же! В сию минуту!

Подумал Гитлер, и вот приказ:

– Разбомбить Москву! Уничтожить! Снарядами! Бомбами! Послать эскадрильи! Послать армады! Не оставить камня на камне! Сровнять с землей!

Выбросил руку вперед, как шпагу.

– Уничтожить! Сровнять с землей!

– Так точно, сровнять с землей, – замерли в готовности фашистские генералы.

22 июля 1941 года, ровно через месяц после начала войны, фашисты совершили первый воздушный налет на Москву.

Сразу 200 самолетов послали в этот налет фашисты. Нагло гудят моторы.

Развалились в креслах своих пилоты. Все ближе Москва, все ближе. Потянулись фашистские летчики к бомбовым рычагам.

Но... что такое?! Скрестились в небе ножами-шпагами мощные прожекторы. Поднялись навстречу воздушным разбойникам красноразветные советские истребители.

Не ожидали фашисты подобной встречи. Расстроились ряды врагов. Лишь немногие самолеты прорвались тогда к Москве. Да и те торопились. Бросали бомбы куда придется, скорей бы их сбросить и бежать отсюда.

Сурово московское небо. Крепко наказан непрошенный гость. 22 самолета сбито.

– Н-да-а... – протянули фашистские генералы.

Задумались. Решили посылать теперь самолеты не все сразу, не общей кучей, а небольшими группами.

– Будут наказаны большевики!

На следующий день вновь 200 самолетов летят на Москву. Летят небольшими группами – по три, четыре машины в каждой.

И снова их встретили советские зенитчики, снова их отогнали красноразветные истребители.

В третий раз посылают фашисты на Москву самолеты. Неглупыми, изобретательными были генералы у Гитлера. Новый придумали план генералы. Надо самолеты послать в три яруса, решили они. Одна группа самолетов пусть летит невысоко от земли. Вторая – чуть выше. А третья – и на большой высоте, и чуть с опозданием. «Первые две группы отвлекут внима-

ние защитников московского неба, – рассуждают генералы, – а в это время на большой высоте незаметно к городу подойдет третья группа, и летчики сбросят бомбы точно на цели».

И вот снова в небе фашистские самолеты. Развалились в креслах своих пилоты. Гудят моторы. Бомбы застыли в люках.

Летит группа. За ней вторая. А чуть поотстав, на большой высоте, – третья. Самым последним летит самолет особый, с фотоаппаратами. Сфотографирует он, как разрушат фашистские самолеты Москву, привезет напоказ генералам.

Ждут генералы известий. Вот и возвращается первый самолет. Заглохли моторы. Остановились винты. Вышли пилоты. Бледные-бледные. Едва на ногах стоят.

50 самолетов потеряли в тот день фашисты. Не вернулся назад и фотограф. Сбили его в пути.

Неприступно московское небо. Строго карает оно врагов. Рухнул коварный расчет фашистов.

Мечтали фашисты и их бесноватый фюрер уничтожить Москву до основ, до камня. А что получилось?

Биты фашисты. Москва же стоит и цветет, как прежде. Хорошеет от года к году.

Талалихин

Защищая Москву от воздушных налетов, совершил свой прославленный подвиг летчик-комсомолец младший лейтенант Виктор Талалихин.

Подмосковная ночь. Тихая. Лунная. Мирно плывут облака. Бежит луна от облака к облаку. Вот застеснялась. Спряталась. Вновь показалась.

Ночь. Тишина. И вдруг заухали, взвыли зенитки. Прожекторы, как пики, кольнули небо. В воздухе был противник.

Наблюдатели обнаружили приближающийся к Москве фашистский бомбардировщик. Младший лейтенант Талалихин получил приказ уничтожить врага. Через две минуты летчик был в воздухе.

Быстро ползет стрелка прибора, показывающего высоту. Триста метров... пятьсот... тысяча. Все выше и выше ползет стрелка. Для летчика-истребителя важен запас высоты. Сверху и атаковать неприятеля лучше, сверху все виднее. Две тысячи метров, три. Всматривается Талалихин в черное небо. Нет, не видно нигде врага. Еще выше идет самолет. Четыре тысячи метров. Четыре с половиной. Вновь осмотрелся кругом Талалихин. Все так же по небу бежит луна. Все так же темно за бортом.

И вдруг слева, чуть впереди, увидел Талалихин какой-то отблеск. Всмотрелся – опять блеснуло. Лунным светом мигнул металл. Все ясно. Враг рядом. Враг найден. Вот уже виден и весь самолет врага.

– Не уйдешь! – прокричал Талалихин. Схватил фашиста в прицел. Нажал на гашетку. Точно стрелял Талалихин.

Первая же очередь догнала фашиста. Тронули пули правый мотор врага. Пламя мотор схватило. Ранен фашист, но не сбит. Наклоняет самолет на крыло, старается воздухом сбить огонь. Вот-вот и вовсе огонь собьет. Прибавил машине скорость. Бросает машину то влево, то вправо. Пытается оторваться, уйти от советского летчика.

Опытный ас попался. Несколько заходов сделал уже Талалихин. Никак не добьет врага. Уходит противник.

Вновь для атаки зашел Талалихин. Нажал на гашетку. Молчат пулеметы. Расстрелял все патроны летчик.

Уходит противник. И тут...

Не раз уже советские летчики таранили, то есть винтом или корпусом своего самолета сбивали самолеты врага. Еще в первые дни войны совершили таран младшие лейтенанты Петр Харитонов, Степан Здоровцев, Михаил Жуков. Да и здесь, под Москвой, тоже свои герои: капитан Алексей Катрич, младший лейтенант Борис Пирожков и другие. Однако все это были тараны дневные. Ночью Талалихин таранил первым.

Подвел он машину к хвосту фашистского самолета. Только прицелил к удару, как вдруг блеснул огонь из фашистского самолета. Лучами метнулись пули. Обожгли они руку советскому летчику.

Сжал Талалихин от нахлынувшей боли зубы. Однако штурвал из рук не выпустил. Снова зашел в хвост фашистского бомбардировщика. Нажал на рычаги. Дал полный газ. И со всей силой врезался в самолет противника. Вспыхнул бомбардировщик, как факел. Рухнул, завертелся, понесся вниз.

Однако от удара был выведен из строя и самолет Талалихина. Пришлось летчику прыгать с парашютом. Прыгнул. Благополучно спустился вниз.

За свой подвиг – за первый воздушный ночной таран – младший лейтенант Виктор Талалихин был удостоен высокой награды. Он стал Героем Советского Союза.

Арифметика

Продолжают рваться к Москве фашисты. Гудериан на Москву наступает с юга. С запада движется Гепнер. Гепнер тоже танковый генерал. Сотни танков в полках у Гепнера. Прорвали фашистские танки советский фронт.

Прорван фронт, но знает Гепнер, что это еще не все. Там, впереди, еще главные русские силы. Мечтает Гепнер разбить эти силы.

– Вперед, к победе!

Наступают танки, и вдруг задержка. «Вот они, главные силы, – решает Гепнер. – Вот он, главный, последний бой». Закипело сражение. Кончилась схватка.

– Разбиты?

– Разбиты.

– Главные силы?

– Нет, – отвечают Гепнеру.

– Наши потери?

– Двенадцать танков.

– С кем же сражались?

– Стрелковый батальон.

– Н-да-а... – протянул недовольно Гепнер.

Двигутся вперед фашисты. Сокрушают танки округу гулом. Прошли немного. Опять остановка. Закипело сражение. Кончился бой.

– Разбиты?

– Разбиты.

– Главные силы?

– Нет, – отвечают Гепнеру.

– Наши потери?

– Шестнадцать танков.

– С кем же сражались?

– Сводный отряд курсантов.

Нахмурился Гепнер. Жилка под глазом дернулась.

Тронулись танки дальше. Моторы режут, как звери. Прошли немного. Опять преграда. В новом бою фашисты. Закончилась схватка. Снова Гепнер спешит с вопросом:

- Разбиты?
- Разбиты.
- Главные силы?
- Нет, – отвечают Гепнеру.
- Сплюнул с досады Гепнер.
- Наши потери?
- Семнадцать танков.
- С кем же сражались?
- Саперная рота.

Наморщился Гепнер. Гримаса лицо схватила.

Двигутся, движутся вперед фашисты. Там остановка и здесь задержка. Там задержка и здесь остановка. Бой переходит в бой. Схватку сменяет схватка.

Считает Гепнер потери: двенадцать танков, шестнадцать танков, семнадцать танков, опять двенадцать, пятнадцать, двадцать, четыре, десять, опять пятнадцать...

Считает, сколько прошли километров: двадцать, пятнадцать, двенадцать, пять, стояли, опять стояли, девять, семнадцать, четыре, три, стояли, стояли, опять стояли.

Считает, сколько пройти осталось...

Уткнулся Гепнер, как школьник, в цифры. Слагает, вычитает. Делит. Множит. Опять слагает. Сидит, как бухгалтер, как счетовод. Смотрит на цифры. Смотрит на карту. Снова на карту. Опять на цифры.

Огромны потери в войсках у Гепнера. Как ни крути, как ни верти, как ни считай, ни складывай, но, если так дальше пойдет, останется Гепнер вскоре совсем без танков. Придется дальше шагать пешком.

Сокрушают фашистов советские воины. Наносят удары по хваленной фашистской технике.

Считают фашисты потери. Печальная арифметика.

«Тульские пряники»

Тульский пряник вкусный-вкусный! Сверху корочка, снизу корочка, посередине сладость.

Встретив героическое сопротивление советских войск на западе и на других направлениях, фашисты усилили свою попытку прорваться к Москве с юга. Фашистские танки стали продвигаться к городу Туле.

Здесь вместе с нашей армией на защиту города поднялись рабочие батальоны.

Тула – город оружейников. Тульские рабочие сами наладили производство нужного вооружения.

Одно из городских предприятий стало выпускать противотанковые мины. Помогали этому производству готовить мины и рабочие бывшей кондитерской фабрики. Среди помощников оказался ученик кондитера Ваня Колосов. Изобретательный он паренек, находчивый, веселый.

Как-то явился Ваня в цех, где производили мины. Под мышкой папка. Раскрыл папку, в папке лежат наклейки. Наклейки были от коробок, в которые упаковывали на кондитерской фабрике тульские пряники. Взял Ваня наклейки. Подошел к готовым минам. Наклейки на мины – шлеп, шлеп! Читают рабочие, на каждой мине написано: «Тульский пряник».

Смеются рабочие:

- Вот так фашистам сладость!
- Фрицам хорош гостинец!

Ушли мины на передовую к защитникам города. Возводят саперы на подходах к Туле противотанковые поля, укладывают мины, читают на минах: «Тульский пряник».

Смеются солдаты:

– Ай да сюрприз фашистам!

– Ай да гостинец фрицам!

Пишут солдаты письмо рабочим: «Спасибо за труд, за мины. Ждем новую партию «тульских пряников».

В конце октября 1941 года фашистские танки подошли к Туле. Начали штурм города. Да не прошли. Не пропустили их советские воины и рабочие батальоны. На минах многие машины подорвались. Почти 100 танков потеряли фашисты в боях за Тулу.

Понравилось советским солдатам выражение «тульские пряники». Все, что из Тулы приходило теперь на фронт, – снаряды и патроны, минометы и мины, – стали называть они «тульскими пряниками».

Долго штурмовали фашисты Тулу. Да все напрасно. Бросали в атаку армады танков. Безрезультатно. Так и не прорвались фашисты к Туле.

Видимо, «тульские пряники» хороши!

Красная площадь

1941 год. 7 Ноября. Москва. Красная площадь.

Враг рядом. Советские войска оставили Волоколамск и Можайск. На отдельных участках фронта фашисты подошли к Москве и того ближе. Бои идут у Наро-Фоминска, Серпухова и Тарусы.

Когда солдату Митрохину сказали, что часть, в которой он служит, будет принимать участие в параде на Красной площади, не поверил солдат вначале. Решил, что ошибся, ослышался, что-то неверно понял.

– Парад! – объясняет ему командир. – Торжественный, на Красной площади.

– Так точно, парад, – отвечает Митрохин. Однако в глазах неверие.

И вот замер Митрохин в строю. Стоит он на Красной площади. И слева стоят от него войска. И справа стоят войска. Руководители страны на ленинском Мавзолее. Все точь-в-точь как в былое мирное время.

Только редкость для этого дня – от снега бело кругом. Рано нынче мороз ударил. Падал снег всю ночь до утра. Побелил Мавзолей, лег на стены Кремля, на площадь.

8 часов утра. Сошлись стрелки часов на кремлевской башне.

Отбили куранты время.

Минута. Все стихло. Командующий парадом отдал традиционный рапорт. Принимающий парад поздравил войска. Опять все стихло. Еще минута. И вот вначале тихо, а затем все громче и громче звучат слова Председателя Государственного Комитета Обороны, Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР товарища Сталина.

Сталин говорит, что не в первый раз нападают на нас враги. Что были в истории молодой Советской Республики и более тяжелые времена. Но советские люди верили в победу. И они победили. Победят и сейчас.

– На вас, – долетают слова до Митрохина, – смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков.

Застыли в строю солдаты.

– Великая освободительная миссия выпала на вашу долю, – летят сквозь мороз слова. – Будьте же достойными этой миссии!

Подтянулся Митрохин. Лицом стал суровее, серьезнее, строже.

– Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. – И вслед за этим Сталин сказал: – Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков: Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!..

И сразу же вслед за речью Верховного Главнокомандующего по Красной площади торжественным маршем прошли войска. Шла пехота, шла артиллерия, кавалерийские части прошли по площади, прогремели металлом танки.

И все это здесь, на Красной площади, в этот тревожный час, казалось чудом, почти видением. И все это, как в сказке, возникнув здесь, в центре Москвы, – ушло на фронт, туда, где совсем рядом решалась судьба и Москвы, и всего Советского Союза.

Шли солдаты. Шел рядовой Митрохин. А рядом шагала песня:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война!

Генерал Панфилов

Многие войска отличились в боях под Москвой. Особенно дивизия, которой командовал генерал Панфилов. 28 героев-панфиловцев как раз из его дивизии.

Немолод уже Панфилов. К вискам седина подбежала. В морщинках лицо и лоб. По-солдатски подтянут всегда Панфилов. Шапка-ушанка. Полушубок сибирский. Грудь ремнями от пистолета, от командирской сумки схвачена крест-накрест.

Не знает Панфилов усталости. Часто бывает в кругу солдат. Любят солдаты Панфилова. Вот и сейчас генерал на боевых позициях.

Трудно панфиловцам. Пять дивизий врага штурмуют одну, советскую, 30 дней. И все бой и бой.

Приехал Панфилов к артиллеристам:

– Привет, бомбардиры-кудесники!

Улыбаются артиллеристы. Приятно такое слышать.

– Бейте, сынки, – наставляет Панфилов, – фашиста прямой наводкой. Не забывайте: пушки колеса имеют. Пушку, сынки, подкатить к самому дьяволу можно.

– Так точно, можно! – смеются артиллеристы.

Так и поступают артиллеристы. Навстречу врагу выдвигают пушки. Разят фашистов огнем и сталью.

Приехал генерал к пулеметчикам:

– Привет, глаза молодые, острые!

В улыбке цветут пулеметчики. Похвала, теплота в словах генерала.

Наставляет солдат Панфилов:

– Не томите, сынки, дальним полетом пулю. Бей врага с расстояния близкого.

– Есть, товарищ генерал! – весело отвечают пулеметчики.

Выполняют совет генерала в бою солдаты. Подпускают фашистов на близкую дистанцию.

Приехал Панфилов к истребителям танков, к гранатометчикам:

– Привет, дрессировщики Дуровы, укротители фашистского зверя!

Улыбаются гранатометчики. Ведь не даром слова такие. И вправду они укротители. Не знают солдаты страха.

Наставляет Панфилов солдат:

– Фашист сидит за броней. Потому он и храбрый. А вы скорлупку с него срывайте. Скорлупку, скорлупку, сынки, срывайте.

Смеются солдаты. Нравится им про скорлупку. Сражаются отважно гранатометчики. Бьют в упор по фашистским танкам. Скорлупку с врагов срывают.

Любят солдаты генерала Панфилова. Заботливый он генерал. Накормлен ли солдат, напоен, тепло ли одет, обут? Нет ли задержек с почтой? Давно ли в бане мылся солдат? Все беспокоит Панфилова. Любят солдаты своего генерала. С ним хоть в огонь, хоть в бездну.

Генерал-майор Иван Васильевич Панфилов не дожил до победы. Защищая Москву от фашистов, смертью храбрых погиб генерал Панфилов. Погиб генерал, да оставил панфиловцев – отважных и стойких воинов. Не раз отличались в боях под Москвой панфиловцы.

Скажешь: панфиловцы – сразу героев рождает память.

Подвиг у Дубосекова

В середине ноября 1941 года фашисты возобновили свое наступление на Москву. Один из главных танковых ударов врага пришелся по дивизии генерала Панфилова.

Разъезд Дубосеково. 118-й километр от Москвы. Поле. Холмы. Перелески. Чуть поодаль петляет Лама. Здесь, на холме, на открытом поле, герои из дивизии генерала Панфилова преградили фашистам путь.

Их было двадцать восемь. Возглавлял бойцов политрук Клочков. Врылись солдаты в землю. Прильнули к краям окопов.

Рванулись танки, гудят моторами. Сосчитали солдаты:

– Батюшки, двадцать штук!

Усмехнулся Клочков:

– Двадцать танков!.. Так это, выходит, меньше, чем по одному на человека.

– Меньше, – сказал рядовой Емцов.

– Конечно, меньше, – сказал Петренко.

Поле. Холмы. Перелески. Чуть поодаль петляет Лама.

Вступили герои в бой.

– Ура! – разнеслось над окопами.

Это солдаты первый подбили танк.

Снова гремит «ура!». Это второй споткнулся, фыркнул мотором, лязгнул броней и замер. И снова «ура!». И снова. Четырнадцать танков из двадцати подбили герои. Отошли, отползли уцелевших шесть.

Рассмеялся сержант Петренко:

– Поперхнулся, видать, разбойник!

– Эка же, хвост поджал.

Передохнули солдаты. Видят – снова идет лавина. Сосчитали – 30 фашистских танков.

Посмотрел на солдат политрук Клочков. Замерли все. Притихли. Лишь слышен железа лязг. Ближе все танки, ближе.

– Друзья, – произнес Клочков, – велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва.

– Понятно, товарищ политрук, – ответили солдаты.

– Москва!

Вступили солдаты в битву. Все меньше и меньше в живых героев. Пали Емцов и Петренко. Погиб Бондаренко. Погиб Трофимов. Нарсунбай Есебулатов убит. Шопоков. Все меньше и меньше солдат и гранат.

Вот ранен и сам Ключков. Поднялся навстречу танку. Бросил гранату. Взорван фашистский танк. Радость победы озарила лицо Ключкова. И в ту же секунду сразила героя пуля. Пал политрук Ключков.

Стойко сражались герои-панфиловцы. Доказали, что мужеству нет предела. Не пропустили они фашистов.

Разъезд Дубосеково. Поле. Холмы. Перелески. Где-то рядом петляет Лама. Разъезд Дубосеково – для каждого русского сердца дорогое, святое место.

«Знай наших!»

Явилась она, как птица. Словно с неба, словно из снега, словно из дивной сказки.

Суровые бои идут на северо-западе от Москвы, на Ленинградском шоссе. Фашисты прорвались к городу Клину. Отходят советские роты. Поднялись бойцы на пригорок. Слева низина. В низине покрытая льдом река. Здесь собрались фашисты. Жмутся один к другому. Много их – сотни, а то и тысяча. К новой атаке тут сборный пункт.

Смотрят бойцы на фашистских солдат. Кто-то сказал:

– Э-эх, картечью бы в это месиво!

– Верно, картечью, – подтверждает второй.

– Да, картечью бы в самый раз, – соглашается кто-то третий.

Размечтались солдаты.

– Эх бы пушку сюда, – произнес один.

Второй добавляет:

– А к ней – снаряды.

– И смелых ребят к орудию, – включается третий.

Мечтают солдаты. И вдруг с той, с другой стороны оврага, на такой же высокой, как эта, круче появилась артиллерийская упряжка.

Протерли глаза солдаты – считай, мерещится. Нет! Все настоящее. Лошади. Пушка. Два солдата. Офицер при пушке.

Посмотрели артиллеристы в низину. Тоже заметили там фашистов. Остановились.

Смотрят солдаты на пушкарей. Словно с неба, словно из снега, словно из сказки они явились.

Постояли артиллеристы минуту над кручей и ближе к фашистам – на полном карьере – слетели вниз. Видят фашисты артиллеристов. Гадают: куда это мчит упряжка? Да и чья, сразу не разобрали. Пока разбирались – упряжка рядом. Развернули солдаты пушку. В ствол вложили снаряд с картечью.

– Ну, знай наших! – прокричал офицер. – Огонь!

Чихнула картечью пушка. Выстрел, за ним второй.

– Знай наших! Знай наших! – кричал офицер. – Огонь! Огонь!

Третий выстрел. Четвертый. Поднял снежные вихри пятый.

– Знай наших! Знай наших!

Покрылась телами фашистов низина. Те, кто остался жив, бросились вверх по крутому склону, как раз туда, где стояли солдатские роты. Встретили их пулеметным огнем солдаты. Довершили отважное дело.

Когда бойцы вновь посмотрели вниз, не было там упряжки. Скрылась она из виду. Как птица, как песня. Как пришла, так и ушла, словно вернулась в сказку.

Долго стояли над кручей солдаты.

Кто же герои? Кто эти дерзкие артиллеристы? Так и не узнали о том солдаты.

«Знай наших!» – вот и все, что на память об отважных бойцах осталось.

Орлович-Воронович

Не утихают бои под Москвой. Рвутся и рвутся вперед фашисты. В середине ноября 1941 года особенно сильные бои развернулись на подступах к городу Истре. Немало и здесь героев. Гордятся солдаты младшим лейтенантом Кульчинским, гордятся заместителем политрука Филимоновым, гордятся другими. Насмерть стоят солдаты. Отважно разят врага. Выбирают фашистских солдат и фашистскую технику.

Как-то после тяжелого дня собрались солдаты в землянке, заговорили о подвигах. О летчиках речь, о танкистах – вот кто народ геройский!

Сидит в сторонке солдат Воронович. Тоже о смелых делах мечтает. Только не танкист Воронович, не летчик. Скромная роль у него на войне. Связист Воронович. Да и характером тих, даже робок солдат. Где уж такому мечтать о подвиге!

И вдруг порвали где-то фашистские мины связь. На поиски повреждения и отправился солдат Воронович.

Шагает, идет Воронович, пробирается лесом, полем, и вот у овражка, у прошлогоднего стога сена, стоят четыре фашистских танка. Всмотрелся солдат. Кресты на боках. Дула пушек на него, на Вороновича, глазом змеиным смотрят.

Неприятно солдату стало. Холодок пробежал по телу. Прилег Воронович на землю. Зорче еще всмотрелся. Видит – у танков в кружок собрались фашисты. Соображает солдат – привал у врагов. И верно – достали фашисты еду.

Лежит Воронович. Громко стучит сердце. Один солдат – и четыре танка! Уйти? Отступить? Отползти? Укрыться?

Еще громче забилося сердце, в висках молотком застучало. А что-то внутри: «Вот минута твоя, солдат. Вперед – там ожидает подвиг!»

Четыре танка, один солдат. Да разве тут сила к силе? Лежит Воронович: «Четыре танка! Конечно, не к силе сила».

Но снова какой-то голос: «Вперед! Не мешкай, солдат! Вперед!»

Лежит Воронович: «Четыре танка! Отряд фашистов!» А мысли одна за другой: «Смелее, солдат, смелее! Время не трать, солдат!»

Пополз Воронович к фашистам. Остановился. Поднялся. Швырнул гранату. Тех, кто выжил от этой гранаты, тут же гранатой второй скосил.

Поражались потом солдаты:

– Один – и четыре фашистских танка. Орел! Орел! – смеялись солдаты. – Не Воронович ты вовсе. Нет! Есть ты у нас Орлович!

Лишних нет

Бои шли у города Солнечногорска. Теснили фашисты наших. И вот где-то в тылу у фашистов остались три советские батареи.

Майор Краснянский вызвался вернуть орудия в часть. Предлагал Краснянский на тягачах прорваться к фашистам в тыл и увести батареи.

Храбр, энергичен майор Краснянский. Да только всему предел. Из-под носа у фашистов увести батареи! Однако что предпринять другое? Другого решения нет. А пушки нужны, как хлеб, как воздух.

Дал командир полка согласие. Уехал майор Краснянский.

Гадают солдаты: чем же закончится дерзкий рейд?

Одни утверждают:

– Привезут храбрецы орудия.

Другие:

– Да где уж! Из гадючьего горла. Из волчьей пасти. Считай, на верную гибель ушли герои.

И все же тех, кто верит и хочет верить в успех Краснянского, больше. Гадают теперь о другом: сколько пушек притащат назад солдаты? Девять ли (осталось в тылу у фашистов их девять), шесть или три?

– Хотя б привезли одну. И за это, братва, спасибо.

Деревня Пешки, южнее Солнечногорска, на шесть километров ближе к Москве. Отсюда ночью в свой смелый рейд и ушел Краснянский. Здесь и ждут прихода его назад.

Длинные в Подмоскovie ноябрьские ночи. Скоро ночи уже конец.

Однако все нет и нет майора Краснянского.

Пошли голоса:

– Не вернутся!

– Напрасно ждем!

– Если бы все хорошо, давно бы уже вернулись.

– Эх, удаль что палка о двух концах: чуть оступись, тебя же и хлопнет.

И вдруг:

– Едут! Едут!

И верно. Слышен моторный гул. Вот и первый тягач показался. Вот и майор Краснянский.

Пялят солдаты всю глаза. Предвечную мглу буравят.

– Есть и пушки! – кричат. – Имеются!

И верно – идут тягачи, на привязи тащат пушки.

Считают солдаты пушки:

– Три, четыре...

– Шестая, седьмая...

– Восемь, девять, – считают солдаты. – Девять! – кричат. – Девять. Все тут. Все приволок Краснянский.

И вдруг кто-то робко, словно и сам не веря:

– Братцы, никак, десятая!

Смотрят солдаты – верно, десятая движется пушка.

Новый гудит тягач. Вышел из-за поворота. И за этим на привязи пушка. А за этой и новые две.

– Двенадцать... тринадцать, – считают солдаты.

Тринадцать орудий привез Краснянский. Четыре из них фашистских. Отбили герои обратной дорогой у фашистов четыре пушки.

Довольны солдаты:

– Ишь ты, лишних пригнал четыре.

– Нет тут лишних. Все тут наши! – смеется майор Краснянский.

Экзамен

Не повезло лейтенанту Жулину.

Все друзья в боевых полках. Жулин служит в учебной роте.

Обучает лейтенант ополченцев.

На защиту Москвы поднялись тысячи добровольцев. Создавались роты, полки и даже целые дивизии народного ополчения.

У ополченцев знаний военных мало. Где у винтовки курок, где боек, зачастую путают.

Обучает Жулин ополченцев стрельбе по мишеням. Учит штыком по мешкам колоть.

Тяготится молодой офицер своим положением. Бои идут у самой Москвы. Охватывает враг советскую столицу огромным полукольцом. Рвется с севера, рвется с юга. Атакуют в лоб. Дмитров, Клин, Истра в руках у фашистов. Бои идут всего в 40 километрах от Москвы, у поселка Крюково.

Рвется Жулин к друзьям на фронт. Подает рапорта начальству.

Подавал раз – отказали.

Подавал два – отказали.

Подавал три – отказали.

– Ступайте к своим ополченцам, – отвечает ему начальство.

Кончилось тем, что пригрозило начальство Жулину, что приедет к нему с проверкой. Устроит и ему и бойцам экзамен.

И верно. Прошел день или два. Глянул Жулин – приехало начальство. К тому же начальство высшее – сам генерал в машине.

В этот день проводил лейтенант с бойцами занятия в лесу, на лесной поляне, недалеко от поселка Нахабино. Рыли солдаты окопы.

По мишеням вели стрельбу.

Тишь, благодать кругом. Сосны стоят и ели.

Бросился Жулин генералу навстречу, руку поднес к пилотке.

– Товарищ генерал, рота лейтенанта Жулина... – стал докладывать Жулин. Вдруг слышит самолетный гул прямо над головой. Поднял Жулин глаза – самолет. Видит: не наш – фашистский.

Прекратил лейтенант доклад, повернулся к бойцам.

– К бою! – подал команду.

Между тем фашистский самолет развернулся и открыл огонь по поляне.

Хорошо, что бойцы отрыли окопы, укрылись они от пуль.

– Огонь по фашисту! – командует Жулин.

Открыли огонь ополченцы.

Секунда, вторая – и вдруг вспыхнул вражеский самолет.

Еще секунда – выпрыгнул летчик. Раскрыл парашют, приземлился у самого края поляны. Подбежали солдаты, взяли фашиста в плен.

Доволен Жулин. Поправил пилотку, гимнастерку одернул. К генералу опять шагнул. Козырнул. Замер по стойке «смирно».

– Товарищ генерал, рота лейтенанта Жулина проводит учебные занятия.

Улыбнулся генерал, повернулся к ополченцам:

– Благодарю за службу, товарищи!

– Служим Советскому Союзу! – точно по уставу, дружно ответили ополченцы.

– Вольно, – сказал генерал. На Жулина одобряюще глянул.

Вместе с генералом приехали и два майора.

– Товарищ генерал, – шепчут майоры, – разрешите начать экзамен.

– Зачем же? – сказал генерал. – Считаю, экзамен принят.

Подождал и крепко руку пожал лейтенанту Жулину.

А потом и орден прислали Жулину. Жулину – орден. Солдатам – медали.

Важное дело – готовить войска к боям. Во многих местах: под Москвой, на Урале, в Сибири, в Средней Азии, на Дальнем Востоке – завершают войска обучение. Пройдет немного времени – и новые силы станут здесь, под Москвой, на пути у фашистов.

Шагает, шагает время. Не в пользу фашистов часы считают.

Дедушка

Военкомат. Приемная. Сидят люди. Ждут вызова к военкому. Это добровольцы, желающие записаться в народное ополчение.

В те грозные дни в народное ополчение уходили сотни и тысячи москвичей. Многие рвались тогда в ополченцы. Уходили целыми семьями. Из институтов – целыми курсами, с предприятий – целыми цехами. Запись в народное ополчение проводилась прямо на фабриках, в учреждениях, на заводах и конечно же в военкоматах.

Сидят люди. Ждут приема. Рядом с другими сидит подросток. Посмотришь на него – ясно, что лет ему пятнадцать, не более. Тут же сидит старик. Посмотришь на этого, и ясно – лет шестьдесят ему, не менее.

– Сколько же тебе лет? – спросили ждущие очереди к военкому у подростка.

– Семнадцать, – ответил подросток.

Усмехнулись. Всем ясно – пятнадцать ему, не более.

– Точно – семнадцать, – уверяет подросток. – Даже чуть-чуть еще с хвостиком.

– Ну-ну! – рассмеялась очередь.

– Ну, а вам сколько же лет, папаша? – обратились люди теперь к старику.

– Сорок девять, – сказал старик. Добавил: – Даже еще неполных.

– Ну-ну, – и ему ответили улыбкой люди.

Дошла до подростка очередь. Прошел он в кабинет к военкому. Пробыл недолго. Вышел понурый. Ясно – не получился номер. Молод. Не взяли его в ополчение.

Скрылся за дверью теперь старик. Этот пробыл там дольше. Разговор в кабинете был громкий. Всего люди не слышали, но отдельные фразы долетали сюда в приемную.

– Да я еще – ого-го! Я еще молодого заткну за пояс, – это говорил старик.

– Не могу. Нельзя. Поймите, – это говорил военком.

– Да я еще в Гражданскую войну ротой командовал, да я еще в империалистическую войну Георгиевский крест получил, да я еще в 1904 году под Мукденом с японцами воевал, – это опять говорил старик.

– Понимаю. Понимаю. Но не могу. Не имею права, – это опять говорил военком.

Наконец дверь открылась. Вышел старик. И у этого вид угрюмый. Много лет старику для того, чтобы записывать его в ополчение.

Ушли подросток и старик из военкомата. А на следующий день, когда ополченцы явились на сборный пункт, смотрят, а там в строю ополченцев уже стоят и вчерашний подросток и вчерашний старик.

– Вот это да! – поразились люди.

Правда, у подростка с ополчением так ничего и не вышло. Заметили его. Вернули назад мальчишку. Война – не детское это дело. А вот старик так и остался вместе со всеми. Вместе со всеми и шел он в учебный лагерь. Тут же двигались повозки со снаряжением.

– Дедушка, – обращаются к нему ополченцы, – да ты хотя бы присел на одну из повозок.

Сердится старик, негодует:

– Какой я вам дедушка! – Вскинул голову: – Я – боец! Я – солдат!

Самым удивительным оказалось то, что ему было даже не шестьдесят лет, как предполагали тогда в военкомате, и даже не семьдесят, а целых восемьдесят. Как раз летом 1941 года восемьдесят лет исполнилось. Так что был он даже не столько дедушкой, сколько прадедушкой. Каким он чудом попал и удержался в ополченцах, так никто и не смог понять. Однако имя и фамилию его запомнили – Иван Иванович Резниченко.

Лопата

Война есть война. Всякое здесь бывает. Лопата и та стреляет. Москва готовилась к схватке с врагом. Вокруг города возводились оборонительные рубежи. Рылись окопы. Создавались баррикады, завалы, возводились проволочные заграждения, устанавливались «ежи» и надолбы. Тысячи женщин, стариков и подростков брали в руки кирки, ломы, лопаты...

Длинной полоской уходит ров. Вот он прямо идет, вот чуть изогнулся, коленце сделал. Пополз чуть на взгорье. Сбежал к низинке. Пересек оголенное поле. Ушел за ближайший лес. Это противотанковый ров. Много их у границ Москвы. И этот. И чуть правее. И чуть левее. И дальше – за лесом. И дальше – за полем. И дальше, и дальше – перекрывающие горизонт.

Костя Незлобин – студент-текстильщик. В земляной студент бригаде. Просится Костя в армию:

– Я в роту хочу. Я – в снайперы.

Не взяли Незлобина в армию. Слаб оказался зрением. И вот в землянках теперь Незлобин. Вместе с другими копает ров. Девушки рядом, подростки, женщины. Старшим – старик Ордынцев.

Объясняет Костя:

– Не взяли в снайперы.

– Тут тоже, Незлобин, фронт, – отвечает Ордынцев.

– Подумаешь, фронт! – усмехнулся Костя. – Канава, ров.

– Не ров, а военный объект, – поправляет старик Ордынцев.

Только сказал, как в небе низко, совсем над землей, над людьми, над окопом, пронесся фашистский летчик. Бросил он бомбу. Открыл огонь.

– Ложись! – закричал Ордынцев.

Бросились люди на дно окопа. Переждали огонь врага. Трижды в тот день прилетали сюда фашисты.

– Ну, чем же тебе не фронт? – посмотрев на Костю, усмехнулся старик Ордынцев.

Ночь опустилась над лесом, над полем. На отдых ушли отрядники. Рядом на взгорке стоит деревня. Расположились в уютных избах. Только стал засыпать Незлобин, вдруг голос:

– Тревога! Тревога!

Вскочил Незлобин. Момент – на улице. Узнал, в чем дело. Оказалось, с воздуха сброшен фашистский десант. Проснулись люди. Бегут на поле. Промчались кони – наряд охраны. Вернулся Костя к избе, к сараю. Схватил лопату – вперед, за всеми.

Бежит к окопам, где место сбора. А здесь девчата, а здесь Ордынцев. Вдруг с неба – солдат фашистский. Повис на стропах. И прямо в группу.

Не ожидали девчата «гостя».

– Ай, ай! – с испуга.

А Костя словно лишь ждал момента. Схватил Незлобин секиру-заступ. Фашиста в спину.

– А-а-а! – взревел десантник. Осел и рухнул. Лежит, раскинул руки.

Расцеловали Костю друзья-девчата.

– Снайпер, ну, право, снайпер, – сказал Ордынцев.

Отбили люди десант фашистов. Вернулись в избы, ко сну, к покою. А утром снова трубят побудка. И снова люди в суровом поле.

Смешались с фронтом тылы, обозы. Кругом девизом, кругом паролем:

«Врага не пустим!»

«Врага осилим!»

И взмах лопаты – как взрыв снаряда. И если надо, она копает. И если надо, она стреляет.

Три приятеля с Волхонки

Гошка, Витька и Алешка – три приятеля с Волхонки.

В дни обороны Москвы население города не только уходило в ряды ополченцев, не только помогало в сооружении оборонительных рубежей и укреплений. Все, кто мог, стали к станкам московских заводов. Жена заменяла ушедшего на фронт мужа, сестра – брата, старики – сыновей, подростки – своих отцов.

Круглые сутки, в три смены, работали московские заводы. Все, что необходимо фронту, выпускали тогда заводы: гранаты и мины, колючую проволоку и противотанковые «ежи», железобетонные надолбы, снаряды и другое вооружение, военное обмундирование и много-много другого военного имущества.

На одном из московских заводов и работали трое друзей.

Вот идут они с работы. Вот встречаются их мальчишки. Все мальчишки на Волхонке обожают трех друзей. Вот кричат привет мальчишки:

– Здравствуй, Гошка, здравствуй, Витька! Здравствуй, Лешенька, привет!

Остановились ребята, улыбнулись:

– Нас не трое – нас четыре.

Сказали и пошли себе дальше.

Стоят мальчишки, смотрят подросткам вслед, поражаются:

– Где четыре? Как четыре?! Где четыре, если три!

Верно – трое идут ребят. Три спины. Три головы. Четвертой нигде не видно.

Через несколько дней снова мальчишки увидели трех друзей. Озорно кричат мальчишки:

– Здравствуй, Гошка, здравствуй, Витька! Здравствуй, Лешенька, привет!

Остановились ребята, опять улыбнулись:

– Нас не трое – целых шесть!

Сказали и пошли себе дальше.

Опешили вовсе теперь мальчишки, смотрят подросткам вслед, плечами худыми водят:

– Где же шесть, раз только трое?! Трое, трое! Где же шесть?

Снова прошло несколько дней. Вновь идут они с работы – три приятеля с Волхонки, три рабочих паренька – Гошка, Витька и Алешка. Вновь мальчишки на Волхонке отдают друзьям салют:

– Здравствуй, Гошка, здравствуй, Витька! Здравствуй, Лешенька, привет!

Остановились опять подростки, посмотрели на мальчишек и вдруг сказали (у мальчишек даже глаза вразлет):

– Нас не трое – девять нас!

Ухмыльнулись мальчишки, на лицах улыбки глупые – как же понять?

Не мучили долго ребята мальчишек. Достали подростки свои рабочие книжки. Показали. В книжках нормы, в книжках цифры, сколько сделано за день. Вот рябит в глазах от чисел. Вот еще графа – процент. Смотрят мальчишки: сто... сто тридцать... двести... триста.

– Ого-го! – зашумели мальчишки.

Пропали с лиц у мальчишек улыбки глупые. Ясность теперь на лицах. Понятно любому и каждому – триста процентов, значит, работа здесь за троих. Смотрят мальчишки на трех друзей:

– Девять их, конечно, девять! Математика проста!

Улыбаются ребята. Приосанились ребята. Вот шагает по асфальту молодой рабочий класс: Гошка, Витька и Алешка – три приятеля с Волхонки. Три приятеля с Волхонки, лет военных пареньки.

Зоя

Сизой лентой на запад бежит шоссе. Мчат по шоссе машины. 85-й километр от Москвы. Присмотрись налево. Мраморный пьедестал. На пьедестале застыла девушка. Связаны руки. Гордый, открытый взгляд.

Это памятник Зое. Зое Космодемьянской.

Зоя училась в московской школе. Когда враг стал подходить к Москве, она вступила в партизанский отряд. Девушка перешла линию фронта и присоединилась к народным мстителям. Многие жители Подмосковья против фашистов тогда поднялись.

Полюбили в отряде Зою. Отважно переносила она все тяготы и невзгоды опасной жизни. «Партизанка Таня» – так называли в отряде Зою.

В селе Петрищево остановился большой фашистский отряд. Ночью Зоя проникла в Петрищево. Она пришла сюда с боевым заданием. Но враги схватили юную партизанку.

Допрашивал Зою сам командир дивизии, подполковник Рюдерер:

– Кто вы?

– Не скажу.

– Это вы подожгли дома?

– Да, я.

– Ваши цели?

– Уничтожить вас.

Зою начали избивать. Требовали, чтобы она выдала своих товарищей, сказала, откуда пришла, кто послал ее на задание.

«Нет», «Не знаю», «Не скажу», «Нет», – отвечала Зоя.

И снова пошли побои.

Ночью Зою подвергли новым мучениям. Почти раздетую, в одном нижнем белье, ее несколько раз выгоняли на улицу и заставляли босой ходить по снегу.

И снова:

– Скажите, кто вы? Кто вас послал? Откуда пришли?

Зоя не отвечала.

Утром Зою повели на казнь. Устроили ее в центре деревни, на деревенской площади. К месту казни согнали колхозников.

Девушку повели к виселице. Поставили на ящик. Набросили петлю на шею.

Последняя минута, последний миг молодой жизни. Как использовать этот миг? Как остаться бойцом до конца?

Вот комендант приготовился дать команду. Вот занес руку, но остановился. Кто-то из фашистов в это время припал к фотоаппарату. Комендант приосанился – нужно получиться достойным на снимке. И в это время...

– Товарищи! Не бойтесь, – прозвучал голос Зои. – Будьте смелее, боритесь, бейте фашистов, жгите, травите!

Стоявший рядом фашист подбежал к Зое, хотел ударить, но девушка оттолкнула его ногой.

– Мне не страшно умирать, товарищи, – говорила Зоя. – Это счастье – умереть за свой народ. – И, чуть повернувшись, прокричала своим мучителям: – Нас двести миллионов. Всех не перевешаете. Все равно победа будет за нами!

Комендант дернулся. Подал рукой команду...

Минское шоссе. 85-й километр от Москвы. Памятник героине. Люди, пришедшие поклониться Зое. Синее небо. Простор. Цветы...

Отдельный танковый батальон

Продолжается жестокая схватка с фашистами. Тяжелые бои идут у поселка и станции Крюково. С особой силой здесь жмут фашисты. Не хватает солдатских сил. Вот-вот отойдут

солдаты. Звонят командиры старшим начальникам. Просят о срочной помощи. Но все резервы давно в бою.

Все тяжелее дела под Крюковым. Снова звонят командиры начальникам.

– Хорошо, – говорят начальники. – Ждите танковый батальон.

И верно, вскоре на командный пункт сражающегося здесь полка явился офицер-танкист. Молод, красив танкист. В кожаной куртке, в шлеме танкистском. Глаза синие-синие. Словно в мае с неба схватил лазурь и сунул себе под веки.

Подошел танкист к командиру полка, руку к шлему поднес, представился:

– Товарищ командир полка, отдельный танковый батальон прибыл в ваше распоряжение.

Докладывает командир батальона старший лейтенант Логвиненко.

Доволен – нет сил! – командир полка. Мало того, что доволен – счастлив. Обнял офицера:

– Спасибо, браток, спасибо. – И сразу конкретно к делу: – Сколько в батальоне танков?

– Одна машина, – отвечает танкист. И небесной лазурью на командира смотрит.

– Сколько-сколько? – не верит своим ушам командир полка.

– Одна машина, – повторяет танкист. – Одна осталась... Танк типа «Т-37».

Большие потери несли под Москвой фашисты. Но и у наших они немалые... Вся радость с лица у командира полка, словно кто-то огромный дунул, секундой слетела. Танк «Т-37» самый устаревший советский танк. Самый старый и самый малый. Один пулемет – вот и все вооружение. Броня толщиной с мизинец.

– Жду боевую задачу, – сказал танкист.

«Катись к черту – вот и вся боевая задача», – хотел было сказать командир полка. Однако сдержался, себя пересилил.

– Направляйтесь в распоряжение первого батальона, – сказал командир полка.

Этот батальон больше всего и атаковали сейчас фашисты.

Прибыл танкист к батальону и сразу с пехотинцами ринулся в бой. Умно поступал танкист. То в одном месте поддержит броней пехотинцев, то быстро меняет позиции. И вот уже виден на новом месте. Видят броню солдаты. Легче в бою солдатам. Слух от солдата идет к солдату – прибыл танковый батальон.

Устояли тогда герои. Не пустили вперед фашистов.

И вторую отбили атаку солдаты. А за этой еще четыре. Теперь уж не только первому батальону – всему полку помогал танкист.

Закончился бой. Стоит танкист – молодой, возбужденный, красивый. Глаза синие-синие. Майской горят лазурью.

Подошел к танкисту командир полка, крепко обнял героя:

– Спасибо, браток, спасибо. Вижу, что прибыл действительно танковый батальон.

Аэростатчик

Среди защитников Москвы находился отряд аэростатчиков. Поднимались аэростаты в московское небо. С помощью металлических тросов создавали заслоны против фашистских бомбардировщиков.

Спускали как-то солдаты один из аэростатов. Однотонно скрипит лебедка. Стальной трос, как нитка, ползет по бобине. При помощи этого троса и спускают аэростат. Все ниже он, ниже. С оболочки аэростата свисают веревки. Это фалы. Схватят сейчас бойцы аэростат за фалы. Держась за фалы, перетаскают аэростат к месту стоянки. Укрепят, привяжут его к опорам.

Аэростат огромный-огромный. С виду как слон, как мамонт. Послушно пойдет за людьми машина. Это как правило. Но бывает, запряжится аэростат. Это если бывает ветер. В такие минуты аэростат, словно скакун норовистый, рвется и рвется с привязи.

Тот памятный для солдата Велигуры день выдался именно ветреный.

Спускается аэростат. Стоит рядовой Велигура. Стоят другие. Вот схватят сейчас за фалы.

Схватил Велигура. Другие же не успели. Рвануло аэростат. Слышит Велигура какой-то хлопок. Потом Велигуру дернуло. Земля отошла от ног. Глянул боец, а он уже в воздухе. Оказалось, лопнул трос, с помощью которого спускала лебедка аэростат. Поволок Велигуру аэростат за собой в поднебесье.

– Бросай фалы!

– Бросай фалы! – кричат Велигуре снизу товарищи.

Не понял Велигура вначале, в чем дело. А когда разобрался – поздно. Земля далеко внизу. Все выше и выше аэростат.

Держит солдат веревку. Положение просто трагическое. Сколько же может так человек удержаться? Минутой больше, минутой меньше. Затем силы его покинут. Рухнет, несчастный.

Так бы случилось и с Велигурой. Да, видно, в сорочке боец родился. Хотя, скорее, просто Велигура боец находчивый. Ухватил он ногами веревку. Легче теперь держаться. Дух перевел, передохнул. Петлю ногами на веревке старается сделать. Добился солдат удачи. Сделал боец петлю. Сделал петлю и в нее уселся. Совсем отошла опасность. Повеселел Велигура. Интересно даже теперь бойцу. Впервые так высоко поднялся. Парит, как орел над степью.

Смотрит солдат на землю. Проплывает под ним Москва лабиринтом домов и улиц. А вот и окраина. Кончился город. Над дачным Велигура летит районом. И вдруг понимает боец, что ветер несет его в сторону фронта. Вот и район боев, вот и линия фронта.

Увидели фашисты советский аэростат. Открыли огонь. Разрываются рядом снаряды. Неуютно бойцу на воздушном шаре.

Несет ветер солдата все дальше и дальше вдоль линии фронта. Положение катастрофическое. Сколько же продержится человек под огнем на воздушном шаре? Минутой больше, минутой меньше. Пробьют оболочку аэростата. Рухнет махина вниз.

Так бы случилось, конечно, и с Велигурой. Да, видно, и впрямь в сорочке боец родился. Не задевают, мимо проходят взрывы.

Но главное – вдруг, как по команде, изменил направление ветер. Понесло Велигуру опять к Москве. Вернулся боец почти туда же, откуда отбыл. Благополучно спустился вниз.

Жив солдат. Невредим. Здоров.

Вот и вышло, что рядовой Велигура на аэростате к врагам слетал почти так же, как в свое время в неприятельскую крепость верхом на ядре знаменитый барон Мюнхгаузен.

Все хорошо. Беда лишь в одном. Мало кто в этот полет поверил. Только Велигура начнет рассказывать, сразу друзья кричат:

– Ну, ну, ври, загибай, закручивай!

Не Велигура теперь Велигура. Только откроет бедняга рот, сразу несется:

– Барон Мюнхгаузен!

Война есть война. Всякое здесь бывает. Бывает такое, что сказкой потом считают.

«Айн, цвай, драй!»

Бывалый солдат во взводе что вожак в журавлиной стае.

Бой шел южнее Москвы, в Тульской области, около города Венёва. Фашистские танки стали заходить в тыл советским войскам. Пришлось войскам отступить. Не успел уйти из Венёва лишь взвод полковой разведки. Укрылись бойцы в одном из сараев на окраине города.

Захватили фашисты Венёв. Стоят часовые при въезде, при выезде. Не прорваться к своим разведчикам.

– Нет тут выхода!

– Нет спасения!

– Верный плен.

Вдруг вышел вперед разведчик сержант Мисанов:

– Разговорчики! Как нет выхода, нет спасения?!

Смотрят бойцы на Мисанова. Известен во взводе боец Мисанов. Если такое сказал Мисанов, значит, надежда и вправду есть. Притихли солдаты в сарае. Смотрят сквозь щели в стене на улицу. Смотрит и сам Мисанов.

Ноябрь. Морозно на улице. Падает снег. Ветерок колесит по улице. Гонит вперед поземку.

Проходят через город по улице совсем рядом с сараем, в котором сидят советские бойцы, маршевые колонны фашистской пехоты. Идут в колоннах по два человека. Зябко фашистам. Ссутулили плечи, подняли воротники.

– Айн, цвай, драй! – командуют фашистские командиры.

«Айн, цвай, драй!» – отдается в ушах у Мисанова.

«Что же сержант придумает?» – гадают солдаты.

Смотрит Мисанов на фашистских солдат:

– Эка вон как ссутулили плечи.

– Так ведь от холода, – поясняют бойцы.

– Эка ж задрали воротники.

– Так ведь за уши мороз хватает.

Наступил вечер. Стемнело вокруг. Ни звезд, ни луны на небе. Лишь раздаются за стенами сарая немецкие голоса, лишь слышен топот солдатских ног.

Прошло какое-то время, и вдруг Мисанов подал команду:

– Становись! Стройся по два в колонну.

Построились солдаты. Что же такое будет?

– Поднять воротники! – командует Мисанов.

Подняли солдаты воротники.

– Сутулься, сутулься. Плечи сутуль сильнее.

Вогнали шеи солдаты в плечи.

Распахнул Мисанов ворота.

– Шагом марш! – скомандовал тихо и тут же громко: – Айн, цвай, драй!

Тронулись солдаты. Вышли на главную улицу, по которой шли фашистские роты, пристроились к хвосту одной из колонн.

– Айн, цвай, драй! – командует Мисанов. И тут же тихо: – Братцы, плечи сутуль, плечи сутуль сильнее. – И снова громко, во всю солдатскую мочь: – Айн, цвай, драй!

Прошли солдаты мимо фашистского часового, переступили границу города, вышли в открытое поле. Приотстали солдаты, оторвались от фашистских колонн, свернули с дороги. К утру и достигли своих.

– Да как вы?!

– Откуда? – пошли вопросы.

– Не гадали в живых вас видеть.

– Так ведь с нами Мисанов!

– Ах, Мисанов – так это другое дело.

Бывалый солдат из любой беды живым, невредимым выйдет. Бывалый солдат во взводе что вожак в журавлиной стае.

Ударная

Харлов Иван служил пулеметчиком в 1-й Ударной армии.

28 ноября 1941 года танковым ударом фашисты обрушились на город Яхрому. Яхрома стоит от Москвы точно на север, на берегу канала Москва-Волга. Ворвались фашисты в город, вышли к каналу. Захватили мост через канал, переправились на восточный его берег.

Танковые соединения врага обходили Москву с севера. Положение было тяжелым, почти критическим.

1-я Ударная армия получила приказ остановить врага.

Втянулась Ударная в бой. Вместе с другими в бою и Харлов. Опытен он в сражении. В наступление шла стрелковая рота. Припал Харлов к пулемету. Защищает огнем своего пулемета советских стрелков. Действует по-харловски. Не торопится. Зря в поле пуль не пускает. Бережет патроны. Бьет точно по цели. Стреляет очередями короткими. Чувствует Харлов себя ответственным за жизнь пехотинцев. Словно каждая лишняя смерть на его счету.

Хорошо бойцам под такой защитой.

И вдруг осколком фашистской мины искорежило у Харлова ствол пулемета.

Оборвался, заглох огонь.

А противник снова идет в атаку. Смотрит Харлов – воспользовались фашисты, что стих его пулемет, выдвинули вперед пушку. Вот-вот и ударит пушка по нашей роте. Сжались в кулаки от обиды у Харлова руки. Потом он постоял и вдруг припал к земле, прижался и как-то по-крабьи, боком, забирая чуть-чуть в обход, пополз по направлению к неприятельской пушке.

Увидели солдаты, замерли.

«Батюшки, верная смерть!»

Впились солдаты глазами в Харлова. Вот ближе к пушке Харлов, вот ближе. Вот и рядом совсем. Поднялся в рост. Размахнулся. Бросил гранату. Уничтожил фашистский расчет.

Не сдержались солдаты:

– Ура Харлову!

– Ну, Иван Андреич, теперь беги.

Только прокричали, видят: вышли из-за бугра фашистские танки и идут прямо на Харлова.

– Беги! – снова кричат солдаты.

Однако мешкает что-то Харлов. Не отбегает.

Всмотрелись солдаты внимательнее.

– Гляньте, гляньте! – кричит один.

Видят солдаты – разворачивает Харлов фашистскую пушку навстречу танкам. Развернул. Пригнулся. Припал к прицелу.

Выстрел. Загорелся фашистский танк. Два танка подбил герой. Остальные свернули в сторону.

До самого вечера длился бой. Отбросила Ударная армия фашистов вновь за канал. Восстановила здесь положение.

Довольны солдаты:

– А как же иначе! На то и Ударная!

– Как же иначе, раз такие, как Харлов, есть.

Ближе других

Не умолкают бои под Москвой. От станции Крюково по направлению к Москве прорвались два неприятельских танка.

Несутся вперед машины.

Прорвались фашисты. Уверены: сзади идут другие. Однако другие не одолели рубеж обороны. Остались на прежних местах другие. Лишь эти двое вперед несутся.

Совсем пустяк до Москвы остался.

– Быстрее! Быстрее! – командиры торопят водителей. Не знают они, что другие на прежних местах остались. Боятся, как бы другие не опередили их.

Подгоняет танкистов желание ворваться в Москву непременно первыми.

– Первыми!

– Первыми!

– Первыми!

Несутся вперед враги. Вот он, долгожданный момент удачи.

– Первыми будем в русской столице!

– Первыми!

Опасный прорыв совершили фашисты. Да только и здесь у Москвы – защитники. Прикрывают подходы к Москве зенитчики. Получен такой приказ: передвинуть из города навстречу фронту зенитные батареи, направить стволы по наземным целям.

Приспустили стволы зенитчики. Готовы к стрельбе по наземным целям.

Сидят у орудий бойцы, следят не за небом – за дорогой, за полем.

Вдруг возглас:

– Танки!

Смотрят – и верно танки.

– Орудия к бою!

– Орудия к бою!

Вступили зенитчики в бой с противником.

– Огонь!

– Огонь!

А танки все ближе и ближе.

– Целься прямой наводкой!

Припали солдаты к пушкам. Крикнул снова сержант:

– Огонь!

Взвизгнул снаряд – и сталью о сталь. Споткнулся первый фашистский танк. Крутанул, как волчок, на месте. Вздогнул. Лязгнул железом. Просел. Затих.

Снова гремит команда:

– Огонь!

Взвизгнул снаряд – и металлом в металл. Угодил он второму танку как раз под брюхо, туда, где броня не такая прочная. Замер и этот танк.

Два фашистских экипажа ближе других подошли к Москве. Чем же эти вошли в историю? Могила их ближе других к Москве. Нет других, чтобы были ближе.

Пушка

Был один из самых тяжелых моментов Московской битвы.

Бои шли севернее Москвы, на Рогачевском шоссе.

Ударили фашистские танки встык между двумя соседними нашими армиями, устремились в прорыв, понеслись к Москве. Пали селения Белый Раст, Озерецкое, Мышецкое, рабочий поселок Красная Поляна. Враги подошли к станции Лобня, к Савеловской железной дороге.

До Москвы оставалось около 30 километров. Это расстояние, на которое могла стрелять фашистская дальнобойная артиллерия.

Привезли фашисты в Красную Поляну дальнобойную пушку. Стали ее устанавливать. Дали приказ подвозить снаряды.

Возятся фашистские солдаты у пушки. Площадку ровняют. Лафет укрепляют. В прицел, как в бинокль, заглядывают.

Не могут скрыть торжества солдаты:

- Мы первыми из всех по Москве ударим!
- Награда от фюрера будет!

Суетится артиллерийский офицер. И этот о том же думает: будет ему награда – рыцарский крест на шею, известность по всей Германии.

Торжествуют фашисты: удача! А в это время навстречу прорвавшимся врагам срочно двигались наши части. Подходили полки и роты, с марша вступали в бой.

Возятся фашистские солдаты у пушки. Привезли им как раз снаряды.

- Шнель, шнель! Быстрей! – покрикивает офицер.

Предвкушает фашист успех. Вот заложат солдаты в пушку сейчас снаряд. Вот вскинет он руку. В три горла рванет команду. Вот она, радость боя!

- Шнель, шнель! – покрикивает офицер.

Возятся солдаты у пушки, слышат шум боя. Только не дальше, не к Москве почему-то отходит бой, а кажется солдатам, что сюда, к Красной Поляне, ближе.

Переглянулись солдаты:

- Ближе!
- Ближе!!

Вот и несется уже «ура!». Вот и ушанки с красной звездой мелькнули.

Выбили советские войска фашистов из Красной Поляны. Досталась пушка советским бойцам. Обступили ее солдаты. Любопытно на пушку глянуть.

- Вот бы сейчас – по Гитлеру!
- Прихватим с собой к Берлину!

Однако пришел приказ пушку отправить в тыл. И все же задержались чуть-чуть солдаты. Подождет пять минут приказ!

Развернули солдаты пушку. Вложили снаряд. Прицелились. Ударила пушка стократным басом. Устремился снаряд на запад, весть о нашей победе врагам понес.

Проходят наши роты мимо фашистской пушки. Видят солдаты гигант трофей:

- Ух ты, мама!
- Неужто взяли?
- Взяли, родные, взяли!

Смотрят солдаты опять на пушку:

- Ну, если такую фашисты бросили, значит, примета добрая. Все больше у наших упорства, силы. Все слабее напор врагов. И снова солдаты:
- Выдыхается, знать, фашист.

Понимают бойцы: быть повороту, быть переменам. Сердцем солдатским чувствуют.

Кашира

Рвутся, рвутся к Москве фашисты. Напрягают последние силы. Ищут, где бы, в месте каком пробиться. Не прорвались на западе, не пробились на севере. Вновь наносят удары с юга. Тут по-прежнему наступает танковый генерал Гудериан. Рвутся танки к Кашире, к реке Оке, к мостам через реку Оку.

Помощь нужна Кашире. Нет в запасе у нашей армии свежих сил. Всюду идут бои. И все же помощь нашлась Кашире – конный корпус генерала Белова.

- Куда же на танки – конницу, – кое-кто говорил тогда.
- Да и правда: конница против танков!
- Конница – день вчерашний.
- В отставку пора кавалерии.
- На покой!
- По домам!

– В музей!

– Посмотрим, посмотрим, – сказал генерал Белов.

И вот явились к Кашире конники. И сразу с хода, с дороги – в бой. Смешалось все на полях под Каширой. Танки и лошади, пушки и люди. Лязг гусениц, грохот орудий, храп лошадей, команды, крики, призывы раненых. Вот танки теснят кавалерию. Вот отступают под градом гранат и снарядов танки. Оставили всадники сёдла, сражаются в пешем строю. Но только успех наметится – снова они в стременах, мчатся по снежному полю.

Гуляет отвага на полях под Каширой. Удадь узоры свои плетет.

Дрогнули фашистские танки. Не устояли. Не пробились они к Кашире. Конечно, не только кавалеристы одни сражались. Пехотинцы здесь бились. Танкисты. Советская артиллерия помогла. Вместе и задержали они фашистов.

Через три дня Гудериан начал новое наступление. И снова войска генерала Белова, – а теперь генерал Белов командовал не только кавалерийским корпусом, но и всеми войсками, оборонявшими Каширу, – остановили фашистскую армию. И не только остановили, но и погнали прочь от Москвы.

Шутили над Гудерианом тогда солдаты:

– Наш-то Белов, того, дернул, выходит, его копытом.

Услыхал генерал про копыто:

– А что же, верно. – И сам смеялся: – Только не я, генерал Белов, витязь советский побил фашистов...

Потом повернулся к тем – к «неверующим», кто о кавалерии сказал, как о дне вчерашнем:

– Ну что – по домам? На покой? В музей?!

Смутились «неверующие», однако тут же нашлись.

– В музей, – говорят и добавляют: – В музей нашей доблести русской и русской славы.

Броня

В 112-й танковой дивизии, которой командовал полковник Андрей Лаврентьевич Гетман, служил старшина Илларион Махарадзе.

Патриот он своей дивизии. Считает, что все у них в дивизии самое лучшее. И командир дивизии полковник Гетман лучше всех других командиров, и замполит, то есть заместитель командира по политической части, лучше всех других замполитов; и командир батальона, в котором служил Махарадзе, лучше всех других командиров; и командир танка лейтенант Огнивцев, непосредственный начальник старшины Махарадзе, лучше всех других командиров танков. И лучший повар на весь Западный фронт именно у них, в их 112-й танковой дивизии. И лучший парикмахер тоже у них в дивизии. И лучший начпрод (это начальник по продовольствию), и лучший начхоз (это начальник хозяйственной части). И танки самые лучшие тоже у них в 112-й. А надо сказать, что большинство танков в дивизии было как раз устаревшего типа. Не тягаться им с лучшими советскими танками.

Уступали они и фашистским. И моторы у них слабее, и броня тоньше. Крепче были фашистские танки.

– Нет, наши крепче, – утверждает старшина Махарадзе.

– Да где же крепче, – возражают солдаты, – раз броня у них тоньше, раз силы в моторах меньше.

– Крепче, крепче, – стоит на своем танкист.

К инженеру солдаты его водили, к командиру батальона его водили, в инструкции и наставления носом сунули.

– Нет, наши танки крепче, крепче, – повторяет опять Махарадзе. – Неточность, видать, в инструкциях.

Вот ведь кавказец. Вот ведь упрямец.

Дивизия полковника Гетмана входила в войска, оборонявшие подходы к столице с юга. Дралась она за Тулу, сражалась за Серпухов, под Каширой помогала генералу Белову.

Немало геройских дел на счету у танкистов. И вот выпал дивизии новый подвиг.

30 ноября 1941 года фашисты предприняли еще одну попытку ударить на Москву с юга. Бой разгорелся у селений Манышино и Суходол. 80 первоклассных фашистских танков обрушились на дивизию полковника Гетмана.

Отважно сражались танкисты. Вместе с подоспевшими сюда пехотинцами остановили они фашистов. Как ни пытались фашисты подмять дивизию Гетмана, в какие ни ходили они атаки – и в лоб, и во фланг, и строем клин, и строем таран, – удержались советские танки. Сами танкисты потом поражались: откуда в танках такая крепость, как устояли они в сражении!

Закончился бой.

– Ага, а я что говорил! – торжествует старшина Махарадзе. И снова свое: – Крепче наши танки, крепче. Не чета им фашистские.

– Да как же – крепче, – кто-то снова полез из спорщиков.

– Крепче, – подтвердил Илларион Махарадзе. И поясняет, почему они крепче. – Броня – это раз, – загнул палец старшина Махарадзе. – Упорство в бою – это два. Вера в победу – три. Геройство, считай, – четыре. Так у кого же танки, выходит, крепче?

Смотрят солдаты на старшину Махарадзе.

– Ты смотри, правду, поди, говорит кавказец. От геройства и верно металл крепчает.

«Напишу из Москвы»

Не удастся фашистам прорваться к Москве ни с юга, ни с севера.

– Брать ее штурмом, брать ее в лоб! – отдают приказ фашистские генералы.

И вот вечер накануне нового наступления. Обер-лейтенант Альберт Наймган спустился к себе в землянку. Достал бумагу, начал писать письмо. Пишет своему дядюшке, отставному генералу, в Берлин. Уверен Наймган в победе.

«Дорогой дядюшка! – строчит Наймган. – Десять минут тому назад я вернулся из штаба нашей гренадерской дивизии, куда возил приказ командира корпуса о последнем наступлении на Москву...» Пишет Наймган, торопится: «Москва наша! Россия наша! Европа наша! Тороплюсь. Зовет начальник штаба. Утром напишу из Москвы».

Новую свою попытку прорваться к Москве фашисты начали с кратчайшего, Западного направления. Прорвали вражеские дивизии фронт под городом Наро-Фоминском, устремились вперед.

Торжествуют фашистские генералы:

– Путь на Москву открыт!

Посылают депешу быстрее в Берлин:

«Путь на Москву открыт!»

Мчат к Москве фашистские танки и мотоциклетные части. Пройдено пять километров... десять... пятнадцать, деревня Акулово. Здесь, под Акуловым, встретил враг заслон. Разгорелся смертельный бой. Не прошли здесь фашисты дальше.

Пытаются враги пробиться теперь южнее Наро-Фоминска. Прошли пять километров... десять... пятнадцать. Село Петровское. И здесь, у Петровского, преградили дорогу фашистам наши. Разгорелся смертельный бой. Не прорвались фашисты дальше.

Повернули фашисты на север. Устремились к станции Голицыно. Прошли пять километров... десять... пятнадцать... У деревень Бурцево и Юшково – стоп! Стоят здесь на страже наши. Разгорелся смертельный бой. И здесь не прорвались фашисты дальше. Захлебнулась и здесь атака.

Отбили советские воины новый прорыв на Москву. Отползли, отошли фашистские танки к своим исходным рубежам. Отошли фашисты и все же не верят в силу советских войск. Успокаивают сами себя фашистские генералы:

– Ничего, ничего – отдохнем, поднажмем, осилим!

А в это время на север, на юг от Москвы и здесь, на Западном направлении, собирали советские части свежие силы. К Москве подходили новые дивизии, в войска поступали новые танки и новые пушки. Наша армия готовилась нанести сокрушительный удар по врагу.

Готовы войска. Нужен лишь сигнал к наступлению.

И он поступил.

На одних участках фронта 5-го, а на других 6 декабря 1941 года войска, оборонявшие Москву, перешли в грандиозное наступление. Наша армия стала громить врага и погнала его на запад.

Ну, а как же с письмом Наймгана? Дописал ли его офицер?

Нет, не успел. Погиб лейтенант Наймган. Вместе с письмом в снегах под Москвой остался.

«Тайфуном» назвали фашисты свое наступление.

Взвился «Тайфун», как ястреб. Рухнул, как камень, в пропасть. Укротили его советские солдаты.

Переломилось

Переломилось. Свершилось. Сдвинулось. Наступает наша армия. Рванулись войска вперед. Громят фашистов армии генералов Говорова, Рокоссовского, Кузнецова, Голикова, танкисты Лелюшенко, Катюкова, Гетмана, Ротмистрова, конники Доватора и Белова, герои-панфиловцы и артиллерийские дивизионы.

Успешно идет наступление. Много отважных солдат из разных сел, городов, областей, республик защищало Москву. Здесь москвичи и рязанцы, украинцы и белорусы, латыши и казахи и много других бойцов. Перед самым наступлением прибыло в войска пополнение – сибиряки и уральцы.

В канун наступления командующий Западным фронтом генерал армии Георгий Константинович Жуков направился к войскам. Приехал сначала как раз к уральцам. Рослый уральцы народ, красивый.

– Здравствуйте, товарищи бойцы!

– Здравия желаем, товарищ командующий!

Поговорили о том о сем.

– Как настроение?

– Боевое, товарищ командующий!

– Как доехали?

– Люксом, люксом!

А сами в теплушках ехали.

– Готовы идти в наступление?

– Готовы, товарищ командующий!

– Ну что же, удачи, товарищи. До встречи на поле боя!

Простился Жуков с уральцами, поехал в дивизии к сибирякам. Ядреный сибирский народ, смекалистый.

– Здравствуйте, товарищи бойцы!

– Здравия желаем, товарищ командующий!

Пошли разговоры о том о сем. Как настроение? Как доехали? Как вас тут встретили? И наконец:

- Готовы идти в наступление?
 - Хоть сию минуту, товарищ командующий!
 - Ну что же, удачи, товарищи. До встречи на поле боя!
- Поехал Жуков в полки к москвичам.
- Здравствуйте, товарищи бойцы!
 - Здравия желаем, товарищ командующий!

И тут разговоры о том о сем. О Москве, о войне, о московской хватке. Закаленный народ москвичи. В боях и в защите стойкий.

Смотрит Жуков на москвичей:

- Ну как, товарищи, готовы идти в наступление?
- Заждались, товарищ командующий!

Объехал Жуков другие дивизии. Встречался с казаками и белорусами, с латышами и украинцами. Побывал у рязанцев, у каширцев, у туляков. Всюду один ответ. Скорее ударить по лютому зверю. Скорее разить врага. Ехал Жуков назад, на командный пункт, смотрел на снег, на поля Подмосковья.

«Момент наступил. Самый момент», – рассуждал Жуков.

Доложил он в Ставку Верховного Главнокомандования, что готовы войска к наступлению.

Дала Ставка приказ к боям.

Ходики

Наступают советские войска. Отходят фашисты, сжигают все на своем пути, минировать.

В одном из уцелевших крестьянских домов временно разместился штаб генерала Константина Константиновича Рокоссовского. Прославилась армия Рокоссовского в боях за Москву. Герои-панфиловцы сражались именно в этой армии.

Очистили саперы дом от фашистских мин. Штаб приступил к работе. Рокоссовский, начальник штаба армии генерал Малинин и член Военного совета армии генерал Лобачев склонились над картой. Нужно подготовить и передать войскам срочные распоряжения.

Однако в избу то и дело входят различные люди. Свои же штабные работники рады поздравить генералов с успехом, от местных жителей поблагодарить за освобождение, офицеры из штаба фронта – за сводками новостей.

Отрывают от срочной работы посетители генералов. Ко всему приехали корреспонденты. Много и разные. Журналисты, фотокорреспонденты и даже один кинооператор с огромным штативом и неуклюжей камерой. Набросились корреспонденты на генералов, как соколы на добычу. Особенно усердствует фотокорреспондент.

– Подойдите, подойдите сюда поближе, товарищ командующий! – командует Рокоссовскому.

– Присядьте, товарищ генерал, присядьте. – Это к начальнику штаба генералу Малинину.

– Привстаньте, товарищ генерал, привстаньте. – Это к члену Военного совета генералу Лобачеву.

Машет руками, командует. Словно не они здесь генералы, а он генерал.

Посмотрел на корреспондента генерал Малинин. Человек он резкий, вспыльчивый. Шепчет Рокоссовскому:

– Гнать их отсюда, товарищ командующий!

– Неделikatно. Нет, нет, – шепчет в ответ Рокоссовский.

Висят на стене часы ходики. Тик-так, тик-так... – отбивают время.

Пропадают дорогие минуты у генералов. Часы старые-старые. Циферблат со щербинкой. Одна стрелка чуть-чуть подогнута. Вместо гирь висят мешочки с какими-то грузилами.

Глянул Рокоссовский на ходики, затем на корреспондентов и говорит:

– Дорогие товарищи, только очень прошу, не прикасайтесь и не подходите близко к часам: они заминированы.

Сказал и хитро глянул на генерала Малинина.

«Как – заминированы! Тут все проверено», – хотел было сказать Малинин. Однако Рокоссовский делает ему знак: молчи, мол, молчи.

Промолчал генерал Малинин. Понял, что Рокоссовский решил припугнуть журналистов.

– Заминированы, – вновь повторил Рокоссовский.

Рассчитывал Рокоссовский – уйдут журналисты. А те и не думают.

По-прежнему больше других старается фотокорреспондент:

– Станьте сюда, станьте сюда, товарищ командующий... Передвиньтесь чуть-чуть. Левее. Левее. Еще левее. Отлично. Благодарю, – это к генералам Малинину и Лобачеву.

Затем совсем вплотную подошел к ходикам. Изловчился и снял так, что на одном снимке и генералы, и ходики.

– Осторожно, они заминированы, – вновь говорит Рокоссовский.

– Ничего-ничего, – отвечает фотокорреспондент. – Это даже еще интереснее. Редкостный будет снимок.

Щелкнул отдельно ходики. Повернулся опять к генералам. И другие журналисты идут в атаку. И эти терзают военачальников.

Так и не получилось ничего с выдумкой у Рокоссовского. Развел он руками, посмотрел на Малинина, на Лобачева:

– Не ожидал!

Повернулся к корреспондентам. Руки поднял:

– Сдаюсь!

Пришлось Малинину «взяться» за журналистов.

Ушли журналисты. Усмехается Рокоссовский:

– Ишь боевой народ!

Глянул на ходики.

Тик-так, тик-так... – отсчитывают время ходики.

Прибыл

Было это перед самой войной. Павел Коркин, житель подмосковного села Бабкино, отбывал солдатскую службу на Дальнем Востоке, в стрелковой дивизии полковника Белобородова.

Жили солдаты рядом с рекой Уссури. Широка, полноводна, быстра Уссури...

Отличился солдат в учениях, дали ему краткосрочный отпуск домой в награду.

Пишет Коркин родным письмо: «Ждите, еду. *Ваш Павел Коркин*».

Не уехал тогда солдат. Задержала его война. Лишь напрасно письмо отправил.

Осенью 1941 года дальневосточная дивизия полковника Белобородова в числе других войск была переброшена под Москву, на помощь защитникам советской столицы. Отличились в сражениях дальневосточники. Заслужили гвардейские звания.

И вот теперь вместе со всеми гвардейцы Белобородова громили фашистов, гнали врага на запад. Через несколько дней наступления солдаты вышли к берегу Истры, к Истринскому водохранилищу.

Истра, Истра... За Истрой – Бабкино. Смотрит Коркин: родимый край. Справа – плотина Истринского водохранилища. Впереди – возвышенный берег Истры. Берег лесистый, с круглыми склонами. Хорошо здесь держать оборону. Засели на нем фашисты. Открыли огонь по нашим.

– Ура! – кричит Коркин.

Бросились наши войска в атаку. Не страшны им огонь и взрывы. Вот-вот и ворвутся на правый берег. И вдруг водяной вал высотой в четыре метра обрушился на советские части. Отпрянули наши солдаты. Это фашисты взорвали плотину Истринского водохранилища. Забурлила, устремилась вода вперед. Разлилась, раздвинулась Истра. Смотрит Коркин: не Истра – река Уссури. Да где Уссури – вместе Амур и Волга.

Остановилось успешное продвижение.

– Рус, цурюк! Рус, назад! – голоса фашисты.

Охватила Коркина злость. Глянул солдат налево, направо. На тот берег крутой, вдали.

– Братцы, вперед! Братцы, не трусь! Братцы, вплавь на подручных средствах!

Ожили солдаты. Бросились к недалеким избам. Разобрали заборы. Кто на бревнах, кто на воротах, кто просто так – устремились гвардейцы в воду.

Смотрят фашисты во все глаза. В реальность всего не верят. Вот на воде колыхнулись уже плоты, вот надувные лодки. Ударил дружно советская артиллерия. В небе появились советские штурмовики.

Дружно идет атака.

– Вперед! Ура! Вперед! – кричит Коркин.

Первым догреб до берега. Первым рванулся на фашистов.

Ворвались гвардейцы на прибрежные кручи. Бежали фашисты.

Как снег на голову, явился Коркин в родное Бабкино.

– Павлуша! – всплеснула руками мать и тут же заплакала.

Улыбается ей солдат:

– Письмо получила? Писал, что буду. Прибыл. Встречайте. Прибыл!

Бегут навстречу родня, соседи. Встречает героя Бабкино.

Дом

Советские войска стремительно продвигались вперед. На одном из участков фронта действовала танковая бригада генерал-майора Катукова. Догоняли врага танкисты.

И вдруг остановка. Взорванный мост впереди, прямо перед танками. Случилось это на пути к Волоколамску, в селе Новопетровском. Приглушили танкисты моторы. На глазах уходят от них фашисты. Выстрелил кто-то по фашистской колонне из пушки – лишь снаряды пустил по ветру.

– Ауфвидерзеен! Прощайте! – кричат фашисты.

– Бродом, – кто-то предложил, – бродом, товарищ генерал, через речку.

Посмотрел генерал Катукоев – петляет река Маглуша. Круты берега у Маглуши. Не податься на кручи танкам.

Задумался генерал.

Вдруг появилась у танков женщина. С нею мальчик.

– Лучше там, у нашего дома, товарищ командир, – обратилась она к Катукоеву. – Там речка уже. Подъем положе.

Двинулись танки вперед за женщиной. Вот дом в ложине. Подъем от речки. Место здесь вправду лучше. И все же... Смотрят танкисты. Смотрит генерал Катукоев. Без моста не пройти тут танкам.

– Нужен мост, – говорят танкисты. – Бревна нужны.

– Есть бревна, – ответила женщина.

Осмотрелись танкисты вокруг: где же бревна?

– Да вот они, вот, – говорит женщина и показывает на свой дом.

– Так ведь дом! – вырвалось у танкистов.

Посмотрела женщина на дом, на воинов.

– Да что дом – деревяшки-полешки. То ли народ теряет... О доме ль сейчас печалиться, – сказала женщина. – Правда, Петя? – обратилась к мальчику. Затем снова к солдатам: – Разбейте его, родимые.

Не решаются трогать танкисты дом. Стужа стоит на дворе. Зима набирает силу. Как же без дома в такую пору?

Поняла женщина:

– Да мы в землянке уж как-нибудь. – И снова к мальчику: – Правда, Петя?

– Правда, маманя, – ответил Петя.

И все же мнутя, стоят танкисты.

Взяла тогда женщина топор, подошла к краю дома. Первой сама по венцу ударила.

– Ну что ж, спасибо, – сказал генерал Катукон.

Разобрали танкисты дом. Навели переправу. Бросились вслед фашистам. Проходят танки по свежему мосту. Машут руками им мальчик и женщина.

– Как вас звать-величать? – кричат танкисты. – Словом добрым кого нам вспоминать?

– Кузнецовы мы с Петенькой, – отвечает, зардевшись, женщина.

– А по имени, имени-отчеству?

– Александра Григорьевна, Петр Иванович.

– Низкий поклон вам, Александра Григорьевна. Богатырем становись, Петр Иванович.

Догнали танки тогда неприятельскую колонну. Искрошили они фашистов. Дальше пошли на запад.

Отгремела война. Отплясала смертями и бедами. Утихли ее сполохи. Но не стерла память людские подвиги. Не забыт и подвиг у речки Маглуши. Поезжай-ка в село Новопетровское. В той же ложине, на том же месте новый красуется дом. Надпись на доме: *Александре Григорьевне и Петру Ивановичу Кузнецовым за подвиг, совершенный в годы Великой Отечественной войны.*

Петляет река Маглуша. Стоит над Маглушей дом. С верандой, с крылечком, в резных узорах. Окнами смотрит на добрый мир.

«Французенка»

«Французенка» – так солдаты называли пушку.

Когда сержанту Барабину впервые ее вручили, глянул солдат и ахнул. Пушка была выпуска 1897 года, – выходит, из нее деды еще стреляли.

– Да-а-а... – протянул солдат.

– Зато – «французенка», – говорят Барабину.

Пушка действительно была французской. Во Франции ее изготовили. Еще в Первую мировую войну попала она в Россию. Оказалась пушка на батарее, в которой служил Барабин в самые тяжелые часы Московской битвы. Много требовалось тогда вооружения. И вот случайно где-то на артиллерийских складах было обнаружено несколько старых пушек. Были здесь пушки русские, были английские, была и французская. Отправили их на фронт. Французская и досталась сержанту Барабину.

Артиллерийская батарея, как правило, состоит из четырех пушек. Из четырех состояла и батарея Барабина. Три пушки современные, новые, только что пришедшие с заводов. Четвертая, барабинская, – французская.

Долго бурчал артиллерист. Смотрел на пушку, как на дите нелюбимое. Все раздражало солдата в пушке. И вид старинный, и бьет ближе других, и много возни, пока перезарядишь.

– Утиль, – бурчал солдат. – Доисторический век.

Солдаты смеются:

– Зато – «французенка»!

Побурчал-побурчал Барабин, а затем и привык к «французенке». А когда подбил первый фашистский танк, даже расцеловал пушку. Кто-то сказал:

– Любовь начинается.

И не ошибся.

Сержант Барабин был прекрасным артиллеристом. Прекрасным оружием стала в его руках и «французенка».

Сражалась пушка на Минском шоссе в армии, которой командовал генерал Леонид Александрович Говоров. Сдерживала вместе с другими натиск фашистов. И вот теперь вместе со всеми пошла вперед.

Проезжал как-то генерал Говоров мимо артиллерийской позиции. Увидел необычную пушку. Спросил у офицера, что за пушка.

– «Французенка», – ответили генералу.

Объяснили офицеры генералу, откуда пушка и как к ним попала.

– Да, нелегкие были дни, – сказал генерал Говоров.

А когда узнал, что «французенка» танк подбила, даже похлопал ее по стволу.

– Спасибо, – сказал, – «французенка».

Недолго после этого пробыла пушка в войсках. Поступили с Урала новые пушки. Много тогда нового оружия для наступающих армий под Москву приходило. Нет уже больше нужды во «французенке». Прислали новую пушку и для сержанта Барабина.

Уперся было Барабин. То да се. Привык, не отдает он свою «французенку». Однако приказ есть приказ. Пришлось артиллеристу расстаться с пушкой.

Обнял он ее, расцеловал.

– Ну что ж, прощай, родимая.

Покатила на склады опять «французенка».

Случилось так, что генерал Говоров через несколько дней вновь встретил Барабина. Узнал он сержанта. Спросил:

– Ну, как «французенка»?

Показал Барабин на новую пушку. Была она дальнобойной, скорострельной, самой последней, самой совершенной конструкции.

– Да, время другое, другая сила, – сказал Говоров.

Сержант-лейтенант

Сержант Павел Бирюков служил адъютантом у командующего стрелкового батальона. Произошло это перед самым нашим наступлением. Получил Бирюков от командира задание отправиться на передовую, установить связь с ротами.

Отправился Бирюков. Идет по обочине леса, вдруг видит – из леса выходит колонна фашистов. Схватил Бирюков автомат, бросился за сосну, открыл по врагам огонь. Побежали фашисты. Однако быстро пришли в себя. Поняли, что перед ними всего-то один русский боец. Ответили они на огонь Бирюкова своим огнем. Но и на помощь советскому солдату пришли товарищи. Завязалась перестрелка.

Точно стрелял Бирюков. Уже не стоит за сосной, а прилег. Выбирает, как снайпер, цели. Прицелится. Скажет:

– Понеслись! – и выпускает пули.

Снова прицелится. И снова:

– Вперед, голубушки.

Не ошибаются пули, точно летят в фашистов.

Не устояли фашисты. Отползли от опасного места. Побежали к своим окопам.

Нет бы Бирюкову на этом бой посчитать оконченным. А он поднялся и вслед за фашистами.

– Да куда ты! – кричат товарищи.

Не услышал, видать, боец. Несется, кричит:

– Сдавайтесь!

Фашистов много, а он один.

– Сдавайтесь! – кричит. – Сдавайтесь!

Подбежали фашисты к своим окопам. Укрылись. Но не спасли их окопы на этот раз. Вслед за ними влетел и Бирюков в траншею.

– Рус! – закричали фашисты. – Рус!

Кричат и те, кто прыгнули только сейчас в окопы, и те, кто в окопах уже сидели. Не поняли фашисты в горячке боя, что из русских у них в окопе только один солдат. И Бирюков в той же горячке боя, видимо, тоже не очень понял, что он один. Увлёкся солдат погоней. Влетел в окоп, полоснул автоматом, швырнул гранату.

Побежали фашисты. Те, что остались живы, укрылись в других траншеях.

В это время подоспели на помощь к Бирюкову наши солдаты. Поравнялись они с окопом. Видят: жив, невредим Бирюков. Стоит в неприятельском окопе, трофеи считает. Подобрали солдаты трофеи: автоматы, минометы, фашистские пулеметы – восемь пулеметов одних досталось, – вернулись к своим позициям.

За свой героический подвиг сержант Бирюков был награжден орденом. Одновременно ему было присвоено звание лейтенанта.

Поздравили его товарищи. Радовались успеху. Солдаты всегда солдаты. Любят солдаты шутку. Обнимают Бирюкова, бросают шутки:

– В окопы вбежал сержантом, выбежал – лейтенантом. Еще два окопа – майором будешь.

Через день началось наступление. Офицером шел Павел Бирюков в наступление.

Доватор

В боях под Москвой вместе с другими войсками принимали участие и казаки: донские, кубанские, терские...

Лих, искрометен в бою Доватор. Ладно сидит в седле. Шапка-кубанка на голове.

Командует генерал Доватор кавалерийским казачьим корпусом. Смотрят станичники на генерала:

– Наших кровей – казацких!

Спорят бойцы, откуда он родом:

– С Дона.

– С Кубани!

– Терский он, терский.

– Уральский казак, с Урала.

– Забайкальский, даурский, считай, казак.

Не сошлись в едином мнении казаки. Обратились к Доватору:

– Товарищ комкор, скажите, с какой вы станицы?

Улыбнулся Доватор:

– Не там, товарищи, ищите. В белорусских лесах станица.

И верно. Совсем не казак Доватор. Белорус он. В селе Хотино, на севере Белоруссии, недалеко от города Полоцка – вот где родился комкор Доватор.

Не верят Доватору казаки:

– Шутки комкор пускает.

И снова:

- Терский!
- Оренбургский!
- Донской!
- Кубанский!
- Уральский!
- Братцы, да он, считай, забайкальский, даурских кровей, казак.

Еще в августе – сентябре конная группа Доватора ходила по фашистским тылам. Громила склады, штабы, обозы. Сильно досталось тогда фашистам. Пошли слухи – 100 тысяч советских конников прорвалось в тыл. Успокаивают солдат фашистские генералы. Отдают даже специальный приказ. А в этом приказе: «Не верьте слухам! Слухи о том, что в тыл наших войск прорвалось 100 тысяч кавалеристов противника, преувеличены. Линию фронта перешло всего 18 тысяч». А на самом деле в конной группе Доватора было только 3 тысячи человек.

Когда советские войска под Москвой перешли в наступление, казаки Доватора снова прорвались в фашистский тыл.

Боятся фашисты советских конников. За каждым кустом им казак мерещится...

Назначают фашистские генералы награду за поимку Доватора – 10 тысяч немецких марок.

Рыщут любители денег и славы. Ловят в мечтах Доватора. Исчезает, как дым, Доватор.

Повышают фашисты цену. 20 тысяч марок за поимку советского генерала. Рыщут любители денег, хватают в мечтах Доватора.

Как гроза, как весенний гром, идет по фашистским тылам Доватор. Бросает фашистов в дрожь. Проснутся, ветра услышав свист.

– Доватор! – кричат. – Доватор!

Услышат удар копыт.

– Доватор! Доватор!

Повышают фашисты цену. 50 тысяч марок назначают они предателю. Лежат без хозяина эти деньги. Как сон, как миф для врагов Доватора.

Едет верхом на коне Доватор. Легенда следом за ним идет.

Казаки

Одной из казачьих дивизий (кубанской) командовал генерал-майор Исса Александрович Плиев.

Огневой, задорный народ кубанцы. Собрались в дивизии казаки из станиц Советской и Вознесенской, Отрадной, Попутной, Лабинской, Кавказской и многих других.

Хороши под кубанцами кони. Хороши у кубанцев песни. Шашки в бою как молнии.

Во многих боях рубились кубанцы. Особенно памятен бой у деревни Горбово.

Наступали тогда казаки, гнали врага на запад.

Захватили конники Горбово, но тут на помощь своим подошли фашисты. Дивизия приняла встречный бой.

Плиев решил ударить во фланг противнику. Однако идти в атаку нужно было открытым местом. Прямо от села начиналось большое поле.

Ветер бежит по полю. Гонит с бугра снежинки. Смотрит на поле Плиев. Хорошо, конечно, ударить во фланг, однако сколько людей погибнет здесь на открытом месте.

Задумался генерал. Вдруг слышит:

– Товарищ комдив!

Поднял Плиев голову. Видит – стоит перед ним казак. Казак настоящий – с усами, в кубанке. Уже в годах.

– Откуда, служивый?

– Из станицы Попутной.

– Слушаю вас, товарищ.

– Товарищ комдив, давайте совет.

– Совет так совет, – улыбается Плиев.

Подошел казак к генералу, стал что-то шептать на ухо.

Слушает Плиев:

– Так, так.

Руками что-то казак показывает.

Улыбается Плиев:

– Так, так. – Совсем оживился Плиев: – С удальством, по-казацки, значит?

– Так точно, по-дедовски, товарищ комдив.

Дал Плиев команду идти в атаку.

Построились казаки на улицах Горбова. С места взяли в карьер, в галоп. Донесли до околицы. Вот и открытое поле. Помчались кони вперед на врага.

Но тут встретили фашисты конников залпами. Вот неудача! Повалились из седел всадники. Повисли на стремях. Разгоряченные кони вперед несутся.

Довольны фашисты – отбили атаку. Несутся по полю кони, тащат тела казаков. «Ага, и лошади будут наши», – рады фашисты двойному везению. Кони и правда несутся к ним. Вот-вот и хватай скакунов за уздечки.

И вдруг... что такое?! Не верят фашисты своим глазам. Видят и все же не верят. Остановились вдруг кони в беге. Ожили, как в сказке, убитые всадники. Поднялись на стремях. Приложили к плечам автоматы. Огнем, как косой, по фашистским рядам прошли.

Увенчалась успехом казацкая хитрость. Откатились назад фашисты. Взяли в галоп эскадроны. Острой казацкой шашкой довершили лихое дело.

Горд Исса Александрович Плиев:

– Джигитовка! Высший казацкий класс.

Наташка

Среди лесов и полей Подмосковья затерялось небольшое село Сергеевское. Стоит оно ладное-ладное. Избы словно только родились на белый свет.

Любит Наташка свое Сергеевское. Резные ставни. Резные крылечки. Колодцы поют здесь песни. Калитки поют здесь песни. Басом скрипят ворота. Соревнуются в крике голосистые петухи. Хороши леса и рощи. Малина в лесах, орешник. Хоть на возах вывози грибы.

Любит Наташка свое Сергеевское. Речка журчит здесь Воря. Хороши берега у Вори. Травка. Песочек. Склонились ивы. Рыбий под вечер всплеск.

И люди в Сергеевском тоже особые. Добрые-добрые!

Солнце Наташке светит. Люди Наташке светят. Дарит улыбки мир.

И вдруг оборвалось все, как сон, как тропа над кручей. Кончилась мирная жизнь в Сергеевском. Опалила война округу. Попало к врагам Сергеевское.

Вступили в село фашисты. Разместились фашисты в крестьянских избах. Выгнали жителей всех на улицу.

В погребах и землянках укрылись люди. Живут все в страхе, как темной ночью.

До самой зимы, до снега в руках у врагов находилось Сергеевское. Но вот долетела сюда канонада. Сверкнула радость – идут свои!

– Свои!

Ждут в Сергеевском избавления. Ожидают нашу армию. И вдруг обежали фашисты погреба и землянки. Выгнали снова людей на улицу. Согнали в сарай, что стоял на краю Сергеевского. Закрыли на все засовы.

Смотрит Наташка: вот мамка, вот бабка, соседи, соседки. Полно народа.

– Чего нас, мамка, в сарай загнали? – лезет Наташка.

Не понимает, не знает, не может ответить мать.

Сильнее слышна за селом канонада. Радость у всех:

– Свой!

И вдруг кто-то тихо, затем что есть силы:

– Горим!

Глянули люди. Дым повалил сквозь щели. Огонь побежал по бревнам.

– Горим!

Бросились люди к дверям сарая. Закрыты двери на все засовы. Даже снаружи чем-то тяжелым подперты.

Все больше и больше в сарае огня и дыма. Задохаться начали люди. Не хватает Наташке воздуха. Пламя ползет к шубейке. Уткнулась, прижалась Наташка к матери. Ослабла, забылась девочка. Сколько времени прошло – не знает. Вдруг слышит:

– Наташка! Наташка!

Открыла глаза Наташка. Не в сарае она, на снегу, под чистым небом. Ясно Наташке – успели наши, пришло спасение. Улыбнулась Наташка и вновь забылась.

Перенесли ее в дом. Отлежалась, к утру поправилась. А утром побежала девочка по селу. Как именинник стоит Сергеевское. Запели опять калитки. Запели опять колодцы. Заговорили ворота басом. Бежит Наташка. Снег под ногами хрустит, искрится, озорно белизной сверкает. Добежала до речки Вори. Взлетела на кручу. Остановилась вдруг, замерла. Холм из свежей земли над Ворей. Красная звездочка сверху вкопана. Дощечка под звездочкой. На дощечке идут фамилии. Смотрит на холм Наташка. Два солдата рядом стоят с лопатами.

– Кто здесь такие, дяденьки? – показала на холм Наташка.

Посмотрели бойцы на девочку:

– Спасители здесь твои лежат.

Войны без смертей не бывает. Свобода нелегкой ценой достается.

Тулупин

Стрелковая рота вступила в село. Правда, не первой. Освободили село другие. Еще утром бежали отсюда фашисты.

Идут солдаты вдоль главной улицы. Сохранилось село. Быстро бежали фашисты. Ни сжечь, ни разрушить ничего не успели.

Подшли солдаты к крайнему дому. Дом-пятистенок. Калитка. Ворота. На воротах написано что-то. Заинтересовались солдаты. Читают: «Прощай, Москва, уходим в Берлин. *Ефрейтор Беккерс*».

– Вот это здорово! – рассмеялись солдаты. – Значит, прощай, Москва, прощай, надежды.

– Хоть и фашист, а верную надпись сделал.

Присмотрелись солдаты, а внизу и еще слова. Кто-то приписку сделал. Читают бойцы приписку: «Ничего, догоним. *Рядовой Тулупин*».

Рассмеялись солдаты:

– Вот это по-нашему!

– Вот молодец Тулупин!

– Мужик с головой, выходит.

Понравилось бойцам солдатское добавление. Интересно им узнать о судьбе Тулупина. Может, Тулупин фашиста уже догнал?

Идут вперед солдаты. Всюду наводят о Тулупине справки. Кого ни встретят – пехотинцев, танкистов, артиллеристов, сразу с вопросом:

– Нет ли у вас Тулупина?

Фамилия не очень частая. Скорее редкая. Не попадаете им Тулупин. Зашли солдаты за Можайск, за Медынь, дальше фашистов гонят. Нет и нет, не встречается им Тулупин. И вдруг в одном месте...

– Есть, – говорят, – Тулупин.

Кинулись солдаты к бойцу:

– Тулупин?

– Тулупин.

– Писал на воротах?

– На каких на воротах? – поразился боец.

Объясняют солдаты.

– Нет, не писал, – отвечает Тулупин.

Огорчились солдаты:

– Не тот Тулупин.

Продолжает армия ратный путь. Двигутся вперед солдаты, освобождают родную землю. Наступают солдаты и всюду:

– Есть ли у вас Тулупин?

– Есть ли у вас Тулупин?

И вот...

– Есть, – говорят, – Тулупин.

Бросились солдаты к бойцу:

– Тулупин?

– Тулупин.

– Писал на воротах?

– На каких на воротах? – поразился боец.

Объясняют солдаты.

– Нет, не писал, – отвечает Тулупин.

– Э-эх, снова не тот, – огорчились солдаты.

– Не повезло.

Много километров прошагали вперед солдаты. Продолжают искать Тулупина. Тревожиться стали солдаты:

– Может, ранен, попал в санбат?

– Может, убит Тулупин?

И вдруг:

– Есть Тулупин!

– Тулупин?

– Тулупин.

– Тот самый?

– Сдается, тот.

Повстречались солдаты с Тулупиным и сразу ему про Беккерса.

– Беккерс... Беккерс... – стал вспоминать солдат. – Ах, Беккерс! Догнали, догнали его, родимые!

Оживились солдаты:

– Давно?

– С месяц уже, считай.

Довольны солдаты – попался Беккерс. Лезут опять к Тулупину:

– Здорово ты на воротах...

– Что на воротах?

– Здорово ты написал.

– Что написал? – поразился боец. – На каких на воротах?! – стоит, на солдат удивленно смотрит.

Вот так дела. Ясно солдатам – снова не тот Тулупин.

Заговорили опять о Беккерсе.

– Помню Беккерса, помню, – повторяет Тулупин. – Как же, помню – полковник Беккерс. Нашей ротой был схвачен в плен.

– Полковник? – смутились солдаты. (На воротах писал ефрейтор.)

– Полковник, – сказал Тулупин.

Ясно теперь солдатам, что и Беккерс совсем не тот.

Простились солдаты. Дальше пошли походом.

Сожалеют солдаты:

– Эх, Беккерс не тот и не тот Тулупин.

Тут же со всеми шагает старшина Задорожный. Посмотрел на друзей Задорожный:

– Тот – не тот! Да в этом ли разве дело. Братцы, хватай за суть. Время смотри какое. Не беккерсы ныне теснят Тулупиных. Фашистов Тулупины нынче бьют.

Наступают советские войска. На нашей улице нынче праздник. Множится счет побед.

Скачков

Иван Михайлович Скачков был одним из руководителей Можайского района. Любили его в районе. Скачков человек деловой, энергичный.

Храбро сражались тогда войска. Однако сила была у фашистов. Оставили наши солдаты Можайск. Ушел и Скачков с войсками.

Вспоминали в Можайске Скачкова. Где он? Жив, невредим? Погиб ли в бою?

Наступили в Можайске тяжелые, черные дни. В центре города фашисты поставили виселицу. У вокзала и на базарной площади устроили тюрьмы для непокорных. Редко пустует виселица. Допросы и пытки не прекращаются.

Но не смирились можайцы. Ушли в партизаны. Есть Северный партизанский отряд, есть Южный. Возглавляет отряды товарищ Михайлов. Ходят слухи, мол, опытный командир.

Чудеса творятся вокруг Можайска.

Шел лесом по Саввинской дороге фашистский танк. Тянул сзади прицеп с пехотой. В лес зашел, а оттуда не вышел. Утром видят фашисты: танк взорван, перебитой лежит пехота.

Направлялся в село Облянищево фашистский отряд во главе с офицером. Шли солдаты грабить крестьян: за маслом, за хлебом, за сеном для лошадей. Не дошли до села фашисты. Спят вечным сном на лесной поляне.

Нашелся в Можайске предатель. Сделали фашисты каким-то важным его начальником. Как начальству отвели кабинет. Заглянули фашисты как-то к нему в кабинет. Мертвым лежит предатель.

Прибыли под Можайск на аэродром Ватулино новые фашистские самолеты. Только сели, только разместились в землянках летчики, как тут тревога. Прилетели советские бомбардировщики, уничтожили фашистские самолеты.

Пришли на пополнение в фашистскую армию танки, пушки и мощные тягачи. Скопились они у деревень Клементьево и Горбово. Только стали командиры решать – кому, в какой полк и сколько всего направить, как в небе снова появились советские летчики. Полетели на фашистскую технику бомбы. Смешали металл с землей.

Не прекращаются чудеса под Можайском. Да и не только здесь. Под Волоколамском, под Рузой, под Истрой, Малым Ярославцем, Боровском, Нарой – всюду горит под врагами земля. Мститель за горло берет врага.

94 дня пробыл Можайск под фашистской неволей. Но верили люди в нашу победу. И радостный час наступил. Прогнали отсюда фашистов. Снова Можайск свободен.

Собрались на митинг жители.

– Слово имеет руководитель партизанского движения Можайского района товарищ Михайлов.

Глянули люди – так это ж Скачков. Иван Михайлович Скачков. Боевой орден на груди у Скачкова. Ясно людям: так вот где он был. Вот за что орден ему в награду.

Трое

Осташевский район – глубинный, дальний в Московской области. Деревня Бутаково в Осташевском районе – дальняя. Отступали фашисты через Бутаково. Тянулись с утра и до самого вечера. Не успели пройти все засветло. Один из фашистских отрядов остался в деревне на ночь. Избы здесь спалены. В землянках укрылись жители.

Однако на окраине деревни сохранился большой сарай. В нем и разместились фашисты на ночь.

Хорошо им под крышей. Ветер не дует. Снег не сыплет. Только холод страшный стоит в сарае.

О тепле, о костре стали мечтать фашисты. Покрутились вокруг сарая: не видно ли рядом дров? В лес же идти опасно. Разыскали щепок, собрали малость. Зажгли. Огонь улыбнулся теплом и замер. Лишь запах дыма, тепла оставил. Дразнит фашистов запах.

Прижались солдаты крепче друг к другу. Стали дремать фашисты. Вдруг слышат скрип на снегу за сараем. Встрепенулись солдаты. Автоматы немедленно в руки. Ясно врагам: «Партизаны!» Однако видят – идут ребята. Школьники. Трое. Сапоги на одном огромные. Другой в треухе добротном заячьем. Третий солдатским ремнем затянут.

Подожли мальчишки, остановились. Смотрят на них фашисты. Не опускают пока автоматы.

– Партизаны?! – взвизгнул один из фашистов. Взвизгнул и сам смутился. Видит же он, и другие видят – перед ними стоят ребята.

Отделился от мальчишек тот, что в треухе. Был он ростом чуть-чуть повыше. Шагнул к сараю. Рассмотрели фашисты за спиной у подростка что-то.

– Цурюк! Назад! – закричали фашисты.

Остановился мальчишка. Ношу на землю сбросил. Смотрят фашисты – охапка дров лежит.

– Берите, – сказал мальчишка.

Вырвалось тут у солдата удивление:

– О-о-о! Гут! Карашо!

Опустили они автоматы. Дал подросток сигнал товарищам. Отошли на минуту двое. Отошли и тут же вернулись. И у этих охапки дров в руках.

Вспыхнул огонь в сарае. Потянуло теплом от дров. Греют руки солдаты, спины. Чуть ли не лезут в костер с ногами.

Понравились им ребята. И тот, что в треухе заячьем, и тот – в сапогах огромных, и тот, что солдатским ремнем затянут.

Пылает костер. Дрова, как сахар в горячем стакане, тают. Показал на дрова тот, что в треухе, обратился к фашистам:

– Нох? Еще?

– Нох! Нох! – закричали в ответ фашисты.

Ушли ребята. Где-то ходили. Вернулись снова. Снова дрова в руках. Сложили ребята дрова в сторонку. А тот, что в треухе, явился со связкой хвороста. Скинул он хворост – и прямо в костер всю связку. Еще сильнее взметнулось пламя.

Побежало тепло ручьями. Довольны фашисты:

– О-о-о! Гут! Карашо!

Смотрят: а где же мальчишки? Сдуло их словно ветром.

Посмотрели солдаты во тьму, в ворота. И в ту же секунду раздался страшный взрыв. Разнес он сарай, а с ним и фашистов. В связке хвороста были заложены две противотанковые мины.

...Много отважных подвигов совершили под Москвой партизаны. Чем могли, помогали взрослым подростки и дети. Особенно тут, в Осташевском районе. Юным советским патриотам ныне памятник здесь стоит. В Осташеве. На площади. В самом центре.

Папка

Погиб у Филипки отец. В первые дни войны. В боях под городом Минском.

Мал Филипка – четыре года. Скрыла горе от сына мать.

Лезет Филипка к матери:

– Наш папка воюет? Нас защищает? Фашистов бьет?

Прижмет женщина сына к груди покрепче:

– Воюет, сыночек, воюет. Так точно, Филипка, бьет.

Бежит по селу Филипка:

– Наш папка фашистов бьет! Наш папка фашистов бьет!

Живет Филипка в Московской области. Недалеко от города Рогачева.

Отпыхало военное лето. Осень пришла на смену.

Навалилась беда на село, на округу. Черной сворой прорвались сюда фашисты. Танки, пушки вошли в село.

– Славянское быдло! – кричат фашисты.

– Партизаны! – кричат фашисты.

Страшно Филипке, прижмется к матери:

– А где же папка? Спасет нас папка?

– Спасет, – отвечает женщина.

Шепчет Филипка друзьям, соседям:

– Спасет нас папка, побьет фашистов...

Ждут не дождутся колхозники избавления. И вот радость как ветер в село ворвалась. Разбиты фашисты. Гонят наши врагов от Москвы на запад.

Скоро и здесь, под Рогачевом, послышался звук канонады.

– Папка идет! Папка идет! – закричал Филипка.

Дождались колхозники светлого часа. Проснулся Филипка как-то, узнает: бежали фашисты, село свободно.

Бросился мальчик к матери:

– Папка пришел? Папка пришел?

– Пришел, – как-то тихо сказала мать.

– Где же папка?! – кричит Филипка.

– Дальше пошел, сынок...

Побежал Филипка по сельской улице:

– Нас папка освободил! Нас папка освободил!

Повстречался Филипке Гришка. В два раза старше Филипки Гришка. Присвистнул Гришка:

– «Освободил»! Да он под Минском еще убитый.

Насупился Филипка. В кулачки собрались ручонки. На Гришку волчонком смотрит. Какой убитый! Скажет же этот Гришка!

– Освободил! Освободил! – вновь закричал Филипка.

Проходил здесь старик Тимофей Данилыч. Бросился мальчик к деду. Торопится, про отца, про Гришку ему рассказывает.

– Правда, папка побил фашистов?

Посмотрел дед на Филипку, вспомнил про Минск, где грудью стал на пути у фашистов Филипкин отец, другие места, где другие бойцы грудью, как камнем, стали.

– Правда, – сказал Тимофей Данилыч. Прижал он к себе Филипку. – Без него, без отца твоего, не было бы нашей, сынок, победы.

Побежал по селу мальчишка:

– Папка принес победу! Папка принес победу!

Кто же скажет: не прав Филипка?

Не каждому выпало в той грозной войне дожить до великого Дня Победы. Но каждый, кто бился тогда с врагом – под Брестом, под Минском, под Ленинградом, Одессой, под Севастополем, Киевом, Смоленском, Вязьмой, по всем просторам земли советской, – был частью великой победы нашей. Каждый – живой и мертвый.

Верно кричал Филипка. Вырастет мальчик, по праву скажет: «Папка Родине нашей принес победу. Папка Родину нашу от рабства спас».

Слава вам, наши отцы и деды! Сыновний поклон героям!

Активный отдых

Наступала стрелковая рота. Шагала, шагала она на запад. Устали бойцы от боев, от военного грома. Дали солдатам отдых.

Расположилась рота в селе над Гжатью.

Спит подо льдом, под снегами Гжать. Тишь сковала сейчас округу. Отгремели кругом бои. Явились солдаты в село под вечер. Разместились в уцелевших от боя избах. Уснули, как в детстве, блаженным сном.

Только уснули:

– Тревога! Тревога!

Гремит:

– Подъем!

Поднялись в момент солдаты. Полушубки – на плечи, винтовки – в руки. Снова в строю солдаты.

Оказалось, из наших тылов к своим долиной Гжати прорывалась какая-то часть фашистская. Вступили солдаты в бой. Окружили, разбили они фашистов.

Вернулись солдаты к покою, к избам.

Утром проснулись, прошли по улице. В деревне лишь треть домов. Лизнула деревню война огнем. Уходя, спалили две трети домов фашисты. Трубы торчат и печи.

В землянках, в ямах, чуть ли не в норах живут погорельцы. Смотрят солдаты на трубы, на печи, на ямы, на норы. Кто-то сказал несмело:

– А ну-ка, братва, поможем!

Закипела кругом работа. Топоры, как дятел, носами в бревна. Пилы бульдогом вцепились в сосны.

Из пепла, из снега поднялись избы. Трубы, как стражи, венчают крыши.

Завершили солдаты в селе работу. Осмотрели теперь округу. Вышли к замерзшей Гжати. Сваи торчат из Гжати. Был здесь недавно мост.

Посмотрели солдаты на лед, на сваи:

– А ну-ка, братва, наладим!

Закипела опять работа. День не прошел, как снова доски легли над Гжатыю, перила схватились за оба берега.

Закончили мост солдаты. Снова идут округой. Смотрят – на взгорке школа. Вернее, то, что осталось теперь от школы.

Посмотрели солдаты на битый камень. Кто-то сказал несмело:

– А ну-ка, братва, докажем!

Закипела и здесь работа. Лихи солдаты в труде, в работе. Много умельцев в стрелковой роте. Снова школа на прежнем месте. Снова наряжен взгорок.

Довольны солдаты. Идут в деревню. Пришли в деревню. Гремит команда:

– Стройся! Стройся! Закончен отдых!

Повзводно стала в шеренгу рота.

– Смирно! Налево! Песню!

Шагнула стрелковая рота. Взвилась над ротой песня. Зашагали солдаты в свою дивизию. Явились они в дивизию. Генералу доклад о роте:

– Прибыла с отдыха рота.

– Как отдыхалось?

– Полный во всем порядок.

– А точнее?

Узнал генерал про бой с фашистами, про мост, про дома, про школу. Посмотрел генерал на солдат, на роту:

– Благодарю. Ну что ж, активный, выходит, отдых.

Али-Баба

В одной из наступавших советских стрелковых дивизий сражался солдат Захаркин.

Был раньше Захаркин цирковым актером – иллюзионистом, фокусником. Прознали об этом солдаты. Полезли к нему с вопросами:

– Что же ты можешь? Карты отгадывать можешь?

– Могу.

– Ленты вытаскивать изо рта?

– Могу.

– Вынимать из пустого цилиндра живого голубя?

– Могу, – отвечает Захаркин.

– Шпагу глотать?

– Умею.

Гадали солдаты, что бы еще придумать. И вот какой-то шутник нашелся.

– А можешь так, чтобы фашисты из собственных пушек по своим же войскам ударили?

– Надо подумать, – сказал Захаркин.

– Думай, думай! – смеются солдаты.

Довольны солдаты – озадачили, выходит, они Захаркина. Да разве такое кто-нибудь сможет! Даже хотя бы старик Хоттабыч, хотя бы сказочный Али-Баба!

Прошел день, прошло два. Еще день после этих двух.

– Ну как? – полезли солдаты опять к Захаркину. – Сможешь ли так, чтобы фашисты из собственных пушек по своим же войскам стреляли?

– Смогу, – заявил Захаркин.

Сошли усмешки с солдатских лиц. На Захаркина недоверчиво, косо смотрят.

– Смогу, – повторил Захаркин.

Отступают фашисты, отходят, однако чуть что – огрызаются.

В это время как раз на наши позиции начался налёт фашистской авиации.

Прижались солдаты к земле. Укрылись в блиндажах и окопах. О Захаркине думают: «Эка ж шутник Захаркин».

Отбомбили, ушли фашистские самолеты.

– Ну что ж, смотрите, – сказал Захаркин.

Взял он ракетницу, что-то непонятное пошептал. Выстрелил трижды в сторону фашистских позиций. Опять зашептал.

И вдруг завывла, заиграла фашистская артиллерия. Бьют, словно взбесившись, орудия по своим.

Остолбенели солдаты, опешили. То на Захаркина смотрят, то в сторону вражеских позиций, где рвутся снаряды, кроша фашистов.

Отстреляла фашистская артиллерия. Не верят солдаты произошедшему.

– Может, привиделось!

– Может, обман, гипноз!

Кто-то сказал:

– Оно бы пойти проверить.

Вызвались смельчаки. Поползли к переднему краю, к фашистским окопам. Вскоре вернулись.

– Взаправду, – кричат, – взаправду лупили фашисты! На побитом лежит побитый!

Вот так дела!

Смотрят солдаты на Захаркина, как на чудо.

Смеется Захаркин.

Не мучил долго бойцов Захаркин. Постоял, помолчал, насладился эффектом. А затем объяснил солдатам, в чем дело.

Оказалось, все эти три дня Захаркин зорко следил за фашистами. Приметил он, что в обстреле советских позиций у гитлеровцев был один и тот же порядок, один и тот же шаблон. Вначале бомбила наши позиции авиация. Затем в воздух взлетали ракеты. Ракеты и указывали фашистским артиллеристам, в какую сторону стрелять артиллерии.

Запомнил Захаркин, какими цветами ракет давали фашисты сигнал. Вот и использовал теперь этот сигнал – выстрелил ракетами того же цвета в сторону фашистских позиций.

За наблюдательность и находчивость рядовой Захаркин был награжден медалью.

Довольны солдаты:

– Ай да старик Хоттабыч! Ай да Али-Баба!

Пасть

Рядовой Евстегнюк фашиста поймал на палец. Как карась на крючок, фашистский солдат на палец к бойцу попался. Вот как случилось это.

Зима. Наступали наши. Был Евстегнюк в разведке. В разведке не в первый раз. Задание важное – нужно добыть «языка», то есть схватить кого-нибудь из фашистских солдат и неврежденным доставить в часть.

Вышел солдат в разведку. Пересек незаметно передний край, перешел через линию фронта, оказался в «гостях» у фашистов.

Вечер. Зимний. Ранний. Река Протва. Прорубь в Протве. Тропа. Ходят по этой тропе за водой фашисты. Тут у тропы и засел солдат. Поджидает боец добычу.

Только осторожны на редкость стали сейчас фашисты. Нет бы бежать к воде в одиночку. Ходят к воде с охраной.

Наблюдает за ними советский разведчик. Вот шагает один с ведром, следом другой – с автоматом. Вот трое прошли. Один с ведром, двое других с автоматами. Вот снова трое – один с ведром, с ручным пулеметом двое.

Таких не возьмешь без шума.

Сидит Евстегнюк, выжидает. Час просидел, на исходе второй. Продрог Евстегнюк, промерз. Коченеют спина и руки. Однако сидит выжидает. Знает: лишь упорных удача ждет.

Дождлся разведчик своей минуты.

Видит: на тропе появился смелый. Без охраны бежит фашист. Перебирает ногами, торопится. Вот добежал до проруби. Зачерпнул фашист воду. Бежит назад. Тут и вырос перед ним Евстегнюк. Пытался схватить за горло, чтобы пикнуть солдат не мог. Да, видать, в темноте Евстегнюк промахнулся. Двинул в этот момент головой фашист. Рот приоткрыл для крика. И вот угодил Евстегнюк гитлеровскому солдату пальцем прямо в открытый рот. Угодил, и в ту же секунду фашистский рот, как капкан, захлопнулся. У фашиста от страха случился шок. Сжались зубы, назад ни с места. Мертвой хваткой схватили палец. Что же тут делать? Так и повел через линию фронта советский разведчик фашиста в плен.

Прибыл разведчик в часть. Видят его солдаты. Не сразу поймут, в чем дело.

– Глянь, глянь – Евстегнюк за губу волочит фашиста!

И верно, издали кажется, что разведчик ведет за губу солдата. Узнав, в чем дело, смеялись до слёз солдаты:

– Евстегнюк карася поймал!

– Сом на крючок попался!

Пытались солдаты челюсти разжать у фашиста. Старались и так и этак.

– Щипом, щекоткой его возьми!

– Штыком надави!

– Дерни за нос, за ухо!

Бьются солдаты. Не растянут упрямые челюсти. Хоть волокни домкрат.

Стоит Евстегнюк под обстрелом смешков солдатских. Ситуация – глупее не может быть. Рука с зажатым пальцем, как назло, у солдата правая. И честь не отдашь начальству. А вдруг как тревога! А вдруг как бой! Будь ты проклят, «язык» фашистский!

Кончилось тем, что повели к врачам в медсанбат солдата. Тут и разжали фашисту пасть.

Довольны солдаты:

– Ура! Разжали!

Нашелся один смекалистый:

– Не это важно. Не это. Занесли на Москву фашисты. Вот какую разжали пасть!

«Какой род войск сражается?»

Наступают советские войска. Бьют фашистов с востока, с севера, с юга. Несокрушимо идут вперед.

Приехал как-то командующий Западным фронтом генерал армии Жуков вместе со штабными офицерами к переднему краю боя. Смотрит, как наступают войска, любитесь.

– Молодцы, молодцы! – приговаривает.

Смотрел-смотрел и вдруг к офицерам, стоявшим рядом:

– Какой род войск сражается?

В это время с криком «ура!» как раз устремилась вперед пехота.

– Пехота, – ответили офицеры, – товарищ командующий. Пехота – матушка полей.

– Верно, верно, пехота, – соглашается Жуков.

Постоял-постоял и снова:

– Так какой же род войск дерется?

Переглянулись офицеры. Разве неверно они ответили?

В это время как раз усилила огонь артиллерия. Хорошо, отлично стреляют советские пушки. Нет фашистам от них пощады. А вот и «катюши» послали залп. Метнули металл и пламя. Сровняли с землей фашистов.

Повернулся Жуков к офицерам, ждет, что ответят ему.

– Артиллерия, товарищ командующий! – сказали офицеры. – Артиллерия – бог войны.

– Верно, верно, артиллерия, – соглашается Жуков.

Продолжает следить за боем.

– Эх, молодцы, эх, молодцы! – И снова к офицерам с тем же вопросом: – Так какой же род войск дерется?

Пожали офицеры плечами. Как же понять командующего? Разве ошиблись они в ответе? Видят офицеры – ждет генерал ответа.

Загрохотали в это время советские танки. Железным потоком пошли вперед.

– Танки, товарищ командующий! Танки! – ответили офицеры.

– Верно, танки, – соглашается Жуков. – Орлы, молодцы танкисты!

Любуется сокрушительным натиском генерал. Постоял-постоял и снова:

– Так какие войска сражаются?

Стоят офицеры в недоумении. Притихли, не рвутся вперед с ответом.

В это время как раз начали атаку советские самолеты. Ухнули молотом бомбы. Земля устремилась к небу.

– Ну, ну? – ожидает ответа Жуков.

– Авиация, – кто-то сказал несмело. – Авиация, товарищ командующий. Наши воздушные соколы.

– Верно, – соглашается Жуков. – Слава советским соколам. – Наклонился к своим офицерам и тихо: – Так какой же род войск дерется?

Сбились с толку совсем офицеры. Не знают, что и ответить.

Выждал минуту Жуков. Показал рукой на штурмующих.

– Непобедимый, – сказал, улыбаясь, Жуков.

Победным шагом идут войска. Давят они фашистов.

11 тысяч населенных пунктов освободили советские войска в боях под Москвой. Разгромили 38 фашистских дивизий.

Во всей Европе не было силы, которая могла бы нанести поражение гитлеровцам. И вот оказалась такая сила – наши солдаты. На 100, а во многих местах и на 250 километров отогнали от Москвы наши войска захватчиков. Великая битва под Москвой закончилась сокрушительным разгромом фашистов.

Стоит Жуков, смотрит, как наступают войска. Любуется.

– Так какой же род войск сражается? – переспросил командующий у офицеров.

– Непобедимый! – ответили дружно ему офицеры.

Рассказы о великом сражении на берегах Волги

«Ни шагу назад!»

Третий месяц идут упорные, кровопролитные бои на юге. Горит степь. Сквозь огонь и дым фашисты рвутся к Сталинграду, к Волге.

Шло сражение на подступах к Сталинграду. Шестнадцать солдат-гвардейцев вступили в неравный бой.

– Ни шагу назад! – поклялись герои.

Бросились фашисты в атаку. Удержали рубеж гвардейцы. Перевязали друг другу раны, снова готовы к бою.

Второй раз в атаку идут фашисты. Их больше теперь, и огонь сильнее. Стойко стоят гвардейцы. Удержали опять рубеж. Перевязали друг другу раны. Снова готовы к бою.

Четыре атаки отбили солдаты.

Не взяла смельчаков пехота, поползли на героев фашистские танки.

С танками бой – жесточайший бой.

Вот из шестнадцати двенадцать бойцов осталось.

– Ни шагу назад!

Вот десять, вот девять.

– Ни шагу назад!

Вот восемь, вот семь.

Запомните их фамилии: Кочетков, Докучаев, Гушин, Бурдов, Степаненко, Чирков, Шуктомов.

А танки ползут и ползут. Нет у солдат ни пушек, ни противотанковых ружей, ни минометов. Кончились даже патроны.

Бьются солдаты. Ни шагу назад! А танки все ближе и ближе.

Остались у героев одни гранаты. По три на солдата.

Посмотрел Докучаев на танки, на боевых друзей, на свои три гранаты. Посмотрел. Снял с гимнастерки ремень. Ремнем затянул гранаты. На руке почему-то взвесил. Посмотрел еще раз на Гушина, Бурдова – они были его соседями по окопу. Улыбнулся друзьям Докучаев. И вдруг поднялся солдат из окопа.

– За Родину! – крикнул герой. Бросился вперед навстречу врагу. Прижал крепче к груди гранаты. Рванулся под первый танк.

Вздрогнула степь от взрыва. Качнулись опаленные боем травы. Замер, вспыхнул фашистский танк.

Переглянулись Гушин и Бурдов. Храбрость рождает храбрость. Подвиг рождает подвиг. Поднялся Гушин. Поднялся Бурдов. Связки гранат в руках.

– Нас не возьмешь! – прокричали солдаты.

Рванулись вперед герои. Два взрыва качнули землю. А танки идут и идут.

Поднялись тогда Кочетков, Степаненко, Чирков, Шуктомов.

– Свобода дороже жизни!

Вот они четверо – на огненном рубеже. Навстречу фашистским танкам идут герои.

– Смерть фашистам! Захватчикам смерть!

Смотрят фашисты. Люди идут под танки. Взрыв. Еще взрыв. Снова и снова взрыв. Страх охватил фашистов. Попятились танки, развернулись, поспешно ушли отсюда.

Отгремели бои пожаром. Время бежит, как ветер. Годы текут, как реки. Но память хранит былое. Посмотрите туда, на поле. Как утесы, как скалы, стоят герои. Бессмертен их славный подвиг. Запомните их фамилии: Кочетков, Докучаев, Гушин, Бурдов, Степаненко, Чирков, Шуктомов.

Тридцать три богатыря

Их было тридцать три. Как в сказке. Тридцать три богатыря. Тридцать три отважных советских солдат. Западнее Сталинграда защищали бойцы важную высоту. Не смогли здесь фашисты вперед прорваться. Обошли высоту фашисты. Попали бойцы в окружение.

Не дрогнули смельчаки, 27 танков подбили в бою герои. Уничтожили 150 фашистов.

Кончились боеприпасы. Прорвались солдаты сквозь окружение. Вернулись к своим войскам. Все оказались целы, все невредимы. Лишь один рядовой Жезлов неопасно осколком ранен.

Обступили солдаты героев. Интересно узнать подробности. Вот стоит Семен Калита. Отличился в бою Калита. Первым уничтожил фашистский танк.

– А ну, Расскажи, Расскажи про героизм, – атаковали его солдаты.

Засмутился Семен Калита:

– Да я... Да что я... Вот Иван Тимофеев. Вот это да. Вот это герой.

И это верно – рядовой Иван Тимофеев уничтожил два неприятельских танка.

Повернулись солдаты к Ивану Тимофееву:

– А ну, расскажи, расскажи про геройство.

Засмутился Иван Тимофеев:

– Да я... Да что я... Вот Владимир Пасхальный – вот кто герой. Вот кто лучше других сражался.

И верно. Младший сержант Владимир Пасхальный три фашистских танка вывел из строя. Вот кто герой, конечно.

Не отпускают солдаты Пасхального:

– Ну, ну, расскажи про подвиг.

Засмутился Владимир Пасхальный:

– Да я... Да что я... Вот товарищ младший политрук Евтифеев – вот кто из героев герой настоящий.

И верно. Младший политрук Евтифеев подбил четыре фашистских танка.

Поражаются солдаты:

– Вот это да!

– Вот так стрелок!

– Провел, выходит, среди фашистов политбеседу!

Окружили солдаты политрука:

– Товарищ Евтифеев, расскажи про геройство.

Усмехнулся Евтифеев, начал рассказывать.

Рассказал о героях: о младшем сержанте Михаиле Мингалеве, о солдате Николае Власкине, о старшине Дмитрие Пуказове и о других бойцах.

– Про себя, про себя! – закричали солдаты.

Засмутился Евтифеев.

– Да я... – Глянул вокруг, увидел Семена Калиту, того, кто первым подбил неприятельский танк. – Вот пусть вам Семен Калита про себя расскажет. Он всему положил начало.

...Сталинград. Штаб Сталинградского фронта. Командующий фронтом генерал-полковник Андрей Иванович Еременко.

Доложили о подвиге 33 отважных генералу Еременко:

– Товарищ командующий, подбили двадцать семь танков. Живыми назад вернулись.

– Двадцать семь?

– Так точно, двадцать семь.

– Герои, – сказал Еременко, – герои. – Помолчал, добавил: – А то что смерть победили, что жизнь спасли, – дважды они герои. Богатыри!

33 советских богатыря – так и окрестили солдаты героев прославленной высоты. А вскоре и награды пришли к героям. Ордена и медали засверкали у них на груди.

Наш Ибаррури

У стен Сталинграда, защищая его от фашистов, смертью храбрых пал молодой боец, испанец по национальности, старший лейтенант Рубен Ибаррури.

Рубен Ибаррури был сыном пламенной испанской революционерки Долорес Ибаррури.

В 1936 году испанские фашисты подняли вооруженный мятеж против законного республиканского правительства Испании. В те дни многие добровольцы из Советского Союза уехали в далекую Испанию, чтобы с оружием в руках помогать испанскому народу бороться за свою

свободу. Теперь, когда немецкие фашисты напали на нашу Родину, испанский юноша Рубен Ибаррури взял оружие в руки и пришел на помощь своим советским братьям.

Рубен Ибаррури – командир пулеметной роты. Был он смел и решителен. Любили его солдаты, называли: «Наш Ибаррури».

Рубен Ибаррури был не только командиром, но и очень дружил с бойцами своей роты. Об Испании им рассказывал, вместе напевали стихи о Гренаде:

«Гренада, Гренада, Гренада моя!»

Это стихи о том, как молодой красный боец в годы Гражданской войны, защищая от врагов молодое Советское государство, мечтал о счастье и для испанских трудящихся.

Есть в этих стихах такие слова:

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.

Рубен Ибаррури очень любил и эти стихи, и эти слова, и припев про Гренаду:

Гренада, Гренада, Гренада моя!

Только пел Ибаррури:

Россия, Россия, Россия моя!

Рубен Ибаррури очень любил Россию, которая стала для него второй родиной, и теперь шел за нее в бой.

Рота, которой командовал старший лейтенант Рубен Ибаррури, сражалась у станции Котлубань. Сложилось так, что именно сюда был нацелен один из фашистских прорывов.

Вступили пулеметчики в бой. Ибаррури появлялся в самых опасных местах. Весь он – в лихом, в боевом порыве.

– Испанская кровь, – говорят пулеметчики.

– Комсомольская кровь, – говорят другие.

И все вместе:

– Наш Ибаррури.

Не пропустили пулеметчики врага к Котлубани.

Узнали старшие командиры об успехах пулеметной роты. Тоже вспомнили ее командира.

И тоже сказали:

– Наш Ибаррури!

Тяжелые бои развернулись у стен Сталинграда. Солдаты не знали отдыха, переходили из боя в бой. Так и пулеметная рота старшего лейтенанта Рубена Ибаррури.

И вот новый бой у хутора Власовка. Наступали фашисты. Штурмовали нашу пехоту. И вдруг пулеметный огонь. Это на помощь пехотинцам пришли пулеметчики. Застрочили, заработали пулеметы. Прислушались пехотинцы. Знали они, кто командует пулеметной ротой.

– Это пришел Ибаррури!

Пули не знают выбора. Войны не знают милости. Здесь в бою под хутором Власовка и погиб смертью храбрых Рубен Ибаррури.

Склонились бойцы над могилой своего молодого командира:

– Прощай, наш дорогой Ибаррури.

Застыли солдаты. Стоят в молчании. Честь отдают командиру.

Прошла минута. Вышел вперед один:

– Прощай, Ибаррури. Жизнь ты прожил короткую, а память оставил долгую.

Старшему лейтенанту Рубену Ибаррури за его подвиг в боях под Сталинградом было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Не ошиблись солдаты: живет вечная память у нас в народе о молодом отважном испанском бойце Ибаррури.

«Гвоздильный завод»

Бои шли на улицах Сталинграда. Недалеко от вокзала, в подвале одного из домов, солдаты обнаружили склад с гвоздями. «Гвоздильный завод» – в шутку называли солдаты дом.

Вместе с другими здесь сражалась группа солдат во главе с младшим лейтенантом Колегановым. Не все здание находилось у советских воинов. Часть – у фашистов. Глухая стена разделяла две половины.

Стреляют бойцы из окон. Ведут огонь на три стороны. Четвертая – и есть та глухая стена, которая отделяет их от фашистов. Спокойны солдаты за эту сторону. Стена кирпичная, толстая, ни окон нет, ни дверей. Хорошо за плечами такую защиту чувствовать. Среди солдат – Василий Кутейкин. И ему хорошо от того, что стена защищает сзади.

И вдруг от страшного взрыва качнулся дом. Это фашисты подорвали глухую стену. Едва улеглась пыль, показался огромный проем в стене. Только рассмотрели его бойцы, как оттуда, с фашистской стороны, полетели в советских солдат гранаты.

Вот уже первая с шумом коснулась пола. Вот сейчас последует взрыв. Упала граната рядом с Кутейкиным. Солдат побледнел, зажмурился. Ждет, а взрыва все нет. Приоткрыл он глаза. Видит: схватил младший лейтенант Колеганов гранату, размахнулся и бросил назад в проем, то есть вернул фашистам. Там и раздался взрыв.

Улыбнулся Кутейкин. Полегчало на сердце. И вдруг видит: вторая летит граната. И снова прямо к нему, к Кутейкину. Вновь побледнел солдат, снова зажмурился. Ждет он бесславной смерти. «Раз, два, три», – про себя считает. А взрыва все нет. Открыл Кутейкин глаза – взрыва нет и гранаты нет. Это рядовой Кожушко по примеру младшего лейтенанта Колеганова схватил гранату и тоже бросил назад, к фашистам. Удачлив Кутейкин. Минует солдата смерть.

Посмотрел Кутейкин на младшего лейтенанта Колеганова, на рядового Кожушко. И вдруг ушла из сердца минутная робость. Неловко бойцу за себя. Сожалеет, что это Кожушко, а не он подхватил гранату. Даже желает, чтобы прилетела еще одна. Смотрит – и вправду летит граната.

– Моя! – закричал Кутейкин.

Бросился ей навстречу:

– Не подходи – моя!

Схватил гранату и тут же ее туда – к фашистам за стену.

Секундой позже подвиг Колеганова, Кожушко и Кутейкина повторили старшина Кувшинов и рядовой Пересветов.

Подбежали солдаты затем к проему. Открыли огонь из винтовок и автоматов. Когда закончился бой и утихли выстрелы, подошли, заглянули бойцы в проем.

Там, громоздясь один на другого, валялись десятки фашистских трупов.

– Да, нагвоздили, – произнес младший лейтенант Колеганов.

Улыбнулись солдаты:

– Так ведь «гвоздильный завод».

Много в Сталинграде таких заводов. Что ни дом, то для фашистов «завод гвоздильный».

Ранен в бою солдат

Лежал он без стога, без крика, без плача. Ранен в бою солдат. Кровь сквозь рубаху сочится.

Окраина Сталинграда. Полуразрушенный дом. Третий этаж. Лежит на полу солдат.

Сражался солдат в составе родного стрелкового взвода. Обороняли вот этот дом. Вдруг прибыл приказ – занять бойцам по соседству другие позиции. Двинулись воины к новому месту. Солдат прикрывал переход. Покинули дом боевые друзья. Сделал выстрел последний солдат. Хотел устремиться за всеми следом. В эту минуту его и ранило. Вскрикнул. Сонулся. Упал солдат.

Лежит на полу солдат. Из раны кровь сочится.

Утихает за окнами бой. Передвинулась дальше стрельба – туда, куда ушли боевые товарищи.

Лежит на полу солдат, друзей боевых вспоминает.

Вот Вася Сидоркин. Родом они из одного заводского поселка. Вместе на фронте с первого дня войны. Отходили по огненным дорогам тогда солдаты. В бою под Минском был ранен боец. Вынес с поля боя, унес от смерти друга тогда Сидоркин.

Вот ефрейтор Семен Капусто. Под Вязьмой вместе они сражались. Попали бойцы в окружение. Недельку снегами брели по ночам к своим. Одним на двоих сухарем питались.

Вот Такен Токобаев. Это с Такеном они вдвоем привели «языка» под Можайском. Породнила судьба солдат. Вместе вручили героям тогда медали.

Вот Самойлов, Ильин, Головин. Вместе громили фашистов они под Москвой. Испытали радость победы вместе.

Лежит на полу солдат, друзей боевых вспоминает. До слез обидно лежать солдату. Там где-то дальше на улице бой. Там в смертной схватке с врагами сошлись товарищи. Как же помочь друзьям?

Приподнялся солдат. Но тут же от боли вскрикнул. Опять опустился на пол. Прошла минута. Вновь приподнялся. Боль пересилил. Встал. Сделал шаг, сделал два к окну. Взял винтовку. Высунул дуло в проем окна. Выбрал цель. Спустил курок. Щелкнул курок, и только – прикрывая своих, растратил воин последние патроны. Нечем сражаться солдату.

Опустился боец на пол. Покидают солдата последние силы. Все сильнее сочится кровь.

Лежит на полу солдат, друзей боевых вспоминает. Все громче и громче слышна стрельба. Нелегко там сейчас товарищам. Чем же отвлечь фашистов?

Глянул боец на раны. На рубаху. И вдруг мысль осенила солдата. Собрал он последние силы. Рванул гимнастерку. Скинул рубаху. Оторвал от рубахи солдат полотнище. Провел им по ранам. Цветет кумачом полотнище. Покрылось солдатской кровью.

Подобрался солдат к окну. К винтовке, к штыку прикрепил материю. Высунул штык в окно. Рубином зажглось полотнище. Затрепетало оно по ветру. Заиграло, забилося в небе.

Не ошибся солдат. Увидев красное знамя, вновь повернули сюда фашисты. Забили опять снаряды. Зацокали снова пули.

Не утих, продолжается бой у дома. Реет над домом красное знамя. Рубином фашистов бьет. Где-то за домом гремит «ура!». Это в атаку идут товарищи. Но не видел, не слышал того солдат. Закончил свой путь боевой солдат. До конца исполнил свой долг солдатский.

Лежал на полу солдат. А рядом знамя, как часовой, стояло.

Буль-буль!

Не стихают бои в Сталинграде. Рвутся фашисты к Волге.

Траншеи наши и гитлеровцев проходили рядом. Слышна из окопа к окопу речь. Обозлил сержанта Носкова какой-то фашист.

Сидит фашист в своем укрытии, выкрикивает:

– Рус, завтра буль-буль!

То есть хочет сказать, что завтра прорвутся фашисты к Волге, сбросят в Волгу защитников Сталинграда.

Сидит фашист, не высовывается. Лишь голос из окопа доносится:

– Рус, завтра буль-буль. – И уточняет: – Буль-буль у Вольга.

Действует это «буль-буль» на нервы сержанту Носкову.

Другие спокойны. Кое-кто из солдат даже посмеивается. А Носков:

– Эка ж, проклятый фриц! Да покажись ты. Дай хоть взглянуть на тебя.

Гитлеровец как раз и высунулся. Глянул Носков, глянули другие солдаты. Рыжеват. Лицо с оспинами. Уши торчком. Пилотка на темени чудом держится.

Высунулся фашист и снова:

– Буль-буль!

Кто-то из наших солдат схватил винтовку. Вскинул, прицелился.

– Не трожь! – строго сказал Носков.

Посмотрел на Носкова солдат удивленно. Пожал плечами. Отвел винтовку.

До самого вечера каркал ушастый немец: «Рус, завтра буль-буль. Завтра у Вольга».

К вечеру фашистский солдат умолк.

«Заснул», – поняли в наших окопах. Стали постепенно и наши солдаты дремать.

Вдруг видят: кто-то стал вылезать из окопа. Смотрят – сержант Носков. А следом за ним лучший его дружок, рядовой Турянчик. Выбрались дружки-приятели из окопа, прижались к земле, поползли к немецкой траншее.

Проснулись солдаты. Недоумевают. С чего это вдруг Носков и Турянчик к фашистам отправились в гости? Смотрят солдаты туда, на запад, глаза в темноте ломают. Беспокоиться стали солдаты.

Но вот кто-то сказал:

– Братцы, ползут назад.

Второй подтвердил:

– Так и есть, возвращаются.

Всмотрелись солдаты – верно. Ползут, прижавшись к земле, друзья. Только не двое их. Трое. Присмотрелись бойцы: третий – солдат фашистский, тот самый – «буль-буль». Только не ползет он. Волокут его Носков и Турянчик. Кляп во рту у солдата.

Притащили друзья крикуна в окоп. Передохнули и дальше в штаб.

Однако дорогой побежали к Волге. Схватили фашиста за руки, за шею, в Волгу его макнули.

– Буль-буль, буль-буль! – кричит озорно Турянчик.

Буль-буль – пускает фашист пузыри. Трясется, как лист осиновый.

– Не бойся, не бойся, – сказал Носков. – Русский не бьет лежащего.

Сдали солдаты пленного в штаб.

Махнул на прощанье фашисту Носков рукой.

– Буль-буль, – прощаясь, сказал Турянчик.

Мамаев курган

Лейтенант Чернышов – красавец. Брови дугой, как месяц. Кудри черны как смоль.

14 сентября 1942 года. С новой силой фашисты идут в атаку. Семь дивизий штурмуют город. Три тысячи орудий ведут огонь. Пятьсот фашистских танков железной ползут лавиной.

Особенно кровопролитные бои идут за Мамаев курган. Мамаев курган – самая высокая точка в городе. Видно отсюда далеко-далеко. Видно и Волгу, и степи, и левый заволжский берег.

Уже несколько раз вершина кургана переходила из рук в руки. То теснят фашисты наших бойцов, то прорвутся к вершине наши. То держат вершину наши. То вновь у фашистов она в руках. Пять раз водил солдат в атаку лейтенант Чернышов. Брови дугой, как месяц. Кудри черны как смоль.

Начинает Чернышов шестую атаку, а сам вспоминает первую.

Добежали тогда бойцы почти до вершины. Шли перебежками. Залегали. Пережидали страшный огонь противника.

Поднимались и снова бежали вперед.

– Вперед! Вперед! – до хрипоты, обезумев, очумев от боя, кричал лейтенант Чернышов.

Вновь залегли солдаты. Переждал лейтенант Чернышов и опять:

– Вперед!

Лежат солдаты, не поднимаются.

– Вперед! – кричит Чернышов. Схватил автомат, тронул дулом одного, второго. – Вперед!

Лежат солдаты.

Подкатила здесь к сердцу злость. Перекосилось лицо от крика.

Саблей сломались брови. Скулы корежат рот.

– Вперед! – кричит лейтенант Чернышов.

Лежат солдаты.

Вдруг появился рядом с лейтенантом сержант Куценко.

– Они же мертвые, товарищ лейтенант, – тихо сказал Куценко.

Вздрогнул лейтенант Чернышов, глянул кругом, на курган, на солдат. Понял: солдаты мертвые. Живы только они вдвоем – он, Чернышов, и сержант Куценко. Отошли назад с высоты к своим.

Здесь, внизу у кургана, назначили Чернышова командовать новой группой. Снова в атаку ходил Чернышов. Вновь захлебнулась в крови атака. Не достигли они вершины ни в третий, ни в четвертый, ни в пятый раз.

Ночь наступила. Вся ночь в атаках. А когда забрезжил рассвет, страшно взглянуть кругом. Склоны кургана в солдатских трупах. Словно, устав в походе, прилегли на часок солдаты. Сыграй им побудку – сейчас проснутся.

Не проснутся уже солдаты. Сном непробудным спят.

– В атаку! – снова прошла команда.

Снова к вершине ведет Чернышов солдат. «Эх, силы бы свежей, силы!» Вдруг слышит: раскатом грома гремит «ура!». «Что бы такое?» Решает – причудилось. Обернулся. К кургану подходят свежие роты. В шеренгах бойцы как литые: один к одному по мерке. Это из-за Волги, с левого берега, пришли на помощь гвардейцы из 13-й гвардейской стрелковой дивизии генерала Родимцева.

– Ура! Ура!

Влетели бойцы на вершину. Как волны в прибой, ударили.

В наших руках вершина.

Стоит на вершине лейтенант Чернышов. Рядом стоят солдаты. Тут же сержант Куценко. Смотрят на Волгу, на дальние дали, на левый заволжский берег.

– Все же наша взяла, – произнес лейтенант Чернышов и вдруг по-детски радостно рассмеялся. Скинул пилотку. Вытер пилоткой вспотевший лоб.

Поднял на Чернышова глаза Куценко. Что-то хотел сказать, да так и застыл. Смотрит: где же лейтенантские черные кудри? Как лунь, в седине голова Чернышова. Лишь брови все так же дугой, как месяц.

Волга, Волга

Волга, Волга. Стрежень, плёсы. Ширь речная. Ширь и гладь. Ты ходила, как невеста. Ленты в косах. Травы в росах. В сарафанах берега. Ты шинель теперь надела. Волга – русская река.

Еще 23 августа 1942 года фашистам удалось прорваться к Волге севернее Сталинграда. В последних числах сентября они пробились к Волге и в южной части города.

Прижали фашистские войска советских воинов к реке. С севера не подойдешь, с юга не подойдешь. Одна открытая сторона – волжский берег. По Волге и снабжались всем необходимым защитники Сталинграда. Оружие и пополнение, боеприпасы и продовольствие – все это шло в Сталинград с левого заволжского берега сюда, на правый.

И еще одно. С правого берега на левый перевозили раненых.

Трудны и опасны сталинградские переправы. Артиллерия неприятеля бьет с берега. Рыщут в небе, выжидают добычу фашистские самолеты. Сорвать переправы, оставить сталинградцев без помощи – задача врага. А переправы живы. День и ночь гудят переправы. Много прославленных здесь судов.

Катер «Четвертый» шел к сталинградскому берегу. Вез оружие, боеприпасы. В это время фашистские самолеты подорвали в городе нефтебазу. Устремилась в Волгу горящая нефть. Разбежалась она, растеклась по воде. Как факел пылает Волга. Катер «Четвертый» был схвачен огненной бурей. Видели люди с берега, как скрылся «Четвертый» в лавине дыма и пламени.

– Верная гибель!.. – вздохнули на берегу.

И вдруг – есть чудеса земные! Прорвался сквозь невозможное катер. Проскочил и огонь и смерть.

– Спасла его Волга! – крикнули люди.

– Силы ему дала!

Катер «Лейтенант Здоровцев» перевозил с правого берега раненых. Сто пятьдесят человек на палубах. Заметили фашисты катер, открыли ураганный огонь из пушек. Сразу в трех местах пробило судно снарядами. Три пробоины – верная смерть. Смотрят люди на катер с берега. Вот все ниже он, ниже опускается в воду. Вот волна подступила к палубам.

Замерли люди. Захлестнет сейчас катер. Вот он, последний миг.

Но снова свершилось чудо. Устоял «Лейтенант Здоровцев». Дошел он до левого берега. Сдал драгоценный груз.

– Волга на руки его подхватила, – вот что бойцы сказали. – Бережно к берегу донесла.

Много на Волге судов-героев. Пароходы «Емельян Пугачев», «Генерал Панфилов», «Спартаковец», «Ласточка», бронекатер № 61, катер «Ерик», баркас «Абхазец», баржа «Связист». Это не все. Это всего лишь немногие.

Не счесть оружия, боеприпасов и разных военных грузов, которые были переправлены через Волгу на правый огненный берег в дни Сталинградской битвы.

Не счесть и всех тех раненых, которых спасла Волга от верной гибели, переправив с правого – Сталинградского на левый – Заволжский берег.

– Кормилица наша, спасительница! – говорили солдаты тогда про Волгу. – Ты отныне не простая. Ты гвардейская река.

Злая фамилия

Стеснялся солдат своей фамилии. Не повезло ему при рождении. Трусов его фамилия.

Время военное. Фамилия броская.

Уже в военкомате, когда призывали солдата в армию, первый вопрос:

– Фамилия?
– Трусов.
– Как-как?
– Трусов.
– Да-а... – протянули работники военкомата.

Попал боец в роту.

– Как фамилия?
– Рядовой Трусов.
– Как-как?
– Рядовой Трусов.
– Да-а... – протянул командир.

Много бед от фамилии принял солдат. Кругом шутики да прибаутки:

– Видать, твой предок в героях не был.
– В обоз при такой фамилии!

Привезут полевую почту. Соберутся солдаты в круг. Идет раздача прибывших писем.
Называют фамилии:

– Козлов! Сизов! Смирнов!

Все нормально. Подходят солдаты, берут свои письма.

Выкрикнут:

– Трусов!

Смеются кругом солдаты.

Не вяжется с военным временем как-то фамилия. Горе солдату с этой фамилией.

В составе своей 149-й отдельной стрелковой бригады рядовой Трусов прибыл под Сталинград. Переправили бойцов через Волгу на правый берег. Вступила бригада в бой.

– Ну, Трусов, посмотрим, какой из тебя солдат, – сказал командир отделения.

Не хочется Трусову оскандалиться. Старается. Идут солдаты атаку. Вдруг слева застрочил вражеский пулемет. Развернулся Трусов. Из автомата дал очередь. Замолчал неприятельский пулемет.

– Молодец! – похвалил бойца командир отделения.

Пробежали солдаты еще несколько шагов. Снова бьет пулемет.

Теперь уже справа. Повернулся Трусов. Подобрался к пулеметчику. Бросил гранату. И этот фашист утих.

– Герой! – сказал командир отделения.

Залегли солдаты. Ведут перестрелку с фашистами. Кончился бой. Подсчитали солдаты убитых врагов. Двадцать человек оказалось у того места, откуда вел огонь рядовой Трусов.

– О-о! – вырвалось у командира отделения. – Ну, брат, злая твоя фамилия. Злая!

Улыбнулся Трусов.

За смелость и решительность в бою рядовой Трусов был награжден медалью. Висит на груди у героя медаль «За отвагу». Кто ни встретит – глаза на награду скосит.

Первый к солдату теперь вопрос:

– За что награжден, герой?

Никто не переспросит теперь фамилию. Не хихикнет теперь никто. С ехидством словцо не бросит.

Ясно отныне бойцу: не в фамилии честь солдатская – дела человека красят.

Данко

Данко – сказочный герой одного из рассказов Максима Горького. Спасая людей в темном лесу, Данко вырвал из своей груди сердце, «пыхнуло сердце ярким пламенем, осветило дорогу людям».

Сталинград – необычный город. Длинной полосой на 65 километров протянулся он с севера на юг вдоль правого берега Волги.

К исходу сентября 1942 года наиболее грозные бои развернулись в северной части города. Тут заводской район. Вот завод «Красный Октябрь», вот «Баррикады», а вот и знаменитый Сталинградский тракторный. Гордились сталинградцы своими заводами, славой своей рабочей. Сюда, в заводской район, и рвались теперь фашисты. С утра до вечера гудела здесь страшная битва. Сила ломила силу. Упорство сошлось с упорством.

От страшного дыма, огня и пыли день превращался в ночь. От бескрайних ночных пожаров ночь превращалась в день.

Ничем особо не приметен комсомолец матрос Михаил Паникаха. Роста среднего. Силы средней. Матрос как матрос. Бескозырка. Тельняшка. Правда, матросские клеши убраны в сапоги.

Михаил Паникаха морской пехотинец. Вместе со своим батальоном он сражался здесь, в заводском районе.

Бросили фашисты против морских пехотинцев танки. Завязался неравный бой.

У танков броня, пушки и пулеметы. У матросов одни гранаты. И те на исходе. Михаил Паникаха сидел в окопе. Как и все, отбивался от пулеметов, брони и пушек. Но вот наступил момент – нет у Паникахи больше гранат. Осталось лишь две бутылки с горючей смесью. А танки идут и идут. И бою конца не видно.

Один из танков движется прямо на Паникаху. Не уйти от судьбы солдату. В схватке сошлись человек и сталь.

Прижался матрос к окопу. Подпускает поближе танк. Держит в руках бутылку с горючим. Приготовился. Лишь бы не промахнуться. Лишь бы попасть. Вот и рядом фашистский танк. Приподнялся матрос в окопе. Занес бутылку над головой, только хотел швырнуть в стальную громаду, как вдруг ударила пуля в стекло. Разлетелась на осколки бутылка. Воспламенилась жидкость, хлынула на Паникаху. Мгновение – и факелом вспыхнул матрос.

Замерли люди. Замерло небо. Остановилось на небе солнце...

Остальное случилось в одну секунду.

– Нет, не пройти фашистам! – прокричал матрос.

Схватил Паникаха вторую бутылку с горючей смесью. Живым пламенем выскочил из окопа. Подбежал к фашистскому танку. Занес бутылку. Ударил по решетке моторного люка. Взревел, поперхнулся фашистский танк. К небу брызнул огонь фонтаном.

...Давно отгремели бои. Разошлись по домам солдаты. Много стёрла память. Но бессмертны дела бесстрашных. Живет, не старея, память о подвиге Паникахи.

Сталинградский Данко – назвали его товарищи. Таким он вошел в историю.

Комсомольцы

Как-то в минуту отдыха в окопах на сталинградских высоких кручах собрались бойцы-комсомольцы.

Слово за словом порассуждали о том о сем. О боях, о погоде, о письмах из дома, о старшине, о командире взвода. О «катюшах», начпрое, о новых советских танках, о статьях в

дивизионной своей газете. Потом помолчали, посидели, покурили и вдруг заговорили о том, есть ли уважительная причина, чтобы комсомольцу оставить вдруг поле боя.

– Нет, – большинство сказал. – Нет для комсомольца таких причин.

И все же один нашелся.

– Нет, есть, – заявил один.

Повернулись к нему другие.

– А вдруг как ранен? – сказал боец.

– Комсомолец и здесь не покинет боя! – сказали ему другие.

– А вдруг как в желудке резь?

– Перетерпит, – бойцы сказали.

– А вдруг как вызвали срочно в штаб? – не сдается солдат упрямый.

– Так кто же вызовет с места боя?

– А вдруг!.. А вдруг... – наседает опять солдат.

– Пошли к комсorghу, да что тут спорить, – кто-то тогда сказал.

– Верно, пошли к комсorghу.

Пошли комсомольцы к комсorghу. К комсомольскому организатору. О споре своем рассказали.

Выслушал их комсорг.

– Уважительная причина? – переспросил.

– Уважительная.

– Есть! – заявил комсорг.

– Уважительная?!

– Уважительная.

Торжествует упрямый спорщик:

– Так что же я вам говорил?!

– Есть такая причина, – сказал комсорг. Посмотрел на молодых бойцов: – Есть. Эта причина – смерть.

В тот же день в окопах на волжских высоких кручах состоялось комсомольское собрание. Было оно недлинным.

Вот протокол собрания.

Слушали: О поведении комсомольцев в бою.

Постановили: В окопе лучше умереть, но не уйти с позором.

Вопрос к докладчику: Существуют ли уважительные причины ухода с огневой позиции?

Ответ: Из всех оправдательных причин только одна будет приниматься во внимание – смерть.

Закрылось собрание. Не до длинных было тогда собраний. Бой ожидал молодых бойцов.

Добрый знакомый

Запомнился танк рабочим. Добрым знакомым стал.

Бои идут рядом с тракторным заводом. Стараются фашисты захватить Сталинградский тракторный. Бьют по заводу из пушек. Бомбят его с воздуха. Однако стоит, держится тракторный. И не только держится, но и работает. Там, где цеха разрушены, работа идет под открытым небом. Стоят у станков слесари, токари, механики. А рядом стоят винтовки. Если возникнет нужда, к бою готовы рабочие.

Гудит, шумит, не умолкает Сталинградский тракторный. Кипит работа и днем и ночью. Только, конечно, не тракторы выпускает сейчас завод. Стал он заводом танковым. Привозят сюда подбитые, искалеченные, обгоревшие танки. Возвращают им жизнь рабочие.

Прибуксировали как-то на завод и танк под номером 214. Восстановили его рабочие. Отремонтировали. Ушел он снова на поле боя.

Прошло несколько дней. Снова подбитые танки прибыли на завод. Глянули рабочие – среди них тот самый, 214-й.

– А-а, старый знакомый. Здравствуй! – приветствуют танк танковые мастера.

Восстановили рабочие танк. Загудел опять его мотор. Ушел за заводские ворота, отважно ринулся снова в бой.

Все жарче, жарче кругом сражения. Справа и слева, среди рвов и оврагов, среди ближних холмов и курганов и дальше за ними, куда лишь хватает глаз, грохочет пламя огромной битвы.

Снова проходит несколько дней. И снова рабочие на заводском дворе видят танк 214-й. На башне трещина. Накренился на правую сторону: перебита у танка гусеница. Узнали знакомого рабочие.

– Что же ты, старина?

– Да так уж случилось, – ответил танк.

Подлечили рабочие танк. Швы на броню положили. Надели новую гусеницу.

Кивнул благодарно, прощаясь, танк. И снова туда, где вскипает битва. Бьется отважно танк. Бросается в самую гущу схваток. Смело идет на фашистские пушки. Давит, утюжит фашистских солдат. Прикрывает своих броней, словно рыцарь щитом и латами.

Снова проходит день. Все сильнее, сильнее битва. В ранах опять и шрамах пересекает заводские ворота танк. Пригнулся он весь, ссутулился. Башню склонил, как голову. Казалось, перед рабочими извиняется.

– Не грусти, старина, – говорят мастера. – Всякое в жизни бывает.

– Как же таким я в бой?

– Подлечим, браток, подлечим.

Вновь воскресили рабочие руки танк. Полная сил и задора, уходит машина в бой. Смотрят рабочие танку вслед.

– Нашивки б ему за ранения. Орден ему за подвиги.

И танк о рабочих думает: «Памятник им в века за их золотые руки».

Знаменитый дом

Удивителен этот дом. Стоял он в городе, в самом центре. Бомбили его фашисты. Стоял, не сдавался дом. Прямой наводкой из пушек в него стреляли. Стоял, не сдавался дом. Минометным огнем, словно дождем, поливали фашисты дом. Стоял он, как дуб на ветру, не сдавался. Не пал на колени дом.

Защищали его солдаты огромной нашей страны. Здесь русский рядом стоял с казахом. Вместе бились украинец, грузин, узбек. Абхазец, таджик, татарин воду из общей фляжки пили.

Соберутся, бывало, солдаты в недолгий момент затишья. Присядут в солдатский круг.

О просторах родной России, о далекой любимой лесной стороне вспоминает боец Александров. О шири казахских родных степей вспоминает казах Мурзаев. О милой Казани, о Казанке-реке речь заводит татарин Рамазанов. Высоки на Памире горы. Бездонны в горах ущелья. О милых сердцу, родных горах песнь запекает таджик Турдыев. Могуч, и широк, и приутолен Днепр. Об Украине родной, об ее колосистых полях и нивах украинца Глущенко думы. О ласковом солнце, о ласковом ветре, о ласковом небе, о ласковом море вспоминает грузин Мосиашвили. Родные арыки и белого хлопка поля представляет узбек Тургунов.

Вот такая твоя страна. Вот такая она огромная!

Русский, татарин, грузин, узбек за общую Родину бьются.

Здесь на Волге решается все: судьба Украины, судьба Кавказа, участь родной земли. Знают об этом солдаты. В общем строю солдаты.

Обжились солдаты в доме. Даже баню в подвале себе устроили.

– Сандуны! Сандуны! – смеются солдаты. (Сандуны – это московская лучшая баня.)

– Гочило! Гочило! (Это тбилисская лучшая баня.)

Хорошо помыться солдатам в бане. На десять сражений вперед зарядка. Кричат фашистам:

– А ну к нам в баню!

Молчат фашисты. Боятся бани.

Второй месяц атакуют фашисты дом. Изводят батальоны свои и роты. Стоит, не дрогнет упрямый дом. Кинжальным клином в оборону фашистов врезался.

По траншеям, по скрытым ходам сообщений нет-нет да и приходят к солдатам гости. То разведчики, пробираясь в тылы к фашистам, задержатся тут на минутку. То минеры пройдут, то отряд минометчиков.

– Как тут у вас, гарнизон, дела?

– Служба идет, и солдат не дремлет, – отвечают бойцы с достоинством.

Стоит на виду у фашистов дом. Как мозоль на ступне, как бельмо на глазу. Не дает он врагам покоя.

Начинают фашисты атаку.

– Не возьмешь! – отвечают бойцы фашистам.

– За нашу Родину! – открывают огонь по врагам.

И летят во врагов гранаты.

– За то, чтобы цвести державе!

– За свободу!

– За радость встреч!

– За Родину нашу – страну Россию!

Бьются в общем строю солдаты. Стоит нерушимо дом. За атакой идет атака. Отбивают бойцы атаки.

Оборону знаменитого сталинградского дома возглавляли лейтенант Иван Афанасьев и сержант Яков Павлов. По имени Героя Советского Союза сержанта Якова Федотовича Павлова часто этот дом называют Домом Павлова. Однако у дома есть и второе имя. Домом солдатской дружбы окрестили его солдаты.

Идет с фашистами бой-сражение.

– Огонька им, ребята. Побольше! Побольше! – командует сержант Яков Павлов. – Чтобы знали, чтобы не забывали, чья эта улица, чей это дом.

Сталинградская оборона

Защищают советские войска Сталинград. Отбивают атаки фашистов.

Армией, оборонявшей центральную и заводскую часть города, командовал генерал-лейтенант Василий Иванович Чуйков.

Чуйков – боевой, решительный генерал.

Наступая в заводском районе, фашисты прорвались к командному пункту штаба армии. До противника 300 метров. Вот-вот и ворвутся сюда фашисты.

Забеспокоились штабные офицеры и адъютанты.

– Товарищ командующий, противник рядом, – доложили Чуйкову.

– Вот и прекрасно, – сказал Чуйков. – Он как раз нам и нужен.

Узнали солдаты боевой ответ генерала. Бросились на фашистов, уничтожили неприятеля.

Рядом с командным пунктом Чуйкова находился нефтяной склад. На территории склада – открытый бассейн с мазутом. Разбомбили фашистские самолеты бассейн, подожгли мазут.

Устремился огненный поток в сторону командного пункта. День не стихает пожарище. Два не стихает пожарище. Неделью над пунктом и пекло, и чад, и ад.

Вновь беспокоятся адъютанты:

– Опасно, товарищ командующий, – рядом огонь!

– Вот и отлично, – сказал Чуйков. Глянул на дым, на огонь. – Прекрасная, товарищи, маскировка.

Бои идут совсем рядом со штабом Чуйкова. Так близко, что даже, когда приносят сюда еду, в котелках и тарелках то и дело бывают осколки мин и снарядов.

Прибежал к Чуйкову штабной повар Глинка:

– Товарищ генерал, да где это видано – осколки в тарелках, мины в каше, снаряды в супе!

Усмехнулся командарм:

– Так это же прекрасно, Глинка! Это же боевая приправа. Фронтowej витамин на злость.

– Витамин!.. – пробурчал Глинка.

Однако ответ понравился. Рассказал он другим солдатам. Довольны солдаты – боевой у них генерал.

Командует Чуйков армией, защищающей, обороняющей Сталинград. Однако считает, что лучшая оборона – это атака. Атакует все время Чуйков противника. Не дает фашистам покоя.

Прибыла в распоряжение Чуйкова новая дивизия. Явился командир дивизии к командующему, ждет указаний. Соображает, где, в каком месте прикажут занять ему оборону. Вспоминает устав и наставления – как по науке лучше стоять в защите.

Склонился Чуйков над картой. Рассматривает, приговаривает:

– Так, так, где же вам лучше занять оборону? И тут дыра. И тут нужны. И эти спасибо скажут! – Взял наконец карандаш, поставил кружок, от кружка провел стрелку. – Вот здесь, – сказал, – завтра вместе с соседом справа начнете атаку. Цель – уничтожить скопление врага и выйти вот к этой отметке.

Глянул командир дивизии на генерала:

– Так это, выходит, целое наступление, товарищ командующий, а не оборона.

– Нет, оборона, – сказал Чуйков. – Сталинградская оборона.

Чуйков – атакующий, наступательный генерал. Во многих сражениях Великой Отечественной войны участвовал генерал. В 1945 году возглавляемые им войска одними из первых вошли в Берлин.

Василий Иванович Чуйков стал Маршалом Советского Союза.

Геннадий Сталинградович

В сражающемся Сталинграде в самый разгар боев, среди дыма, металла, огня и развалин, солдаты подобрали мальчика. Мальчик крохотный, мальчик-бусинка.

– Как тебя звать?

– Гена.

– Сколько ж тебе годов?

– Пять, – важно ответил мальчик.

Пригрели, накормили, приютили солдаты мальчишку. Забрали «бусинку» в штаб. Попал он на командный пункт генерала Чуйкова.

Смышленным был мальчик. Прошел всего день, а он уже почти всех командиров запомнил. Мало того, что в лицо не путал, фамилии каждого знал и даже, представьте, мог назвать всех по имени-отчеству.

Знает кроха, что командующий армией генерал-лейтенант Чуйков – Василий Иванович. Начальник штаба армии генерал-майор Крылов – Николай Иванович. Член Военного совета

армии дивизионный комиссар Гуров – Кузьма Акимович. Командующий артиллерией генерал Пожарский – Николай Митрофанович. Начальник бронетанковых войск армии Вайнруб – Матвей Григорьевич.

Поразительный был мальчишка. Смелый. Сразу пронюхал, где склад, где кухня, как штабного повара Глинку по имени-отчеству зовут, как величать адъютантов, связных, посыльных.

Ходит важно, со всеми здоровается:

- Здравствуйте, Павел Васильевич!..
- Здравствуйте, Аткар Ибрагимович!..
- Здравия желаю, Семен Никодимович!..
- Привет вам, Каюм Калимулинович!..

И генералы, и офицеры, и рядовые – все полюбили мальчишку. Тоже стали кроху по имени-отчеству звать. Кто-то первым сказал:

– Сталинградович!

Так и пошло. Встретят мальчонку-бусинку:

– Здравия желаем, Геннадий Сталинградович!

Доволен мальчишка. Надует губы:

– Благодарю!

Кругом полыхает война. Не место в аду мальчишке.

– На левый берег его! На левый!

Стали прощаться с мальчишкой солдаты:

- Доброй дороги тебе, Сталинградович!
- Сил набирайся!
- Мужай!
- Расти!
- Честь с юных лет береги, Сталинградович!

Уезжал он с попутным катером. Стоит у борта мальчишка. Машет ручонкой воинам.

Проводили солдаты «бусинку» и снова к ратным своим делам. Словно бы не было мальчика, словно бы сон привиделся.

Майор Устинов

Не утихают бои в Сталинграде. Сентябрь проходит, а город сражается. Октябрь на улице, а город сражается.

Летят из Берлина грозные предписания:

«Взять Сталинград! Взять Сталинград! Сутки – и чтобы взять!»

14 октября 1942 года фашисты начали новое наступление. Снова сила крушила силу. Упорство сошлось с упорством. И снова от страшного дыма, огня и пыли день превращался в ночь. Стонала земля от боли. От ожогов кричало небо.

Неравны по-прежнему силы.

Пал Сталинградский тракторный. Фашисты прорвались к заводу «Красный Октябрь». Бои развернулись на территории завода «Баррикады».

Десять дней не утихает ужасный бой. Идет он в цехах, корпусах, отделах – за каждую пядь заводской земли. Москитной тучей висят над заводскими трубами фашистские самолеты. Пушки бьют очумело прямой наводкой.

Вместе с другими завод «Баррикады» защищал и 895-й стрелковый полк. Здесь же, на территории завода, находился и командный пункт командира полка майора Устинова.

Прорвались фашисты к командному пункту. Все ближе и ближе бой. Вот совсем рядом раздаются голоса и крики фашистских солдат. Все меньше и меньше кругом защитников. И вот наступил последний момент – майор Устинов один остался.

Заполнили фашисты заводской двор. Все больше их, больше и больше. Левее командного пункта, правее, перед ним, а вот уже и за ним. Черно кругом от фашистских мундиров.

«Эх бы рвануть „катюшами“, – подумал майор Устинов. Подумал и тут же бросился к рации. Торопится наладить связь с артиллеристами. Наладил.

– Дорогие, – кричит Устинов, – умоляю: залп реактивными! По скоплению неприятеля. Верная цель.

И тут же сообщает координаты, то есть то место, куда стрелять. А место это как раз и есть то самое, где находится командный пункт полка и на котором майор Устинов сейчас стоит.

– Стреляйте! – кричит Устинов. – Стреляйте!

Заметили фашисты советского майора. Бросились к нему:

– Рус, сдавайся! Рус, капут!

– Стреляйте!

Рванули «катюши». Огнем осветили небо. Словно плуги по пашне, по рядам фашистов прошли снаряды. Молодцы, точны артиллеристы. Без отклонения в цель попали. Взрыли «катюши» землю, кирпич и камни. Уничтожили все живое.

А как же майор Устинов?

Цел, невредим. Стоит улыбается. Словно бы он заколдованный. Словно бы он замороженный.

Недаром безумству храбрых гимны народ слагает. Недаром в песне одной поется: «Смелого пуля боится, смелого штык не берет».

Редут Таракуля

Таракуль – это фамилия. Сержант Юрко Таракуль по национальности молдаванин. «Редут» – старинное слово, означает оно – укрепление.

Пулеметчики Юрко Таракуль и Михаил Начинкин занимали оборону в одном из старинных купеческих особняков.

Особняк стоял на уличном перекрестке. Позиция для обороны была удобной. Как на передовой пост, сюда и пришли пулеметчики.

Начинкин в прошлом рабочий-металлист, токарь по профессии. Таракуль жил в селе, выращивал виноград.

Смеется Юрко Таракуль. Называет Начинкина и себя: «Рабоче-крестьянское подразделение».

Заняли бойцы позиции на первом этаже. Каждый выбрал себе по комнате. Разобрали печь, заложили кирпичами окна, лишь небольшие просветы – амбразуры – для пулеметных стволов оставили.

Дождались пулеметчики, когда появились на перекрестке улиц фашисты, открыли огонь по врагам.

Ответили фашисты огнем на огонь. Пошли в атаку на дом автоматчики. Да только крепкими были стены у купеческого особняка, меткими были бойцы-пулеметчики. Не получается ничего у фашистов.

Сидят Таракуль и Начинкин в своих персональных комнатах. Проверяют: здоровы ли, целы. Подают голоса друг другу, словно в лесу аукаются.

– Ау-у! – кричит Таракуль.

– Ау-у! – отвечает Начинкин.

Не осилили дом фашистские автоматчики.

Прибыл их минометный расчет к перекрестку. Взвились со свистом мины. Градом железным бойцов осыпали.

Живы бойцы, невредимы.

– Ау-у!

– Ау-у! – несется из комнаты в комнату.

Подкатили к перекрестку враги орудия. Сразу три пушки. Открыли из пушек огонь по дому. Пробили снаряды стены, посыпалась штукатурка.

– Ау-у! – кричит Таракуль. – Ау-у!

Не ответил ему Начинкин.

Бросился Таракуль в соседнюю комнату. Видит – ранен Начинкин. Лежит, истекает кровью. Перевязал Таракуль Начинкину рану. Смотрит, куда бы укрыть солдата. Соображает – в подвал. Спустился в подвал с Начинкиным. Потом вернулся. Перенес пулеметы.

Оборудовал Таракуль в подвале две бойницы. Установил пулеметы. И снова по фашистам ведет огонь. То из одного пулемета боец стреляет, то быстрее бежит к другому, открывает огонь из этого.

– От меня... от Начинкина!.. От меня... от Начинкина! – выкрикивает Таракуль.

Не могут фашисты никак за перекресток продвинуться. Пришлось вызывать самолеты.

Прилетели самолеты. Спикировали на дом, сбросили бомбы. Не устояли стены. Рухнули. Завалили подвал обломками.

Подвал завалили, а бойницы остались целы. Сохранились и оба пулемета.

Думали фашисты – все покончено с домом. Двинулись на перекресток. Только вышли – огонь из развалин. Перебегает Таракуль от пулемета к пулемету:

– От меня... от Начинкина!.. От меня... от Начинкина!

Три дня сражался отважный воин. На третьи сутки в одной из атак к развалинам купеческого особняка прорвались наши солдаты. Слышат Таракуль и Начинкин наши, русские голоса. Закричали и сами.

Подбежали солдаты к подвалу.

– Братцы, тут наши, никак, сидят!

Но как же войти в подвал? Все забито, зарыто, засыпано. Только бойницы одни торчат.

Явились саперы. С трудом отрыли они пулеметчиков. Даже взрыватели применили.

Вышел из подвала Таракуль. Вынесли на носилках Начинкина.

Посмотрел саперный начальник на остатки купеческого особняка, на стены-скалы, на камни-глыбы, сказал:

– Редут!

– Редут! – поддержали его другие.

– Редут Таракуля, – сказал Начинкин.

Госпиталь

Солдат Шараф Кулиев был ранен в бою за тракторный завод. Переправили его на левый берег Волги. А оттуда эвакуировали в тыловой госпиталь под Уфу. Оформляют солдата в госпиталь. Задают вопросы. В том числе и такой:

– Откуда прибыл?

– Из Сталинграда, из госпиталя пятьсот два, – отвечает солдат.

– Откуда-откуда?

– Из госпиталя пятьсот два, – повторяет солдат.

Удивляются врачи. Нет под Сталинградом такого госпиталя.

– Нет такого госпиталя, – говорят солдату.

– Нет, есть, – отвечает Шараф Кулиев.

– Ошибаетесь, товарищ боец. Нет такого госпиталя, – повторяют врачи.

– Нет, есть, – стоит на своем солдат.

Решили не спорить медики с раненым. Ясно врачам, что солдат ошибся.
Прошел день. Вновь поступила под Уфу группа раненых бойцов из-под Сталинграда.

– Откуда прибыли? – задают и этим врачи вопрос.

– Из госпиталя пятьсот два, – отвечают солдаты.

– Откуда-откуда?

– Из госпиталя пятьсот два, – повторяют солдаты.

– Нет такого госпиталя, – говорят врачи.

– Нет, есть, – утверждают солдаты.

Смутились медики. Решили перепроверить. Навели справки. Перепроверили. Нет под Сталинградом такого госпиталя.

– Нет, есть, – стоят на своем солдаты.

Прошло еще несколько дней. Новая группа сталинградских солдат прибыла под Уфу.

– Откуда прибыли? – задают обычный вопрос врачи.

– Из госпиталя пятьсот два, – отвечают солдаты. – Из-под Сталинграда.

– Что?

Смотрят врачи на бойцов. Сговорились, шутят, что ли, над ними солдаты?

– Нет же такого госпиталя, – объясняют врачи.

– Нет, есть, – улыбаются солдаты. – Мы же оттуда.

Приподнялся один на носилках – весь в бинтах, пожилой, с усами:

– Есть, родимые, есть. Имеется.

Поражаются медики. Решили еще раз перепроверить. Послали запрос под Сталинград. Вскоре пришел ответ.

«И нет такого госпиталя, – значит в ответе, – и есть».

Вовсе сбиты с толку теперь врачи. Как же понять ответ?!

А дело вот в чем. На левом берегу Волги, как раз напротив тракторного завода, стоял домик бакенщика. Жили в нем бакенщик Семен Михайлович Пряхин и его жена Евгения Федоровна. Все погибло от артиллерийского огня на берегу. А домик уцелел. Не брали его снаряды. Вот и повелось, что здесь, в этом домике, и делали первую остановку раненые бойцы, когда их перевозили со сталинградского берега, от тракторного завода. Здесь они дожидались машин. Случалось, на день, на два оставались тут раненые. Ухаживали за ними Семен Михайлович и Евгения Федоровна. Сил не жалели. Кормили, поили, перебинтовывали.

Домик бакенщика имел свой номер. Числился он как пост номер 502. Запомнили солдаты этот номер. Окрестили бойцы домик бакенщика госпиталем. Вот и появился новый госпиталь.

Многим помог самозванный госпиталь. Спасибо, Семен Михайлович, спасибо, Евгения Федоровна. За доброе дело – поклон вам низкий.

Берлинская знаменитость

Много прославленных снайперов было на Сталинградском фронте: Виктор Медведев, Гильфан Авзалов, Анатолий Чехов... Самый известный – Василий Зайцев. Почти 300 убитых фашистов на счету у знаменитого снайпера.

Решили фашисты уничтожить меткого стрелка. Назначили большую награду тому, кто убьет советского снайпера.

Только осмотрителен, опытен Зайцев. Никак не удастся определить фашистам, откуда, с какого места солдат стреляет. Меняет боец позиции. Сегодня сидит в окопе. Завтра за каменной кладкой подвала укроется. Из окон разбитого дома стреляет он на третий день. Забравшись под брюхо сгоревшего танка, бьет по врагу на четвертый.

Не помогает обещанная награда. Нет среди фашистов под Сталинградом стрелка, который был бы равен Василию Зайцеву.

Увеличили фашисты награду. Рыщут повсюду охотники. Только нет никому удачи. Нет среди немцев под Сталинградом стрелка, который смог бы осилить Зайцева.

Досадно фашистам. Вспомнили гитлеровские командиры, что в Берлине есть знаменитый немецкий стрелок майор Конингс – руководитель школы фашистских снайперов. Вызвали срочно Конингса в Сталинград. На специальном самолете прибыл берлинский снайпер.

Узнал Конингс фамилию русского умельца.

– Зайцев? Хо-хо! – рассмеялся.

Сыскался среди немецких солдат находчивый:

– Господин майор, есть среди них и Медведев!

А Виктор Медведев и вправду после Василия Зайцева был самым метким стрелком на фронте.

Понял шутку берлинский гость:

– О-о!

Конингс рослый, плечистый. На шее – Железный крест.

Смотрят немецкие солдаты на Конингса – вот кто покончит с Зайцевым. А заодно и с Медведевым, Авзаловым, Чеховым...

И вот сошлись майор Конингс и Василий Зайцев в снайперской схватке.

Осторожен, сама осторожность Конингс. Зайцев еще осторожнее.

Глазаст Конингс. Зайцев еще глазастее.

Терпелив Конингс. Зайцев еще терпеливее.

Четыре дня сидели стрелки друг перед другом. Ждали, кто первым выдаст себя, кто первым допустит промах.

Идет Конингс на разные хитрости. Все пытается сделать так, чтобы советский снайпер хоть бы на секунду из-за укрытия высунулся. И Зайцев о том же думает: как бы заставить майора Конингса на секунду оставить свое укрытие.

Хитер Конингс. Зайцев еще хитрее. Подозвал он к себе солдата Николая Куликова, наставляет: сиди, мол, со мной рядом. Возьми палку, надень каску на палку, чуть высунь ее из окопа. Если грянет выстрел, вскинь руки, вскрикни и падай.

– Ясно?

– Ясно! – солдат ответил.

Высунул Куликов из окопа каску, и сразу по каске – пуля. Вскинул, как договорились, Куликов руки, вскрикнул и повалился на дно окопа. Рад Конингс своей удаче. Уверен, что поразил Зайцева. Любопытно ему посмотреть: высунул голову из-за укрытия, глянул. Глянул, и тут же пуля Василия Зайцева сразила майора Конингса.

Лежит неподвижно на сталинградской земле берлинская знаменитость. На шее Железный крест надгробным крестом торчит.

Вода из Волги

Обер-лейтенант Карл Иоганн Мария Нушке дал клятву напиться воды из Волги.

Поклялся отцу и деду. Поклялся невесте. Отцу невесты. Соседу. Соседке. Сослуживцам по части. Командиру части. В ресторане швейцару. Почтальону. Лифтеру. Поклялся родному дому.

Прибыл Нушке на фронт недавно. Туго фашистам под Сталинградом. Гонят сюда пополнение за пополнением. Из ближних, из дальних мест. Карл Иоганн Мария Нушке приехал из немецкого города Бремена. Попал Карл Иоганн Мария Нушке в заводской район Сталинграда. По-прежнему рвутся тут к Волге фашисты. Рвется со всеми вперед и Нушке. Он клятву недавно дал. Волга рядом – рукой подать. Триста каких-то метров.

Собрали фашисты свежие силы. Прорвались к Волге и здесь, в заводском районе, захватили крохотный пятачок.

Вот она, Волга – царица рек. Вышел к берегу Нушке. Остановился. Глянул налево. Глянул направо. На волжскую воду с гордостью посмотрел.

Вспомнил отца и деда. Невесту. Отца невесты. Соседа. Соседку. Сослуживцев по части. Командира части. Швейцара. Почтальона. Лифтера. Портного. Вспомнил крылечко родного дома.

Наклонился Нушке к Волге, к воде. Подхватил ладонью студёные капли. Сделал глоток, второй.

Нушке стоит не один. Вот рядом Генрих Штольц, вот Отто Шульц, вот Вилли Шольц. Все трое из того же города Бремена. Есть у Нушке свидетели – как и обещал, напился Карл Иоганн Мария Нушке воды из Волги.

Улыбнулся Нушке. Улыбнулись свидетели.

И вдруг просвистело над Волгой что-то. И в ту же секунду – бух!

Отбежали свидетели. Глянули на то место, где стоял Нушке. Был. Стоял. И нет Нушке. Воронка на этом месте.

Нет Нушке, зато сохранились свидетели. Напишут в Бремен они письмо.

Узнает отец и дед, невеста, отец невесты, сосед, соседка, сослуживцы по части, командир части, швейцар, почтальон, лифтер, узнает родимый дом, что выполнил клятву Нушке – напился воды из Волги.

Только решили свидетели, как вдруг вновь просвистело над Волгой что-то. И в ту же секунду – бух!

Стояли свидетели. Были. И нет. Воронка на этом месте.

Ждут в Бремене вестей от Нушке. Ждут вестей от Шольца, от Шульца, от Штольца. Ждут вестей и в других городах, от тысяч других немецких солдат.

Что-то молчат солдаты...

Остров Людникова

Прорвались фашисты к Волге в районе завода «Баррикады», отрезали от других 138-ю стрелковую дивизию. Командовал дивизией полковник Людников. Занимала дивизия очень небольшую территорию у волжского берега. С севера, с запада, с юга – фашисты, с четвертой, с восточной, стороны – Волга. Островом Людникова называли солдаты эту часть сталинградской земли.

Всюду было трудно защитникам Сталинграда. А здесь, на острове Людникова, и того труднее. Стояла середина ноября. Ни зима, ни осень. Волга еще не замерзла, но уже шел по ней лед – шуга. И на лодках в такое время года не переправишься, и по льду не перейдешь. Трудно было сюда доставлять продовольствие и боеприпасы. Бойцы получали по 25 граммов сухарей и по 5 граммов сахара в день. Но держались.

Здесь же, на острове Людникова, оказалось много раненых. Собралось их около 400 человек. И их переправить нельзя на левый берег. Укрыли раненых в землянках, которые были вырыты в отвесных волжских кручах. Назвали землянки госпиталем.

И вот как-то к полковнику Людникову прибегают врачи:

– Товарищ полковник, бунтуют раненые.

– Как – бунтуют?!

– Не слушаются, не подчиняются, – уточняют медики.

– Чему не подчиняются?

– Лечебному режиму, – сказали врачи.

Оказывается, не хотят раненные оставаться в госпитале. Знают они, что их товарищи по дивизии там наверху, на кручах, ведут тяжелые бои с фашистами, просят, чтобы и им разрешили принять участие в этих боях.

– Не подчиняются, – повторяют врачи. – Не выполняют раненные наших распоряжений, товарищ полковник.

Собрался Людников, пошел вместе с врачами к раненым.

Вошел в одну из землянок. Узнали солдаты полковника Людникова:

– Товарищ полковник, несправедливо.

– Что несправедливо?

– А то, что мы здесь лежим, – отвечают солдаты, – а там наверху каждый из наших товарищей один против пяти фашистов сражается.

– Так ведь вы раненные. Так ведь здесь госпиталь. Так ведь медицинский порядок такой, – пытается объяснить солдатам полковник Людников.

Объясняет, но видит, что солдаты не воспринимают его слова. Понимает Людников: не переубедить ему бойцов. Отошел, посоветовался с врачами. Разрешили врачи, чтобы легкораненные вернулись в строй.

– Только легкораненные, – повторили они.

– Только легкораненные, – повторил и полковник Людников.

Вот тут-то началось самое главное. Каждый стал утверждать, что он легкораненный.

Стали легкораненные подходить к выходу из землянки. Смотрит Людников – пожилой солдат вместе с другими двинулся. Плечо у солдата туго перебинтовано. Кровь сквозь бинты проступила. Ясно: ранение тяжелое.

– Куда же вы, папаша? – обращается к нему Людников.

– В строй, товарищ полковник, – отвечает солдат.

– Да как же вы с таким-то плечом – и в строй?!

– А мне тяжести не грузить. Я минометчик, – отвечает солдат.

Видит Людников – за этим пожилым молодой тянется. Костыль под мышкой, нога волочится.

– А куда же вы, товарищ боец, с костылем? – говорит ему Людников.

– Так я пулеметчик, – отвечает боец. – Для меня нога не самое главное.

Вернул полковник бойцов назад, и молодого и старого. Многих задержал Людников.

Утром те, кто был отпущен из госпиталя, составили пополнение и вместе с другими бойцами вступили в бой с фашистами. И вот зоркий глаз Людникова заметил, что число бойцов, пришедших из госпиталя, оказалось намного большим, ведь вчера разрешили вернуться в строй немногим.

Заметил командир дивизии и тех двух – пожилого с тяжелым ранением в плечо и молодого бойца-пулеметчика.

Подожел Людников к солдатам. Готов разозлиться, повысил голос:

– А вы почему здесь, товарищи бойцы?!

Ухватился пожилой за последнее слово – «бойцы».

– Оттого и здесь, что бойцы, – ответил.

Поставил в тупик он Людникова. Заговорил Людников о тяжелых ранениях у солдат, о том, что просто трудно с такими ранениями быть в бою.

– А ему что – легко? – опять не сдается пожилой. – А он что – не раненый? Да он нас посильнее ранен. Однако стоит и держится.

– Кто – он? – не понял Людников.

– Сталинград, – сказали бойцы, молодой и старый.

Сорок пять дней, до самой нашей сталинградской победы, удерживали советские воины остров Людникова. Так и не отдали его фашистам.

Титаев

Ноябрь. Завьюжило. Выпал снег.

Незавидная жизнь у связистов. Снег, непогода, грязь, бомбят самолеты с неба, снаряды вздымают землю, пули разносят смерть – будь к походу готов, связист. Повредило проводку бомбой, оборвало снарядом провод, фашистский разведчик разрушил связь – собирайся, солдат, в дорогу.

В ноябре вновь завязались бои за Мамаев курган. В самый разгар сражения прервалась телефонная связь с командным пунктом дивизии. С командного пункта как раз артиллеристам давали команды к стрельбе по целям. Оборвались теперь команды. Прекратился огонь артиллерии.

На исправление повреждения вышел связист Титаев.

Ползет Титаев вдоль провода, ищет, где произошел обрыв. Висят над Титаевым низкие облака. Метет поземка. Слева неприятельские окопы. Бьют минометы. Строчат автоматы. Грохочет бой.

Ползет Титаев, впился глазами в провод, ищет конец обрыва. Свистят над солдатом пули. Сбивает с пути поземка.

– Эн, не собьешь!.. – крикнул солдат метели. – Эн, не возьмешь!.. – крикнул Титаев пулям.

Ползет солдат. А там, на кургане, грохочет бой. И нужен, как воздух, огонь артиллерии. Понимает это Титаев. Торопится. Метрах в тридцати впереди показалась воронка от взрыва. Вот где оно, повреждение. Десять метров осталось. Пять. Дополз до воронки солдат. Вот он у самого края. Вот лежит провод, рассеченный стальным осколком. Подхватил Титаев один конец. Тянет быстрее второй...

Молчал, молчал телефон на командном пункте и вдруг заработал. Облегченно вздохнул командир.

– Молодцы! – похвалил связистов.

– Так это ж Титаев, – ответил кто-то. – Первой статьи солдат.

Знают Титаева. Любят в дивизии. Ждут в связной роте, когда же вернется назад Титаев. Не возвращается что-то боец. На поиски связиста отправились два солдата. Ползут они тем же следом. Висят над ними низкие облака. Ветер метет поземку. Слева неприятельские окопы. Все так же бьют пулеметы. Стучат автоматы. Грохочет бой. Заработала советская артиллерия. Перекрывает шум боя, радует слух солдатский. Ползут, смотрят вперед солдаты. Видят – воронка. На краю воронки признали Титаева. Прижался к земле боец.

– Титаев!

– Титаев!

Молчит Титаев.

Подползли солдаты поближе. Глянули – мертв, недвижим Титаев.

На войне солдаты ко многим вещам привыкли. Не удивишь их в сражении подвигом. Но тут...

Оказалось, что в тот момент, когда Титаев, обнаружив обрыв провода, пытался соединить его концы, настигла солдата смертельная пуля. Нет у солдата сил устранить повреждение. Но, прощаясь с жизнью, теряя сознание, в последнюю эту секунду успел солдат поднести провода ко рту. Зажал, как в тиски, зубами.

– Огонь! Огонь! – несется команда по проводу.

И тут же ответ:

– Есть огонь. Как связь, как связь?

– Отлично работает связь.

И снова:

– Огонь! Огонь!

Громили наши войска противника. А там, у края воронки, лежал солдат. Нет, не лежал – стоял на посту солдат.

Стоял на посту солдат.

Крепость

Не могут фашисты взять Сталинград. Стали утверждать, что Сталинград неприступная крепость: мол, окружают город непроходимые рвы, мол, поднялись вокруг Сталинграда валы и насыпи. Что ни шаг – то мощные оборонительные сооружения и укрепления, разные инженерные хитрости и ловушки.

Не называют фашисты городские кварталы кварталами, пишут – укрепрайоны. Не называют дома домами, пишут – форты и бастионы.

– Сталинград – это крепость, крепость, – твердят фашисты.

Пишут об этом немецкие солдаты и офицеры в письмах к себе домой. Читают в Германии письма.

– Сталинград – это крепость, крепость, – трубят в Германии.

Генералы строчат донесения. В каждой строчке одно и то же:

«Сталинград – это крепость. Неприступная крепость. Сплошные укрепрайоны. Неодолимые бастионы».

Фашистские газеты помещают статьи. И в статьях все о том же:

«Наши солдаты штурмуют крепость».

«Сталинград – сильнейшая крепость России».

«Крепость, крепость!» – кричат газеты. Даже фронтовые листовки об этом пишут.

А Сталинград крепостью никогда и не был. Нет никаких особых в нем укреплений. Город как город. Дома, заводы.

Одна из фашистских листовок попала к советским солдатам. Посмеялись солдаты: «Ага, не от легкой жизни фашисты такое пишут». Потом показали листовку члену Военного совета 62-й армии дивизионному комиссару Кузьме Акимовичу Гурову: мол, посмотрите, товарищ комиссар, какие небылицы фашисты пишут.

Прочитал комиссар листовку и вдруг поразил солдат.

– Все тут верно, – сказал солдатам. – Правду фашисты пишут. А как же, конечно, крепость.

Смутились солдаты. Может, оно и так. Начальству всегда виднее. Однако с недоверием все же на комиссара смотрят.

– Крепость, – повторил Гуров. – Конечно, крепость.

Смотрят солдаты – вот это да! Не будешь с начальством спорить.

Улыбнулся Гуров, покосился хитро на солдат:

– Ваши сердца и мужество ваше – вот она, неприступная крепость, вот они, неодолимые рубежи и укрепрайоны, стены и бастионы.

Улыбнулись солдаты. Понятно сказал комиссар. Приятно такое слушать. Прав Кузьма Акимович Гуров. О мужество советских солдат – вот о какие стены сломали в Сталинграде фашисты шею.

19 ноября 1942 года

Давно уже Ставка Верховного Главнокомандования разрабатывала грандиозный и дерзкий план разгрома фашистов у стен Сталинграда. Генералы Жуков, Василевский, Воронов,

другие советские военачальники провели десятки бессонных ночей, разрабатывая детали будущей битвы. Вот как выглядел ее план. Решительными ударами с севера и с юга окружить фашистов в районе Сталинграда, зажать их в огромное кольцо и уничтожить.

Немало пришлось потрудиться советским людям для того, чтобы наша армия смогла выполнить этот план.

Нужно было намного увеличить выпуск советских танков. Советские люди добились этого.

Нужно было создать новые совершенные и быстроходные самолеты. Советские люди решили и эту задачу.

Нужны были тысячи новых пушек, миллионы винтовок и автоматов, миллиарды снарядов и патронов. Все это выпустили советские заводы.

Нужны были тысячи высокообразованных командиров. Армия получила таких командиров.

Петр Еремин и Василий Дудочкин – два неразлучных друга. Два лейтенанта. Два комсомольца. Оба – танкисты. Окончили вместе училище. Сдружились еще в училище. У обоих одна мечта – вместе, рядом хотят сражаться. Рвутся оба в героический Сталинград.

Да только мечты мечтами. На деле порой другое. Разошлись их солдатские службы. Еремин попал на Юго-Западный фронт. Дудочкин – от Сталинграда к югу. Стоит их механизированный корпус почти у самых калмыцких степей, между озерами Цаца и Барманцак.

Обидно друзьям до слёз. Не исполнилось их желание.

Тихо на Юго-Западном фронте. Еще тише здесь – на Сталинградском, между озерами Цаца и Барманцак.

Битва кипит на Волге. Рвутся танкисты в бой. Пишет Еремин рапорт начальству. Пишет про лучшего друга, лейтенанта Дудочкина: мол, разлучили, мол, вместе желают биться. Просит направить в сражающийся Сталинград.

И Дудочкин рапорт строчит начальству. Пишет про лучшего друга, лейтенанта Еремина, и тоже, конечно, про Сталинград. Что-то не отзываются, молчат командиры.

Настойчивым был лейтенант Еремин. Обошел в пять этажей начальство. Добрался до генерала. И генералу про друга, про встречу с другом, про сражающийся Сталинград. Улыбнулся генерал. Посмотрел на Еремина:

– Похвально. И о друге – похвально. – Затем наклонился и тихо: – Надеюсь, исполнится ваше желание.

И лейтенант Дудочкин парень упорный. Обошел в пять этажей начальство.

Добрался до генерала. Посмотрел генерал на Дудочкина:

– Ну что ж, надеюсь, исполнится ваша просьба.

Доволен Еремин. Доволен Дудочкин. Собрали вещички. Готовы к отбытию. Только что-то отправки нет. Хотели снова бежать к начальству. Да тут...

1942 год. Раннее утро. 19 ноября.

– По танкам! – прошла команда.

Бросился Еремин к танку. Здесь узнаёт приказ. Начинается грандиозное наступление. Цель – окружить под Сталинградом фашистов. Пошел с севера в наступление их Юго-Западный фронт.

А через день и лейтенанту Дудочкину сообщают приказ. Пошел в наступление с юга их Сталинградский фронт.

Оглушительный грохот потряс приволжские степи. Это начала стрелять советская артиллерия. Заработали минометы. Ударили знаменитые «катюши». Затем в бой ринулись грозные танки. И наконец с криком «ура!» неудержимо рванулась вперед всепобеждающая советская пехота.

Наступление началось.

Заждались

Южную часть Сталинграда и территорию вниз по Волге обороняла 64-я армия генерала Михаила Степановича Шумилова. Немало испытаний выпало на долю этой армии. Вместе с войсками генерала Чуйкова она выдержала самые тяжелые дни Сталинградской битвы.

И вот теперь вместе с другими частями солдаты Шумилова идут в наступление.

В великом порыве идут солдаты. Застоялись, заждались они победы. Рвутся сердца вперед. Не ожидали фашисты такого удара. Выдвигают быстрее заслоны. Сокрушают бойцы заслоны, шагом победным вперед идут.

Встречает Шумилов солдат в походе:

– Трудно, братцы?

Вспоминают солдаты былое время. Бои у Дона. Бои на подходах к городу. Горящую Волгу. Горящее небо. Атаки. Атаки. Атаки фашистов. Худое время. Тот горестный час.

– Нетрудно, легко, – отвечают солдаты.

В великом порыве идут солдаты. Рвутся сердца вперед.

В контратаку идут фашисты. Вводят в сражение танки. Бросают в бои резервы. Цепляются за каждый выступ, куст, бугорок. Не жалеют огня фашисты. Не жалеют людей фашисты. И все же сметают врагов советские солдаты. Неудержимо идут вперед.

Встречает Шумилов солдат в походе:

– Трудно, братцы?

Вспоминают солдаты былое время. Мамаев курган. Бои на сталинградских улицах. Заводы «Красный Октябрь», «Баррикады», Сталинградский тракторный. Атаки. Атаки. Атаки фашистов. Небо с овчинку. Весь мир с кулак.

– Нетрудно, легко, – отвечают солдаты.

В великом порыве идут солдаты. Рвутся сердца вперед.

Морозы стоят на улице. То туман, то поземка, то жгучий ветер, то колкий снег. Застревают в снегу машины. Буксуют в сугробах танки. Надрываясь, кони построжки орудий рвут. Нелегким походом идут солдаты. Толкают машины. На себе волокут орудия. Мозолят плечи. Трамбуют снег.

Встречает Шумилов солдат в походе:

– Трудно, братцы?

Вспоминают солдаты былое время. Недоброе время. Тот грозный час.

– Нетрудно! Нетрудно! – кричат солдаты. – Не чужая ноша, – кричат, – своя!

– А если всю правду? – спросил Шумилов.

– Всю правду?

– Всю, – произнес Шумилов.

– Трудно, – признались солдаты. И тут же: – На сердце зато легко.

Походом, боями идут солдаты. Радость цветет на лицах. Заждались солдаты победного боя. Рвутся сердца вперед.

Коммунисты

В походе, в боях солдаты. Рождают бои героев.

На одном из участков фронта встретили советские войска особенно сильное сопротивление фашистов. Между нашими войсками и противником пролегало минное поле. Как раз здесь, в этом месте, через это минное поле, и должна была состояться атака советских танков. Прибыли саперы, стали разминировать поле, делать проходы для наших танков.

Всю ночь до рассвета трудились саперы. Проложили они в минных полях проходы. Правда, пока еще узкие-узкие. Едва пройдет по этим полоскам танк. Надо проходы еще расширить. Продолжают саперы свою работу. И вдруг подошли сюда наши танки. Оказывается, получили танкисты приказ срочно пройти через минное поле. Танки двигались на помощь советской пехоте. Срочно, немедленно нужна эта помощь.

Подошли танкисты к минному полю.

– Стойте, стойте! – кричат саперы.

Остановились танкисты. Объясняют саперы: проходы узкие, подорвутся танки на вражеских минах, надо выждать, пока расширят дорогу саперы.

Выждать! Легко сказать. Пока ждут здесь танкисты, не осилит пехота одна фашистов. Не поддержат пехоту танки – погибнет под фашистским огнем пехота.

Стоят саперы, стоят танкисты. Как поступить? Что делать? Выход только один – стать солдатам вдоль узких проходов, указать танкистам пути через минное поле.

И вот вышел вперед комиссар саперов. Посмотрел на солдат, скомандовал:

– Коммунисты, вперед!

Вышли вперед коммунисты.

– Стать у границ проходов!

Стали они у границ проходов.

– Поднять каски над головой! – командует комиссар.

Подняли бойцы-коммунисты каски. Держат каски над головой. Виден танкистам путь. Пошли по минному полю танки. Заметили фашисты советские танки, открыли по ним огонь. Рвутся кругом снаряды. Стоят под огнем коммунисты, выполняют свой долг. Редуют ряды отважных.

Снова голос звучит комиссара:

– Коммунисты, вперед!

Снова шагнули вперед коммунисты. Цепочкой вдоль смерти встали.

Не ослабевают огонь фашистов. Снова нужны смельчаки на поле.

– Разрешите, комиссар! – раздался солдатский голос.

– Коммунист?

– Коммунист!

– Становись.

За этим другие пошли голоса.

– Коммунист? – переспрашивает комиссар.

– Коммунист!

– Становись.

– Коммунист?

– Коммунист!

– Коммунист?

– Комсомолец.

На бойца внимательно комиссар глянул.

– Становись! – произнес комиссар.

И снова раздался голос:

– Комиссар, комиссар! Разрешите, комиссар.

– Коммунист?

– Нет, – ответил боец. И тут же: – Разрешите комиссар. – И тише: – Если погибну, считай коммунистом.

– Становись! – произнес комиссар.

Прорвались танкисты сквозь минное поле. Не опоздали. Пришли на помощь своей пехоте.

«Братцы, пустите!»

Продолжается грозное советское наступление.

Ворвавшись к врагам в окоп, солдат Попов вступил в единоборство с тремя фашистами. Вышел солдат победителем. Рухнул один из фашистов на дно окопа. Двое пустились в бег. Укрылись с другими они за пригорок. Осилил врагов солдат, но и сам оказался ранен. Подбежали к нему санитары:

– В госпиталь! В госпиталь!

– Нет, – говорит Попов. – Дорога моя не в госпиталь. Вот мне куда, – и показывает рукой на пригорок. – Не могу. Не могу, – повторил солдат.

– Да что там такое?!

– Там двое меня ждут!

Рванулся Попов вперед. Добежал до пригорка. Заметил врагов в овражке. Снова сошелся с фашистами в схватке. Вышел солдат победителем. Из двоих фашистов в живых лишь один остался.

Виднелся вдали поселок. Побежал фашист к поселку. За этот поселок билась советская рота. Добежал фашист до ближайшего дома. Скрылся под прочной крышей.

Вышел советский солдат победителем. Однако снова был пулей фашистской ранен. Едва стоит на ногах солдат.

Подбежали к нему санитары:

– В госпиталь! В госпиталь!

– Нет, – говорит Попов. – Дорога моя вон туда, – и показывает рукой на поселок. – Не могу. Не могу, – повторил солдат.

– Да что там такое?! – кричат санитары.

– Там в крайнем доме меня ждут, – отвечает санитарам солдат.

Рванулся Попов вперед. Прошел, пробежал, прополз – ворвался к фашистам в дом. Снова сошелся в бою с врагом. Вышел и здесь солдат победителем. Осилил фашиста третьего. Осилил и тут же свалился с ног. Изранен солдат, иссечен. На полушубке алеет кровь.

Подбежали к нему санитары. Схватили его санитары. На носилках лежит герой. Держат, прижали к носилкам его санитары.

– Братцы, пустите! Братцы, пустите! – кричит солдат.

– Да лежи ты! – не отпускают его санитары.

– Братцы, пустите! Братцы, пустите! Там был четвертый! – кричит солдат.

...На том же участке Сталинградского фронта, только в другой дивизии, сражался пулеметчик сержант Карасев. Рота вела наступление. Перед ротой овраг, за оврагом хутор, за хутором высота. Осилить овраг, взять хутор, штурмом ворваться на высоту – такова боевая задача роты.

Атакуют солдаты овраг. Взяли. Осилили. Вышли на ровное место. И вдруг Карасева ранило. Осколок ударил в руку. Обвисла рука, как плеть.

«Э-эх, правая», – сокрушенно подумал солдат.

Подбежали к нему санитары:

– В госпиталь! В госпиталь!

Разгорячился в бою солдат.

Понимает: утащат с поля боя его санитары.

– Не подходи! Не подходи! Дорога моя туда, – махнул головой на хутор.

– Так ведь рука! – кричат санитары.

– Так что, что рука?

– Так ведь правая!

– А я левша, – привирает солдат. Подхватил пулемет, поволок в наступление. Припал к пулемету. Открыл огонь.

Ворвались солдаты в хутор. Отступили фашисты, укрепились на высоте.

Тут снова сержанта ранило. Осколок ударил в ногу. Скривился от боли сержант Карасев. На секунду стрельбу оставил.

Подбежали к нему санитары:

– В госпиталь! В госпиталь!

– Нет, – говорит Карасев. – Дорога моя туда, – и метнул головой к вершине кургана.

– Да как же! – кричат санитары. – И рука! И нога!

Схватили его санитары.

– Братцы, пустите! – кричит сержант. – Что рука, что нога, зубы были бы целы. Зубами возьму курган.

И снова припал к пулемету.

В походе, в бою солдаты. Рождают бои героев.

Если хочешь писать о героях...

Быстро наступают советские части. Передовой отряд 26-го танкового корпуса смелым налетом захватил мост через Дон, а вскоре нашими танкистами был взят и город Калач. Приехали на Дон в район боев корреспонденты армейских газет. Стали интересоваться подробностями, выяснять имена героев.

Первый вопрос:

– Кто взял мост?

– Передовой танковый отряд, – отвечают корреспондентам.

– Кто командир?

– Подполковник Филиппов.

И тут же объясняют корреспондентам, как был взят мост. Совершил подполковник Филиппов со своими танками стремительный налет на мост. Не ожидали фашисты советских воинов. Вначале даже подумали, что это свои. А когда разобрались – поздно. На мосту советские танки.

Записали корреспонденты сообщение о танковом рейде в свои фронтовые блокноты. Поехали дальше, в город Калач. Повстречалась им танковая колонна. Обратились корреспонденты к танкистам:

– Кто взял Калач?

– Передовой танковый отряд.

Записывают корреспонденты.

– Знаем, – говорят, – вашего командира. Подполковник...

– Так точно, подполковник. Подполковник Филиппенко, – уточняют танкисты.

– Как – Филиппенко? Филиппов! – крикнули журналисты.

– По танкам! – прошла тут команда.

Скрылись под бронированными крышками люков танкисты. Остались корреспонденты со своими блокнотами. Смотрят на записанную фамилию командира передового отряда, гадают, какая же из фамилий подполковника правильная – Филиппов или Филиппенко?

Решили перепроверить. Попался один из солдат.

– Как фамилия командира передового танкового отряда? – спрашивают корреспонденты.

– Подполковник Филиппов, – отвечает солдат.

«Значит, все же Филиппов», – решают корреспонденты. И все же вторично решили проверить.

– Как фамилия вашего командира? – спросили у пробежавшего мимо лейтенанта-танкиста.

– Подполковник Филиппенко, – отвечает лейтенант.

– Он командует передовым танковым отрядом?

– Так точно, он.

Совсем в недоумении корреспонденты. Вовсе теперь запутались: «Филиппов? Филиппенко? Как же в статьях писать?»

Торопились они в газеты. Вернулись в свои редакции. Сидят гадают, какую же из фамилий указывать.

Сидят гадают. А гадать-то и нечего.

Оказалось, что среди наступающих танкистов были и подполковник Филиппов и подполковник Филиппенко. Оба они командовали передовыми отрядами. Оба получили и звания Героев Советского Союза. Первый – за взятие моста на Дону, второй – за город Калач.

Много под Сталинградом героев. Много похожих фамилий. Иванов, Иваненко, Иванян, Иванидзе, Иващенко; радистки: Литвина, Литвиненко, Литвинова; танкисты: Григорян, Григоренко, Грищенко; пехотинцы: Петров, Петрашвили, Петросян, Петронавичус. Много героев, много фамилий.

Хочешь писать о героях? Не ошибешься – бери любого, фамилию выбирай любую.

Художник-баталист

Из Германии, из города Лейпцига, прибыл под Сталинград в штаб фашистской армии, которая штурмовала Сталинград, известный художник-баталист.

Прибыл. Представился. Уже немолод. В годах художник.

Приехал художник по приказу самого Гитлера. Получил он задание – нарисовать огромную картину о сталинградской победе фюрера.

Усердно трудился на фронте художник. Собрал материал для картины. Сделал бесчисленные зарисовки. Одних портретов чуть ли не тысячу нарисовал.

Закончил художник свою работу, стал собираться в Лейпциг. Сложил полотна свои и краски. Простился с чинами штаба. И вдруг:

– Танки! Танки! Русские танки! Советский прорыв!

Не поверил никто вначале. Не верит и сам художник.

Какой прорыв? Какие советские танки?! Откуда?! Ведь штаб далеко, в армейском тылу.

Однако все верно. Мчатся советские танки. Навстречу идут друг другу. В клещи берут фашистов.

Прорвались танки в тыл к фашистам. Началась паника, переполох. Устремились штабные службы быстрее на запад, к станции Нижнечирской, к мосту через Дон.

– Танки! Советские танки!

Вместе со всеми бежал к Нижнечирской и прославленный баталист. Ехал в штабной машине. В давке, в сутолоке слетела в кювет машина. Офицеры, его соседи, – а были они посильней, помоложе, – пристроились быстро к другим машинам. Остался художник в степи один.

Ветер крепчает. Метет поземка. Стоит у дороги, как столб, художник.

– Я – баталист! Я – баталист!

Машет руками, взывает о помощи. Держит эскизы свои и краски.

– Я – баталист! Я – баталист!

Мимо несутся как вихрь машины.

– Я – художник-баталист! – надрывает несчастный глотку.

Никому баталист не нужен.

Стоит художник. Чуть-чуть не плачет. Вот и заплакал. Слезы к носу текут из глаз.

– Я из Лейпцига. Я – баталист!

Все больше и больше солдат на дороге. Толкая друг друга, текут вперед. В общей массе бредет художник. Еле ноги, бедняга, двигает.

Скользко. Все сильнее метет поземка. Крепчает, крепчает ветер. Поскользнулся, упал художник. Хочет подняться, да нету сил. Понимает: не встать ему с этой земли. И вот, как бы сквозь дрему, сквозь страшный сон, лишаясь чувств, еще осознал художник: колесо от повозки прошло по телу, ударил копытом конь, тяжелый, как жернов, огромный, как жернов, навалился автомобильный скат...

– Я – баталист... – прохрипел художник. И издал последний вздох.

Лежит баталист на дороге. Рядом краски лежат и эскизы. Кто же картину теперь напишет? Кто же фюреру славу теперь воздаст?

«Хендехохнули!»

Наступают наши войска. Сдаются фашисты в плен.

20 ноября. Утро. Штабная машина. Полковник в машине. Едет полковник, командир дивизии, к своим наступающим войскам. Навстречу попались пленные. Семь человек. Сзади шагает советский солдат. Молод, безус солдат. Держит автомат на изготовку, сопровождает пленных.

Остановилась машина.

– Откуда ведешь, герой?

– Вот там, за высотой, стоит деревня, товарищ полковник.

– С кем их пленил?

– Один.

– Один?!

– Так точно, товарищ полковник. Я в проулок. Они из хаты, – стал объяснять солдат. – «Стой!» – им кричу. Занес гранату. Увидели гранату и тут же хендехохнули!

– Что-что? – не понял полковник.

– Руки вверх подняли, хендехохнули, товарищ полковник.

Полковник рассмеялся:

– Ну что ж, благодарю за службу, герой. Как фамилия?

– Синеоков, товарищ полковник.

Вечером полковник, командир дивизии, докладывал о том, как идет наступление его дивизии, генералу, командующему армией:

– Товарищ генерал, сегодня перед фронтом моей дивизии девятьсот фашистов хендехохнули!

– Что-что? – не понял генерал.

– Хендехохнули, сдались в плен, товарищ генерал.

– Ах, хендехохнули!

Улыбнулся генерал – понравилось, видно, ему словечко.

В этот же вечер генерал, командующий армией, докладывал об успехе армии командующему фронтом:

– Товарищ командующий, за истекший день вверенной мне армией разбиты... – И стал перечислять фашистские полки и дивизии, которые разбиты армией. А в конце: – Товарищ командующий, три тысячи фашистских солдат и офицеров хендехохнули!

– Что-что? – переспросил командующий.

– Хендехохнули, капитулировали, сдались в плен, товарищ командующий.

– Ах, хендехохнули! – рассмеялся генерал. Поздравил командующего армией с успехом.

Прошел час, и командующий фронтом докладывал по телефону о том, как прошел день на фронте, Верховному Главнокомандующему:

– Товарищ Верховный Главнокомандующий, сегодня в течение дня войсками фронта уничтожены... – И стал перечислять фашистские дивизии, которые уничтожены в этот день под Сталинградом. Доложил, а в конце торжественно: – Семь тысяч солдат и офицеров противника хендехохнули, товарищ Верховный Главнокомандующий.

– Что-что? – раздалось в трубке. Голос был мягкий, но чуть раздраженный.

Сообразил командующий, что зря употребил он неуставное, непривычное слово, но что тут делать? Сказал тише, без прежней бодрости:

– Хендехохнули, то есть сдались в плен, товарищ Верховный Главнокомандующий.

– Ах, хендехохнули! – ответила трубка. Ответила весело. Без прежней раздраженности. Даже смешок раздался: – Значит, хендехохнули?

– Так точно, хендехохнули, товарищ Верховный...

23 ноября 1942 года

Четыре дня советские танкисты, пехотинцы, артиллеристы, конники, наступая навстречу друг другу, громили фашистов.

Продолжали двигаться вперед и танковые соединения, в которых служили молодые лейтенанты Петр Еремин и Василий Дудочкин.

Танки проходили через отвесные овраги и глубокие рвы, прорывали проволочные заграждения, подминали вражеские пушки и пулеметы и снова с боями шли вперед и вперед.

Мчится на танке лейтенант Еремин. Весь он в великой битве. Жалеет лишь об одном: «Эх бы, сюда Василия!»

А в это время с юга навстречу лейтенанту Еремину лейтенант Дудочкин летит на танке. Весь он в великой битве. Об одном лишь жалеет Дудочкин, что так и не успел он с лейтенантом Ереминым встретиться: «Вот бы сюда Петра!»

Стремительно движутся танки. И вот 23 ноября 1942 года у Дона, за городом Калач-на-Дону, встретились части двух фронтов.

Видит Еремин – танки летят навстречу.

– Наши! Наши! – кричат кругом.

Встретились танки двух фронтов – Юго-Западного и Сталинградского, замкнули кольцо окружения.

Отбросил Еремин крышку танкового люка. Вылез наружу. Спрыгнул на снег. Смотрит – бросились люди навстречу друг другу. Не скрывают солдаты радости. Обнимают один другого. Шлемы бросают вверх.

Не отставать же Петру Еремину. Обнял одного, обнял другого. Бросился к третьему. Расцеловал. По плечу похлопал. Глянул – да это же Дудочкин! Василий Дудочкин.

– Вася! – закричал Еремин.

– Петя! – вскрикнул Дудочкин.

Повстречались друзья, как в сказке. Обнялись до боли в плечах.

Повстречались, обнялись. Смотрят, а рядом – два генерала, которых они просили об отправке в Сталинград. Обнимаются генералы. Друг друга до боли в костях сжимают.

– Лёня! – кричит один.

– Саня! – в восторге кричит другой.

Увидели генералы Еремина и Дудочкина:

– Ну как?

– Встретились! Встретились! – закричали Еремин и Дудочкин.

Улыбаются генералы:

– Ну что ж, добрая встреча, добрая. Побольше таких бы встреч.

Наступление Юго-Западного и Сталинградского фронтов завершилось полным успехом. Огромная 330-тысячная фашистская армия, штурмовавшая Сталинград, оказалась, как волк, в капкане.

Очень даже заслужил

Нелегкая жизнь у разведчиков. Со смертью в обнимку ходят.

Вместе с Юго-Западным и Сталинградским фашистов в приволжских степях громили и Донской фронт.

Было это на Донском фронте, как раз накануне тех дней, когда наши войска перешли в наступление. Младшего лейтенанта Волкова посылали в разведку. Задание важное, срочное. Стоят трое: командующий армией генерал Батов, командир дивизии полковник Меркулов, раз-

ведчик младший лейтенант Волков. Полковник Меркулов объясняет задание. Штабу фронта нужен срочно немецкий «язык».

– Ясно, товарищ полковник, – ответил Волков.

Знает полковник Меркулов Волкова. Уверен, что точно и в срок выполнит тот задание.

Выполнил Волков задание. Привел пленного гитлеровца. Доложил Меркулову. Доложил генералу Батову.

– Благодарю, молодец! – сказал генерал.

– Служу Советскому Союзу! – отчеканил Волков. – Разрешите идти?

– Идите.

Повернулся младший лейтенант. Вышел.

– Молодец, ну и молодец! – повторил Батов.

Улыбнулся полковник Меркулов. Приятно ему похвалу о своем подчиненном слышать. Посмотрел на командующего, сказал не без гордости:

– Так точно, молодец, товарищ командующий. Он девять «языков» уже взял. Это десятый.

– Десятый?!

Доволен Меркулов. Знает, что взять десять «языков» – нелегкое это дело. Понимает, что произвел впечатление на командующего.

– Так точно, десять!

– Да-а, – протянул задумчиво Батов и вдруг: – А что же наград у него не видно, товарищ полковник?

Не ожидал Меркулов такого, развел руками:

– Обстановка неподходящая, товарищ командующий. Какие же здесь награды, раз армия то отступала, то стояла, то вновь отступала, да вот и сейчас стоит. Вот пойдем вперед. Вот прорвем фашистов...

Батов нахмурился:

– Значит, неподходящая обстановка?

– Так точно, товарищ генерал.

Нахмурился Батов еще больше, искоса посмотрел на Меркулова.

– Согласен, – сказал. – Для наград комдиву – неподходящая. Не заслужил еще комдив. И командарм, – Батов показал на себя, – не заслужил. А вот младший лейтенант Волков заслужил! – произнес генерал резко.

Поднялся Батов, прошелся по землянке и повторил, теперь уже тихо, не смотря на Меркулова, как бы для себя:

– Очень даже заслужил!

В тот же день отважный разведчик был награжден орденом. Сам командующий Донским фронтом Константин Константинович Рокоссовский награду ему вручил.

«„Черчилля“ подковал!»

Подполковник Иван Игнатьевич Якубовский сражался в составе Донского фронта, командовал танковой бригадой.

Мало ли у нас в армии подполковников. Всех не упомнишь. А этого знали.

– Якубовский? Знаем Якубовского. Это тот подполковник, который «Черчилля» подковал!

Да, был такой случай. Вместе с Советским Союзом против фашистской Германии воевали Англия и Соединенные Штаты Америки. Они были нашими союзниками. Союзники помогали нам самолетами, танками и некоторым другим вооружением. Не всегда то, что присылали нам союзники, было самым лучшим. Самолеты были не самыми быстроходными, не

самыми маневренными. Танки часто горели, не всегда справлялись с нашими дорогами. Но и за такие, как говорят, спасибо. Не хватало в первые годы войны у нас собственного вооружения. Пришли на пополнение нашей армии и английские танки, которые назывались «Черчилль». Черчилль – это имя собственное. Это фамилия. Уинстон Черчилль был в те годы премьер-министром, то есть главой правительства, Англии.

Прибыли танки «Черчилль» и в бригаду подполковника Якубовского. Красивые танки, новенькие. Башня, пушки, пулеметы, броня – все на своих местах. Неплохие танки. Вот лишь буксуют по дорогам, размытым дождями, танки.

Смотрят солдаты на эти танки, посмеиваются:

– Интеллигенция. Им бы галоши носить для грязи.

Услышал про галоши подполковник Якубовский. Подумал: правы, конечно, солдаты. Надо наклепать им на гусеницы шипы, решил подполковник.

Попробовали, наклепали шипы на гусеницы. Побежали танки. Не страшны им теперь проселки и лужи, вязкая глина и рыхлый снег.

И снова меткие солдатские разговоры:

– Подковал он его, подковал. «Черчилля» подковал!

Стали и в других частях приделывать шипы к танковым гусеницам. Пошла слава о подполковнике Якубовском по всей армии.

– Якубовский? Знаем Якубовского. Это тот подполковник, который «Черчилля» подковал!

Танкисты Якубовского с отвагой и умением громили фашистов под Сталинградом. Подполковник Якубовский прошел всю войну. Многими наградами отмечены его ратные подвиги. Он дважды Герой Советского Союза.

Иван Игнатьевич Якубовский стал Маршалом Советского Союза.

«Зимняя гроза»

22 фашистские дивизии, 330 тысяч фашистских солдат окружила под Сталинградом наша армия.

Дал Гитлер клятву спасти окруженных фашистских солдат.

Выбрал надежного человека. Им оказался опытный фашистский военачальник генерал-фельдмаршал Манштейн. Поручил Гитлер Манштейну прорвать кольцо советского окружения, деблокировать Сталинград.

– Хайль! – прокричал Манштейн.

«Манштейн» в переводе с немецкого – «человек-камень». Верит в Манштейна Гитлер. Верят в Манштейна солдаты. Манштейн – горы свернет. Манштейн – скалы пробьет. Если надо, Манштейн остановит реки.

– Держитесь! Я к вам иду! Я вас спасу! – заявил фашистский генерал-фельдмаршал.

Собрали фашисты войска. Из Германии новые части прибыли, из захваченной Гитлером Польши, из захваченной Гитлером Франции. Пришли и с других фронтов.

«Зимняя гроза» – назвали фашисты свое наступление.

12 декабря 1942 года. Устремились вперед фашисты. Танки, самоходки идут впереди, сзади ползут обозы. Везут боеприпасы, горючее, одежду, продовольствие для окруженных. И вот опять в степях между Доном и Волгой в жесточайшей схватке сошлись войска. В районе поселка Верхне-Кумский разгорелось огромное танковое сражение. Поселок несколько раз переходил из рук в руки. Всюду горели подбитые танки. И снова не счесть погибших. Героически бились советские воины. И все же под натиском грозных сил пришлось отойти солдатам.

Через шесть дней после начала фашистского наступления гитлеровские войска, окруженные под Сталинградом, слышали шум канонады.

– Мы спасены! Это идет Манштейн!

Готовят фашисты Манштейну достойную встречу. Время назначили. Место. Час. Порядок торжеств и парад в честь победы.

Однако встречу Манштейну не только они готовят. Идут навстречу Манштейну и советские части. Идет гвардейская армия под командованием генерала Родиона Яковлевича Малиновского. Цепок в боях Малиновский. Стремителен в маршах, быстр.

В ожидании дивизии Малиновского советские воины укрепились у реки Мышкова.

Подошли фашисты к реке Мышкова. Споткнулись, застряли, остановились.

– Вперед! – не утихает Манштейн. – Вперед!

Однако фашисты вперед ни шагу.

– Вперед! Вперед! – кричат в полках, батальонах и ротах.

– Вперед! – даже кричат в обозах.

Однако советские солдаты крепко стоят в обороне.

– Вперед!

Ни шагу вперед фашисты.

– Отставить. Отложим до завтра, – сказал Манштейн.

– До завтра! – прошла команда.

А завтра прибыли сюда главные силы армии Малиновского. Ударили гвардейцы по фашистам так, что лишь перья от тех полетели.

Побежали враги.

Хотели грозу фашисты. Получили грозу фашисты.

Белый и Черный

Командир танкового корпуса генерал Василий Тимофеевич Вольский принимал пополнение. Подходили командиры танковых частей, докладывали, представлялись.

Подошел первый:

– Товарищ генерал, командир танкового полка подполковник Черный прибыл в ваше распоряжение.

– Здравствуйте, – сказал генерал Вольский.

Посмотрел на подполковника, понравился ему офицер. Коренастый, крепкий. Глаза веселые. Взгляд открытый.

Поинтересовался генерал, как доехал полк, сколько танков в полку, каково у бойцов настроение.

– Отличное настроение, – отвечает подполковник Черный. – Танки новые. К боям готовы.

– Вот и прекрасно, – сказал Вольский. – Желаю успехов по новому месту службы.

Представился подполковник Черный, сделал шаг в сторону. Новый офицер подходит к генералу Вольскому. Смотрит генерал – строен, высок офицер. Глаза серьезные. Взгляд орлиный. Звание у офицера, как и у подполковника Черного, тоже подполковник.

Подошел подполковник к генералу:

– Товарищ генерал, командир танкового полка подполковник Белый прибыл в ваше распоряжение.

Посмотрел генерал на подполковника:

– Как? Повторите фамилию.

– Подполковник Белый, – повторил подполковник.

Смотрит генерал Вольский на стоящего перед ним полковника. Черный – Белый... Вот это да! «Шутят, что ли?» – даже подумал. Да нет, глаза у подполковника серьезные, взгляд не озорной – орлиный.

Расхохотался тогда генерал. Понял: произошло совпадение. Подозвал он вновь подполковника Черного, показал на Белого:

– Знакомьтесь.

– Подполковник Черный, – представился Черный.

– Подполковник Белый, – представился Белый.

Теперь наступило время рассмеяться и самим подполковникам.

Стали подполковники Белый и Черный служить в одном корпусе. Немало шуток об этом тогда ходило. Даже сам корпус порой называли то черно-белый, то бело-черный. Даже в стихах шутили:

– Белый Черного спросил: где ты бороду красил?..

Доходили шутки и до генерала Вольского.

– Били бы хорошо врага, – отвечал генерал Вольский. – А Белый или Черный – не имеет значения.

А вот врагов, нужно сказать, и подполковник Белый, и подполковник Черный били действительно умело. Это они в числе других со своими танковыми полками завершили стремительное окружение фашистов под Сталинградом. Это они вместе со своими танкистами умело колотили дивизии генерал-фельдмаршала Манштейна, ответив на фашистскую угрозу нашей грозой – советской.

Шутили солдаты:

– Бьет их Белый, бьет их Черный. Жизнь фашистам не мила. Белый свет им ныне черный.

Добавили

Советские войска добивали Манштейна. Освобождали город Котельниково. Именно отсюда, из Котельникова, и начал Манштейн свой танковый марш на помощь окруженным под Сталинградом фашистам. Перед решающим боем вышла вперед разведка. Схватили разведчики фашистского «языка».

Солдат неказист, немолод. Понурия голову пленный тащится.

Старший в разведке сержант Огоньков. Рядом шагает ефрейтор Семушкин. По-немецки умел говорить Семушкин.

Присели солдаты в пути на отдых.

– А ну-ка, ефрейтор, – говорит Огоньков, – спроси, как фашиста зовут, к какой части солдат приписан.

– Фриц Бумгартер, – отвечает фашистский солдат.

Рассмеялся сержант Огоньков:

– Все они вроде фрицы. Ну-ну, кто он – танкист, артиллерист, может, связной из штаба?

Оказалось, что солдат не боевой, не строевой. Служил он на складе. В Котельникове фашисты организовали для своей армии большие продовольственные склады. На складе и нес интендантскую службу солдат.

Огорчился сержант Огоньков – никчемный «язык» попался.

– Ну-ну, что там на вашем складе? Крысы небось и мыши!

– Найд, найд. Нет, – замотал головой солдат.

– Ну-ну, так что же на вашем складе?

– О! – произнес солдат. Разговорчивым фриц оказался. – Вина на нашем складе. – И уточняет: – Из Франции. Жиры на нашем складе. – И уточняет: – Из Дании.

Оказалось, что чуть ли не из всех стран Европы хранились продукты на этих складах. Консервы из Норвегии, сыры из Голландии, кофе из Бельгии, из Австрии шоколад...

Ломятся склады в Котельникове от разных вкуснейших разностей. Стояли последние дни декабря. Вот и прислали фашисты сюда, под Сталинград, к Новому году солдатам своим гостинцы...

– Да-а... – протянул сержант Огоньков. – Богатства на ваших складах. Всего нахватили. Всю Европу метлой подчистили. Ну а что там у вас из нашего?

Оживился солдат:

– О-о! Русское сало!

– Мало, – сказал Огоньков.

– О-о! Русское масло!

– Мало, – сказал Огоньков.

– Мясо, сахар, сметана, яйца, – начал частить солдат.

– Мало. Мала наша доля, – сказал Огоньков. – Покурил, помолчал, добавил: – Надо ее добавить.

Смотрит Семушкин на Огонькова:

– Ну и загнул, сержант!

– Надо добавить, – повторил Огоньков.

На следующий день советские войска штурмом вошли в Котельниково. В жарком бою разбили они фашистов. Освободили Котельниково.

16 тысяч фашистских солдат было в этом бою убито или попало в плен. Страшно было смотреть на место недавней схватки. Смотрят солдаты на покрытую фашистскими трупами землю, на разбитые танки, пушки. Тут же со всеми и сержант Огоньков и ефрейтор Семушкин. Повернулся Огоньков к Семушкину, показал на убитых фашистских солдат, на разбитые танки, пушки. Горы убитых фашистских солдат. Горы фашистской разбитой техники.

– Ну вот, теперь все на месте, – сказал сержант Огоньков. – Вот и добавили фашистам мы нашу долю.

Воздушный мост

Разбит Манштейн. Не прорвались к своим фашисты.

– Мы не прорвались, но есть самолеты!

Боеприпасы, горючее, продовольствие стали поступать к фашистам в Сталинградский «котел» по воздуху. Организовали фашисты воздушный мост. Бороздят самолеты небо.

Началась эта история еще до того, как попали фашисты в «котел», в Сталинградское окружение. Атаковали как-то фашистские асы колонну советских танков. Изрядно нашим тогда досталось. Беснуются в небе, как вихрь, самолеты. Стали над танками в замкнутый круг. Пикируют вниз на танки.

Приметил его танкист, механик-водитель старший сержант Гаврилов. Самолет был под номером 22. Именно бомбой с этого самолета был подорван гавриловский танк. Именно пулей с этого самолета был ранен стрелок Носак.

Стоит на земле Гаврилов. В бессильной злобе грозит кулаком самолету.

С той минуты не было большей мечты у Гаврилова, как отомстить фашисту. Крепко держит в памяти номер 22.

Смеются друзья над Гавриловым:

– «Рожденный ползать летать не может!»

– Да где это видано, чтобы танк отомстил самолету!

– Отомщу, – упрямо твердил Гаврилов.

Уж, видимо, очень был зол Гаврилов. Гора с горой, говорят, не сходится. Снова сошлись самолет и танк.

Случилось это в конце декабря, в самый разгар боев, когда добивали наши войска Манштейна. Танковая бригада, в которой служил Гаврилов, получила приказ прорваться к фашистам в тыл и выйти к станции Тацинской. Рядом с Тацинской большой фашистский аэродром. На аэродром и был нацелен удар танкистов.

Тронулись танки в рейд. Хмурое утро. Ползет туман. Укрылись машины в молочной мари. Проскочили танкисты десятки километров, вышли незаметно к аэродрому. Не ждут их фашисты. Забит аэродром машинами. Стоят самолеты сплошными рядами. Ряд подпирает ряд.

– Бей по хвостам! Бей по хвостам! Топчи по хвостам! – пронеслась команда.

Хвост – самая уязвимая часть самолета. На хвосте крепят рули. Сбиты рули, самолет – игрушка.

Устремились танки к самолетным шеренгам. Режут хвосты, как бритвой. Вместе со всеми крошит фашистов и старший сержант Гаврилов.

Мчит сквозь огонь Гаврилов. Выскочил к взлётному полю. Смотрит – выруливает самолет. Глянул Гаврилов: сердце ударило в грудь, как молот.

– Он! – закричал Гаврилов.

– Он! – сверху из башни кричит Носак.

Видят номер 22 на борту самолета. Развернул Гаврилов танк, устремился за самолетом. Увидел фашистский летчик советский танк, дал мотору полные обороты и прямо поперек взлётного поля пошел на взлёт. Бежит машина. Перебирают колеса заснеженные бугорки. Бежит самолет, а следом несется танк.

– Стреляй, стреляй! – кричит Носаку Гаврилов.

Да только мешкает что-то Носак. Никак фашиста в прицел не схватит.

Танк не чета быстрокрылому. Все быстрее, быстрее бежит самолет. От неровностей поля словно гусь с ноги на ногу переваливается. Но не уменьшается между ними – растёт расстояние. Уходит из рук стервятник.

Добежал самолет до границы поля. Тут проходил овражек. Подпрыгнул. Повис в воздухе. Вот-вот начнет набирать высоту.

– Стреляй! – дико кричит Гаврилов.

В это время и танк подскочил к овражку. Коснулся овражной кручи и – о чудо! – как лыжник с трамплина, за самолетом – в воздух. В эту минуту Носак и стрельнул. Вышел снаряд смертоносным жалом. Лизнул самолетную твердь. Рухнул фашист на землю.

Танк хотя и свалился тогда в овражек, но цел, невредим и счастлив.

Более 300 самолетов уничтожили в этот день советские танкисты на аэродроме в Тацинской. Да и не только здесь. И на другие аэродромы совершили танкисты рейды.

Сбивали фашистов метким огнем зенитчики. Советские истребители встречали фашистов в небе. Ничего не получилось у фашистов с мостом небесным.

Рухнул воздушный мост.

Стальной-Соломенный

В 214-й стрелковой дивизии служил капитан Соломенный. Был он начхозом, то есть начальником по хозяйственной части. Обеспечить бойцов одеждой, едой, табаком...

Немолод Соломенный. Шестой десяток пошел капитану. Седина побелила голову. На фронт пошел он добровольцем. Просился в строй – хотя бы командовать ротой, взводом. Однако не взяли. Вот и попал в начхозы.

Но и в начхозах он был настоящий воин. Пулям не кланялся. Перед снарядами шапку не сбрасывал.

– Возраст не тот, – говорил Соломенный.

Однако все знали: дело не в этом – душа у него отважная. Любили его солдаты. Легенды о нем ходили.

Было это еще до Сталинграда, в боях под Воронежем. В одной из схваток с фашистами погиб пулеметный расчет, прикрывавший фланг нашей стрелковой роты. Погиб расчет. Замолчал пулемет. Устремились вперед фашисты. Обходят роту. Вот-вот и отступит, погибнет рота.

И вдруг застрочил пулемет. Понес он пули врагам навстречу. Сорвал атаку. Подбежали бойцы к пулемету, видят: за пулеметом лежит Соломенный.

Затем в тяжелых боях под Сталинградом вновь отличился Соломенный. Ехал он на военной трехтонке. Вез для солдат табак. Попала трехтонка под атаку фашистов. Убило водителя. Убило охрану. Остался один Соломенный. Не дрогнул Соломенный. Залег капитан за колеса трехтонки. Открыл по врагам огонь. Ловко стрелял. Как снайпер. «Там снайпер», – решили фашисты. Отступили они от трехтонки. Прибыл в войска табак.

Вот и сейчас вернулись из разведки наши разведчики, доложили, что недалеко от передовой, от наших окопов, в тылу у фашистов, они обнаружили стадо из десяти коров. Укрыли фашисты коров в низине, в овражке. Охраны поблизости нет. Плохо с едой у фашистов. Отрезаны базы, склады. Не получишь нынче и помощь с воздуха – рухнул воздушный мост.

Узнал про коров Соломенный. Десять коров – это богатство целое.

– Значит, коровы? – переспросил Соломенный.

– Так точно, коровы.

– Важный трофей. Прямо по нашей части.

Заговорил в Соломенном начхоз и солдат. Решил он угнать у фашистов стадо. Взял двух бойцов:

– Пошли.

Бойцы к капитану:

– Мы сами управимся.

– Пошли, пошли, – повторил Соломенный. Улыбнулся: – Стадо должен принять на месте.

Пошли они ночью. Гнали стадо. Прямо рядом с врагами прошли. Идет Соломенный, покрикивает на коров:

– Шнель!.. Шнель!..

И солдаты покрикивают:

– Шнель!.. Шнель!..

Смотрят фашисты на стадо. Думают – свои перегоняют коров.

Прошли Соломенный и солдаты вдоль фашистских позиций еще немного, затем резко свернули и погнали коров в нашу сторону.

Спохватились фашисты. Сообразили, в чем дело. Открыли огонь. Да этим только коров спугнули. Задрали коровы хвосты. В момент добежали до наших окопов.

– Завтрак прибыл! – кричат солдаты.

Благополучно вернулись к своим и бойцы, и капитан Соломенный. Отважным был капитан, хотя и служил начхозом. Пулям не кланялся. Снарядам не кланялся. Любили его солдаты. Ценили его солдаты. Вот и прозвали Стальной-Соломенный.

Минное поле

8 января 1943 года наши командиры обратились к окруженным под Сталинградом фашистским войскам с предложением капитулировать.

Отказались фашисты капитулировать.

Через несколько дней были повторены наши предложения.

Фашисты вторично ответили отказом.

Тогда советским войскам был отдан приказ возобновить решительное наступление на фашистов.

Начался последний, завершающий этап Сталинградской битвы.

На одном из участков советского наступления саперный взвод получил задание разминировать неприятельское минное поле. Прибыли саперы, принялись за работу. Дни стояли как раз холодные. Мороз злился, кусался волком. Дул леденящий ветер. Спирало дух.

Проклинают саперы мороз и ветер, продвигаются по минному полю, ищут мины. Не попадают что-то мины.

Чуть дальше прошли. Землю до миллиметра кругом прощупали. Не попадают мины. Нет.

Сообщают саперы в штаб: не обнаружены на минном поле мины.

– Ищите, – приходит приказ из штаба. – Были мины. Ищите лучше!

Ищут саперы. И правда, мина одна попалась. Одна попалась, а больше нет. Вдоль, поперек исходили поле. Не находят больше саперы мин.

Снова сообщают в штаб.

И снова приказ из штаба:

– Ищите! Сведения наши точные: мины есть.

И опять саперы по полю рыщут. Проклинают мороз и ветер.

Ищут саперы. Аппараты специальные ищут. Проверяют саперы на слух, на щуп. Кто-то даже на запах ищет. Не попадают мины. Нет.

Опять доложили в штаб.

Прибыл работник специальный из штаба. Сам облазил, обшарил поле. Нет здесь и в помине мин.

Были, а нынче нет.

Разводит штабист руками:

– Поразительный прямо случай! Исчезло, испарилось, что ли, минное поле?!

Наступление шло стремительно. Некогда было тут разбираться с полем. Однако дотошлив штабной работник. Атаковал он солдат, тех, чьи части находились недалеко от минного поля:

– Где, объясните, минное поле?!

Помялись, пожались, признались солдаты:

– Истопили мы в печках поле.

– Как – истопили?

Рассказали солдаты, в чем дело. Места под Сталинградом степные, безлесные. Ни пенька, ни сучка кругом. Вот и наловчились, оказывается, солдаты содержимое мин применять как топливо. Научились и мины снимать. Не хуже любых саперов. Грелись в землянках минами.

Поразился штабной работник:

– Так это же мины!! Ну и души у вас отчаянные!

– Солдатские души, – смеются солдаты.

Поразмыслил штабной офицер, подумал: «Да что им, солдатам, какое-то минное поле...»

И солдаты ему о том же:

– Да что там какое-то минное поле – скоро всю сталинградскую землю от фашистов метлой расчистим.

«Чтит и помнит»

Идут последние дни Сталинградской битвы. Станица Садовая. На пути к Сталинграду. Почти от самых железнодорожных путей тянутся тут бараки. Когда-то здесь были склады. Сейчас госпиталь для раненых и обмороженных фашистских солдат.

Много их. Прибывают все новые.

Прибыли вместе с другими и солдаты Отто Шредер и Хуберт Пикер. Оказались рядом они на нарах. Ранен Шредер в живот осколком. Отморозил руки и ноги Пикер.

В стонах и муках лежат солдаты. Обходят врачи бараки:

– Мужайтесь! Мужайтесь! Вы гордость рейха. Вы доблесть рейха. Читит вас родина. Читит и помнит.

Лежат солдаты. Однако у всех тревога. Что ожидает их впереди? Где-то рядом идут бои. Раскаты слышны орудий. Боятся солдаты русского плена. Наступает советская армия.

Волнуются и сами врачи. Звонят они в штаб к начальникам.

– Не беспокойтесь, – отвечают начальники. – Не бросим больных, не бросим. Не попадут они к русским в плен.

Заверяют врачи солдат:

– Не попадете вы к русским в плен.

И снова:

– Мужайтесь! Мужайтесь! Вы гордость рейха. Вы доблесть рейха. Читит вас родина. Читит и помнит.

И верно. Слух прошел по баракам: едет полковник из штаба, везет ордена-кресты. Вручат храбрецам награды.

Повеселели солдаты. Поднялся солдатский дух. Не забыла их родина. Читит и помнит.

Прибыл полковник.

– Смирно! – команда идет по баракам.

Замерли все: и врачи, и больные. Вручает полковник солдатам награды. Идет вдоль нар, никого не обходит. Косят Шредер и Пикер глазами. Скоро и к ним подойдет.

– Хайль Гитлер! – произносит полковник. И цепляет солдатам почетный знак.

– Хайль! – отвечают солдаты.

– Хайль! – прокричали и Шредер и Пикер.

Лежат солдаты в крестах, в наградах. Оценен их ратный труд. И все же волнует солдат вопрос: как же с отправкой на родину? Кто-то обратился к полковнику – не грозит ли солдатам плен?

– Не грозит, не грозит, – ответил полковник. – Не опасайтесь. Слово мое и фюрера.

Уехал полковник. Оставил какой-то приказ в пакете. Сказал – вскрыть, если прорвутся к Садовой русские. Прорвались русские. Вышли утром они к Садовой. Вскрыли пакет начальники. Читают приказ. В приказе черным по белому – сжечь, уничтожить солдат и солдатский госпиталь.

Сдержал полковник слово. Не попали солдаты в плен. Плеснули фашисты бензин на бараки. Взвились к небу огонь и дым. Утонули в пожаре крики несчастных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.